

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КИБКАЛО Ростислав Игоревич

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗНАКОВ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ АСТРОНОМИИ
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук,
профессор Светлана Васильевна
Серебрякова

Ставрополь — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основания изучения	
научно-популярного дискурса.....	16
1.1. Дискурс как содержательно-тематическая общность текстов: к уточнению понятия «научно-популярный дискурс».....	17
1.2. Научно-популярный текст как результат когнитивно-речевой деятельности автора.....	35
1.2.1. Автор и адресат как антропоцентры научно-популярной коммуникации.....	35
1.2.2. Типологические характеристики научно-популярного текста в корреляции с научным: вторичность и генеративность.....	46
1.3. Научно-популярный текст как результат прагматически обусловленного внутриязыкового перекодирования научного знания.....	57
1.4. К уточнению понятия «знаки авторского присутствия» в аспекте выражения авторских интенций.....	68
Выводы по главе 1.....	81
Глава 2. Когнитивно-прагматические особенности знаков авторского	
присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе	
астрономии.....	84
2.1. Механизмы стимулирования когнитивной активности читателя: прагматическое фокусирование повествования.....	84
2.2. Коммуникативно-прагматические особенности эксплицитных знаков авторского присутствия.....	104
2.2.1. Прагматика эксплицитных средств авторского присутствия: прямая Я-позиция.....	104

2.2.2. Специфика использования средств эпистемической модальности в аспекте выражения авторской позиции.....	118
2.2.3. Индивидуально-авторские особенности терминологических и интертекстуальных включений.....	137
2.3. Имплицитность авторского присутствия в аспекте непрямого воздействия на читателя.....	151
2.4. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия.....	169
Выводы по главе 2.....	184
Заключение.....	188
Список литературы.....	195

Введение

Современная антропоцентрически ориентированная лингвистика проявляет значительный интерес к различным дискурсивным практикам, обеспечивающим жизнедеятельность человека и общества. Особого внимания заслуживают в этом плане проблемы текстовой деятельности, связанные с массовой коммуникацией и расширением круга читателей, как это наблюдается в различных жанрово-тематических реализациях научно-популярного дискурса. Этот исследовательский ракурс обусловлен повышением плотности когнитивной научной информации, с которой сталкивается среднестатистический гражданин в ходе своей профессиональной деятельности и повседневной жизни, сдвигами в методах управления и обработки данных, широким внедрением цифровых технологий, а также стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, их внедрением в экономику страны, что предполагает необходимость освоения сложной научной терминологии и понимания физических процессов, протекающих в ходе данных изменений, широкими кругами населения.

Быстрый темп развития и трансформации информационных и управленческих технологий, вызванных перечисленными выше экстралингвистическими факторами, обуславливают **актуальность** и востребованность изучения стратегий и особенностей трансляции сложного научного знания в доступной для массового читателя форме. В более глубоком изучении нуждаются дискурсивные особенности языковой личности автора научно-популярного текста (НПТ) при реализации основных коммуникативных задач – популяризации научного знания, формировании ученым-популяризатором устойчивой научной картины мира у адресата текста, обогащении его индивидуальной когнитивной системы. Автор передает устоявшиеся в науке представления читателю посредством диалогизации,

одного из наиболее значимых механизмов выстраивания эффективной коммуникации с потенциальным адресатом в ситуации популяризации знаний, обеспечивая вовлечение читателя в свой дискурс ученого-популяризатора и активизируя его интерес к рассматриваемым проблемам. Изучение различных стратегий построения такого диалога с читателем с опорой на знаки авторского присутствия (ЗАП), характеризующие уникальную языковую личность ученого-популяризатора, является одной из задач предпринимаемого исследования с акцентом на наиболее эффективных приемах популяризации научного знания.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую основу исследования коммуникативно-прагматических особенностей научно-популярного дискурса составили труды отечественных ученых по теории дискурса В. Г. Борботько (1998), Т. А. ван Дейка (1989), С. В. Гусаренко (2021), В. И. Карасика (2000, 2004), М. Л. Макарова (1998, 2003), Г.Н. Манаенко (2008, 2013), А. В. Олянича (2004), В. Е. Чернявской (2009), в которых рассматриваются общекатегориальные и функциональные признаки дискурса, классифицируются его различные типы, отмечаются особенности междискурсного взаимодействия и взаимовлияния.

Интерес для разработки исходных позиций нашего исследования представляют труды по описанию и систематизации типов научного дискурса и его речевых характеристик Е. А. Баженовой (2012), С. В. Гричина (2003, 2016), Н. М. Кожиной (1972, 2003), М. П. Котюровой (2008) Т.В. Мордовиной (2019), В. Е. Чернявской (2004), в которых фрагментарно рассматриваются также когнитивно-речевые средства авторизации и проблемы культуры научной речи. Особенности стилистико-прагматического оформления авторского изложения в научном дискурсе освещались в работах Л.М. Болсуновской (2015 а, 2015 б), Ш.К. Жаркынбековой (2019), С.В. Когут (2016), Н.И. Колесниковой (2010), Н.А. Мишакина (2015), А.Л. Назаренко (2000), М.П. Сенкевича (1984).

Значительное место занимают исследования, посвященные выявлению

основополагающих характеристик, целей и задач научно-популярной коммуникации. Так, в работах А.Ю. Багияна (2014 а), И.В. Богословской (2001), Ж.О. Кузьминых (2022) описываются сущностные свойства дискурса популярной науки. А.Ю. Багиян (2017), Э.А. Лазаревич (1984), Н.Н. Маевский (1979), Е.В. Сухая (2012) исследуют механизмы научной популяризации. Анализ различных способов вербальной и невербальной передачи научной информации неподготовленному читателю осуществлен в работах А.Ю. Багияна (2015), С.Н. Бредихина (2019), Т.А. Воронцовой (2013), Н.С. Зарубиной (2025), А.Л. Назаренко (2000). Отметим также исследования, посвященные проблемам эффективного общения автора-популяризатора с массовым читателем. Так, прямые коммуникативные действия автора, направленные на выражение собственного мнения, описываются Н.В. Даниловой (2018). Особый взгляд на проблему авторской экспрессии на материале научно-популярного романа представлен А.А. Зарайским (2019), адресные стратегии оформления коммуникативных действий автора посредством модализации авторской речи выявлены и описаны А.Ю. Киселевым (2011) и А.В. Сахаровой (2023).

Укажем на значимость диссертационных работ для осмысления сущностных характеристик научно-популярного дискурса. Так, в работах Ю.А. Алейникова (2006), Б.В. Светайлова (2024), А.В. Сахаровой (2023 б), Е.М. Кузьминой (2011 а) рассматриваются особенности использования автором разных форм цитирования, хеджирования, экспликации эпистемической и субъективной модальности в научной и научно-популярной коммуникации. Средства авторской оценки в журналистском дискурсе изучены В.А. Телегиной (2021). Исследованию авторских практик и авторизационных приемов посвящена диссертация С.В. Гричина (2003). В работах Л.М. Алексеевой (1998) и А.Ю. Багияна (2015) описываются процессы терминопорождения и детерминологизации. Исследования О.А. Журавлевой (2003) и С.В. Первухиной (2015) позволили уточнить специфику процессов популяризации и адаптации текста для неподготовленного читателя.

В зарубежном научном сообществе фокус исследований сосредоточен на

описании популяризационных процессов как особого вида перевода: описывается пост-переводческий подход к пониманию внутриязыкового перевода (Arduini, 2011), научная популяризация исследуется как вид внутриязыкового перевода (Navarro, 2024; Wright, 2011).

Значительный интерес для нашей работы представляют исследования, посвященные проблемам авторизации и авторского присутствия на материале научного и научно-популярного дискурса. В работах С.В. Гричина (2003, 2010, 2016) изучаются функциональные особенности средств авторизации в научных текстах, Н.В. Данилова (2018), Ю.Ю. Строева (2008), В. О. Якубова (2015) затрагивают проблемы «выявленности» автора в контексте научно-популярного дискурса. Авторизационные процессы и знаки присутствия адресанта активно изучаются на материале художественных текстов в работах Ю.В. Булдаковой (2016), Н.А. Штейнберга (2004), Л.Г. Хоревой (2017), А.А. Серебрякова (2012), Г.Я. Солганика (1999).

Таким образом, критический анализ научной литературы свидетельствует о важности более глубокого исследования способов авторизации, научного осмысления востребованных сегодня эффективных форм и стратегий популяризации научного знания, специфики усложненной дискурсивной парадигмы «ученый – популяризатор – текст – читатель», выявления прагматического потенциала иерархически организованных знаков присутствия автора в разножанровых текстах научно-популярного дискурса на материале английского и русского языков.

Объектом данного исследования являются знаки авторского присутствия в научно-популярном дискурсе на лексико-семантическом, грамматическом и дискурсивном уровнях.

Предметом исследования выступают когнитивные и функционально-прагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии.

Цель данного исследования состоит в выявлении, систематизации и описании когнитивно-прагматических особенностей форм и способов

экспликации авторского присутствия в научно-популярном дискурсе с акцентом как на общепринятых, универсальных, так и индивидуально-авторских, а также этнокультурно обусловленных коммуникативных стратегиях общения с читателем.

В качестве подчиненных данной цели **задач** были определены следующие:

- определить институциональные параметры научно-популярного дискурса и его место в системе дискурсивных практик;
- выявить прагматически действенные стратегии репрезентации специального знания в диаде «профессионал – непрофессионал» как антропоцентров научно-популярной коммуникации;
- установить прагматическую обусловленность внутриязыкового перекодирования научного знания;
- уточнить понятие «знаки авторского присутствия»;
- описать интенциональные механизмы стимулирования когнитивной активности читателя научно-популярной литературы;
- установить прагматический потенциал эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном дискурсе астрономии;
- определить когнитивно-прагматические особенности оценочности как средства косвенной импликации модальности продуцента.

Материал исследования включает в себя научно-популярные издания на английском и русском языках объемом более 800 тысяч знаков, авторами которых являются известные ученые и одновременно признанные популяризаторы научных знаний по астрономии и астрофизике: научно-популярные книги Карла Сагана «Cosmos» (Sagan, 2013) и Владимира Сурдина «Разведка дальних планет» (2011). Для решения отдельных задач исследования, в частности, изучения специфики преобразования сложного научного знания в общедоступный формат, привлекались научные труды этих ученых, их публичные выступления на Интернет ресурсах, официальные сайты научно-популярных интернет изданий «Постнаука», «Элементы», «N+1», «Popular

Mechanics», «New Scientist», интернет-подкасты «Неземной подкаст», «Startalk», научно-популярные издания по астрономии Н. ДеГрасса Тайсона (2017, 2021), С. Хокинга (2001). Исследовательская картотека составляет 13 049 разноуровневых контекстов. Используемые в работе англоязычные примеры снабжены переводом из русскоязычных изданий А. Сергеева (Саган, 2008) и А. Бродоцкой (Тайсон, 2017). Перевод англоязычных контекстов из Интернет-источников выполнен автором работы.

Методологической основой данного исследования послужили доказанные положения о взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры, языка и общества, а также актуальные для современной полипарадигмальной лингвистики принципы антропоцентризма, системности, функциональности.

Методы исследования включают в себя: лингвопрагматический подход, позволяющий установить явные и скрытые цели высказывания, заложенные в текст самим автором, выявить коммуникативные стратегии и речевые тактики диалога с читателем; коммуникативно-дискурсивный анализ, предполагающий учет коммуникативных условий общения в соответствующем культурно-историческом контексте. Дискурсивный анализ предполагает учет влияния различных факторов речевой деятельности в границах как узкого лингвистического, так и широкого культурно-исторического контекста, дефиниционный и контекстологический приемы анализа привлекались для уточнения актуализированного значения единиц, приемы количественного подсчета – для определения степени авторского присутствия в разноязычных научно-популярных текстах. В процессе корпусного анализа материала была использована система лингвистического анализа текстов GATE в сочетании с ее компонентом ANNIE Gazetteer.

Теоретической базой исследования стали труды отечественных и зарубежных исследователей:

- по теории дискурса и его категориальным признакам: В.Г. Борботько (1998); С.В. Гусаренко (2021); Т.А. Дейк (1989); В.И. Карасик (2000, 2004); М.Л. Макаров (1998, 2003); Г.Н. Манаенко (2008, 2013); А.В. Олянич (2004); В.Е.

Чернявская (2001, 2009);

- по научному дискурсу: Е.А. Баженова (2003); Г.Ю. Гришечкина (2015); Н.В. Ефремова (2015); М.Н. Кожина (1072); М.П. Котюрова (2008); Е.В. Кравцова (2012); Е.М. Кузьмина (2011); Т.В. Мордовина (2019); А.В. Сахарова (2023); С.Г. Сорокина (2013); В.Е. Чернявская (2004); К. Hyland (2005);

- по научно-популярному дискурсу: А.Ю. Багиян (2014, 2015); И.В. Богословская (2001); Т.А. Воронцова (2013, 2014); Л.А. Егорова (2009); М.А. Занина (2012); А.Ю. Киселева (2011); Ж.О. Кузьминых (2022); Э.А. Лазаревич (1984); Н.Н. Маевский (1979); А.Л. Назаренко (2000); С.В. Первухина (2015); Н.Я. Сердобинцев (1973); Е.В. Сухая (2012); L.M.R. Esteves (2014); M. Gotti (2014); P. Navarro (2024); J. R. Topham (2009);

- по прагмалингвистике и коммуникативной лингвистике: Ю.Д. Апресян (1988); Н.Д. Арутюнова (1981, 1999); Е.М. Вольф (2009); А.А. Залевская (2005); А.А. Зарайский (2019); Г.В. Колшанский (1974); Т.А. Кубрак (2009); Дж. Л. Остин (1986); Н.В. Штыкова (2011); О.А. Шутова (2013); Н.Р. Grice (1969); C.S. Peirce (1998);

- по когнитивной лингвистике и теории языковой личности: К.С. Быкова (2022); В.И. Карасик (2000); Ю.Н. Караулов (1989, 2002); Е.С. Кубрякова (2004); Т.В. Мордвина (2019); Л.О. Чернейко (2005);

- по способам авторизации высказывания в различных типах дискурса: Е.А. Баженова (2012); Л.М. Болсуновская (2015); В.И. Габдуллина (2011); С.В. Гричин (2003, 2010, 2016); Н.В. Данилова (2018); С.Т. Нефёдов (2013); Г.Я. Солганик (1999); Ю.О. Соловьева (2022, 2023); Ю.Ю. Строева (2008); Т.В. Шмелева (2010); Н.А. Штейнберг (2004); В.Ю. Якубова (2015).

Гипотезу данного исследования можно сформулировать следующим образом: разноуровневые языковые средства индивидуально-авторского присутствия в научно-популярных текстах, реализуемые посредством различных коммуникативных стратегий взаимодействия ученого-популяризатора с массовым читателем в целях активизации его познавательной деятельности и обогащения когнитивной системы, свидетельствуют о лингвокультурной и

целеориентационной детерминации степени авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Научно-популярный астрономический дискурс как институциональный тип общения нежесткого характера представлен корпусом тематически связанных текстов, посвященных изучению небесных тел, их траекторий, характеристик и признаков, а также возникающих в результате взаимодействия небесных тел эффектов. Типологические признаки институциональности научно-популярного дискурса, включающие такие конститутивные категории, как типовые участники, дистантный хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы, свидетельствуют о его достаточно самостоятельном статусе, интердискурсном контаминированном характере, обусловленном различными формами взаимодействия с научным, медийно-публицистическим и педагогическим дискурсами.

2. Ученый-специалист, выполняя функцию оценивающего информатора, использует в процессе репрезентации специального знания в коммуникативной диаде «профессионал – непрофессионал» ряд прагматически действенных коммуникативных стратегий, базовыми среди которых являются информационно-объясняющая, обеспечивающая прагматически обусловленное внутриязыковое перекодирование информации, и манипулятивно-воздействующая, способствующая убеждению адресата в излагаемой позиции автора как ведущего антропоцентра, инициирующего процесс научно-популярной коммуникации. Вспомогательные приемы включают стратегии самопрезентации, установления и поддержания контакта, стимулирования когнитивной активности адресата.

3. Внутриязыковой перевод как эффективная стратегия популяризации сложного астрономического знания, имманентно присущая научно-популярному текстообразованию, правомерно считать гетерофункциональным перекодированием, поскольку изменение фактора адресата предопределяет последовательную реализацию прагматической доминанты ориентации на

массового читателя. Процесс перекодирования знаков научного языка в знаки, доступные к восприятию несведущим адресатом, выступает прагматически значимым инструментом тексто- и смыслообразования в процессе интерпретационно-воздействующей деятельности ученого-популяризатора.

4. Механизмы стимулирования познавательной активности читателя выполняют в научно-популярном дискурсе функцию организации процесса познания, опосредованного контроля и обеспечения адекватного восприятия научной информации с помощью прагматического фокусирования внимания читателя-неспециалиста на концептуально значимой информации и авторской позиции. Механизмы активизации когнитивных способностей адресата получают реализацию на чувственном (субъективизация, интимизация, экспрессивизация, метафоризация) и рациональном (аргументация, объяснение, экземплификация) уровнях восприятия информации.

5. Коммуникативно-прагматический потенциал эксплицитных знаков авторского присутствия заключается в реализации стратегии авторской самопрезентации, контактоустанавливающей и персонифицирующей функций общения. Различия в языковой репрезентации авторской позиции в разноязычных дискурсивных практиках обусловлены характером авторских пресуппозиций в отношении читателя, соотношением категоричности/некатегоричности высказываний. Снижение категоричности, стремление автора избежать однозначных оценок непроверенной информации сближает англоязычный дискурс астрономии с медийно-публицистическим дискурсом. Русскоязычный дискурс астрономии демонстрирует при этом тенденцию к достаточно высокой степени категоричности авторских суждений, нацеленных на построение убеждающего дискурса с акцентом на максимально объективной проверенной информации, что можно считать свидетельством более тесного взаимодействия научно-популярного и научного видов дискурса.

6. Конвергенция когнитивно-прагматических особенностей научного, художественного, газетно-публицистического и рекламного дискурсов в научно-популярном дискурсе астрономии предопределяет гибридный характер

имплицитных знаков авторского присутствия. Воздействующая функция авторской речи обусловлена широким использованием языковых и концептуальных метафор в русско- и англоязычном научно-популярном дискурсах. Развернутый тип метафоры типичен для привлечения внимания русскоязычного читателя, частотное применение аналогий характерно для англоязычного дискурса. Информированная функция реализуется посредством использования терминологии и семиотической конвергенции.

7. Прагматический потенциал средств индивидуально-авторской оценочности обусловлен широкой палитрой разноуровневых языковых средств. Для англоязычного дискурса астрономии характерно выражение оценки преимущественно на лексическом и стилистическом уровнях, в то время как в русскоязычном доминирует оценочная лексика и синтаксические конструкции субъективно-оценочной семантики, призванные эксплицировать критическое отношение к устоявшимся научным концепциям, акцентировать значимость и перспективность исследований космоса. Англоязычный НПД демонстрирует тенденцию к снижению степени авторской оценочности, что связано с прагматической направленностью на формирование собственной научной картины мира читателя.

Научная новизна диссертационной работы обусловлена следующими основными результатами исследования:

- определены конститутивные параметры научно-популярного дискурса и обозначено его место в системе институциональных дискурсивных формаций;
- установлены прагматически обусловленные стратегии научно-популярного взаимодействия в рамках коммуникативной диады «профессионал – непрофессионал», описан их статус как антропоцентрических коммуникации;
- установлен характер прагматической обусловленности внутриязыкового перевода как гетерофункционального перекодирования;
- дано функциональное определение знаков авторского присутствия в разноуровневом языковом выражении;
- произведена классификация знаков авторского присутствия по способу

представления информации;

- выделены прагматически обусловленные механизмы стимулирования познавательной активности читателя;

- определены когнитивно-прагматические и лингвокультурные особенности эксплицитных знаков авторского присутствия как способов самопрезентации ученого-популяризатора в рамках реализации персонифицирующей и контактоустанавливающей стратегий;

- обоснован гибридный характер имплицитных знаков авторского присутствия, определены языковые средства реализации информирующей и воздействующей функций общения в аспекте непрямого авторского влияния на читателя;

- установлены коммуникативно-прагматические особенности разноуровневых языковых средств реализации авторской оценочности.

Теоретическая значимость исследования обусловлена выявлением и описанием категориальных признаков и коммуникативно-прагматических параметров научно-популярного дискурса, обогащающих новыми наблюдениями теорию дискурса, прагмалингвистику, теорию коммуникации. Выявление средств и приемов манифестации языковой личности автора научно-популярного текста расширяет базу исследовательских работ в области антрополингвистики, когнитивной лингвистики, теории языковой личности, теории текста. Исследование хеджинговых выражений в обеспечении когезивной и когерентной цельности текста и дискурсивной практики способствует углублению знаний в области субъективной модальности и коммуникативной лингвистики.

Практическая значимость полученных результатов заключается в систематизации средств и особенностей авторизации повествования в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии, определении прагматических функций знаков авторского присутствия на разных уровнях языковой системы и текстовой деятельности, что может найти применение в вузовских курсах по анализу и переводу разножанровых текстов с акцентом на

их универсальной и этнокультурной специфике. Материалы и результаты исследования могут представлять интерес для внутриязыкового перевода и адаптации исходного текста, способов изменения прагматического фокуса повествования, обусловленного фактором адресата.

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием концепций, признанных в теории дискурса, прагмалингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, доказанными положениями на защиту, репрезентативностью и социокультурной значимостью эмпирического материала на английском и русском языках, использованием адекватных методов анализа, обобщением количественных данных, экзemplифицирующих степень авторского присутствия.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы регулярно обсуждались на заседаниях департамента лингвистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», а также докладывались на международных (Москва, 2020; Нижний Новгород, 2023; Симферополь 2023; Ставрополь, 2024), региональных (Севастополь 2025, Ростов-на-Дону 2025) научных и научно-практических конференциях. Всего по теме диссертации издано 12 работ, 4 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК МНиВО Российской Федерации.

Структура работы определяется её целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников материала.

Глава 1. Теоретические основания изучения научно-популярного дискурса

Понятию «дискурс» в современной лингвистике отведена важная, интегрирующая роль, поскольку едва ли не каждый лингвист-исследователь считает себя обязанным опираться и ссылаться на этот интеракционный феномен при аргументации своих рассуждений. Это связано с широким пониманием дискурса как некоего «связующего звена» между категориями речи, текста, диалога, а также с многообразием видов и разнообразием его толкований. На данный момент наука, изучающая дискурс и смежные с ним понятия – теория дискурса, получила статус одного из наиболее активно развивающихся направлений антропо- и социоцентрически ориентированного языкознания.

Антропоцентризм, акцентирующий изучение языка как средства социального и личностного взаимодействия коммуникантов, является методологической основой многоаспектного изучения научно-популярного дискурса. В конце 80-х гг. прошлого века фокус изучения в лингвистике начал смещаться в пользу антропоцентризма, выделения человеческого в языке. До настоящего момента антропоцентризм остается одним из основных признаков современной лингвистики, который проявляется в обострении «внимания к исследованию человеческого фактора в языке, роли человеческой личности, её индивидуальности и неповторимости» (Строева, 2008, с. 134). Именно антропоцентричность дает широкие возможности для изучения научно-популярного дискурса. Вся его информативность передается определенному адресату с позиции конкретного адресанта, дифференцирующего транслируемую информацию при помощи средств оценки и способов субъективации повествования, уникальных для данного автора. Адресант преподносит накопленную информацию в обработанном виде, стремясь повлиять на мнение адресата.

Новейшие исследования рассматривают дискурс как сложное

коммуникативное явление, включающее, кроме текста как результата его реализации, еще и экстралингвистические факторы, например, знания о мире, мнения, установки, цели адресата, которые необходимы для восприятия текста (Караулов 1989, с. 8). Являясь одной из основных лингвопрагматических категорий, заимствованная из французского номинация «дискурс» допускает один вариант произношения: дискУрс, однако содержит множество терминологических интерпретаций.

Хотя цель данного исследования не состоит в перечислении всех возможных классификаций и толкований данного понятия, приводимых в большом количестве лингвистических работ, мы все же остановимся на концепциях, которые будут иметь непосредственное отношение к рассматриваемым в настоящем исследовании вопросам.

На начальном этапе наших теоретических изысканий мы попытаемся объяснить причины многообразия определений и взглядов на понятие «дискурс», далее мы обратимся к концепции В. И. Карасика с целью определения основных типологических параметров научно-популярного дискурса астрономии как объекта нашего исследования.

1.1. Дискурс как содержательно-тематическая общность текстов: к уточнению понятия «научно-популярный дискурс»

В последние десятилетия в лингвистике всестороннее внимание уделяется изучению дискурса, его составляющих и параметров. Исследованием данного коммуникативного феномена занимались такие лингвисты, как В. И. Карасик (2000, 2004), Л. О. Чернейко (2005), М. Л. Макаров (1998, 2003), В. Г. Борботько (1998), А. В. Олянич (2004), С. В. Гусаренко (2021), Г. Н. Манаенко

(2008) и многие другие, при этом в связи с разнообразием точек зрения и областей приложения данного термина он получил большое количество трактовок в различных исследовательских концепциях, многие из которых значительно различаются.

Прежде всего, причина выделения и делимитации границ дискурса как научного объекта состоит в смене целей и задач лингвистики в последние десятилетия с акцентом на человеческом факторе в языке и трансформации научных парадигм. «Цель современных лингвистических исследований состоит в том, чтобы через все многообразие реальных реализаций языка в речи (*parole*) прояснить необъятную сферу релевантных для культуры содержаний (смыслов), всю область понятого и пережитого. Перенос акцента с изучения языка как системы с имманентной структурой (*langue*) на речевую деятельность (*langage*), структура которой во многом определяется личностными качествами говорящего (виртуальным и актуальным “пси-фактором”), его представлениями о слушающем (“портретом адресата”) и о себе (“автопортретом”), их интересами и интенциями, социальным статусом и характером межличностных отношений, а также уровнем культуры общества в целом, привел исследователей к необходимости очертить границы сравнительно нового научного объекта под терминологическим названием дискурс» (Чернейко, 2005, с. 43).

Появление дискурсивной парадигмы знания было обусловлено необходимостью перенести внимание лингвистики с рассмотрения общезыковых проблем на исследование сложной картины взаимодействия в пространстве текста автора и того, кому этот текст предназначен. В этот процесс включены множество факторов – от интенции и стиля изложения автора до ожиданий и личного мнения адресата. Подробный анализ такого взаимодействия требует обращения к целому ряду областей гуманитарной науки – от антропологии и психологии до этнографии и философии. В связи с различиями в методологии разных научных направлений, их представителям приходилось разрабатывать и обосновывать самостоятельное толкование дискурса, опираясь на цели и объект своего исследования, что в конечном итоге

привело к появлению большого количества определений термина «дискурс».

Обозначив причину разнообразия в толковании дискурса, обратимся подробнее к наиболее актуальным дефинициям этого феномена с акцентом на корреляции важных для нашей работы понятиях «текст» и «дискурс». Так, следуя классическому определению Н. Д. Арутюновой, дискурсом является «текст, взятый в событийном аспекте», рассматриваемый неотрывно от его прагматических, социокультурных, психологических, паралингвистических факторов. Иными словами, дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова, 1990, с. 136-137). В этом же направлении ведет свои рассуждения В.И. Карасик, внесший значительный вклад в исследование разных типов дискурса. Ученый определяет дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения», имеющий множество измерений и предполагающий множество подходов к изучению, таких как прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурологический, социолингвистический (Карасик, 2000, с. 5-6). Ученый полагает, что дискурс представляет собой промежуточное явление между «сухим» текстом, лишенным какого-либо дополнительного контекста, и языковым поведением, формой донесения какой-либо информации.

В исследованиях, проводимых в рамках коммуникативной лингвистики, дискурс часто определяется как «процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи» (Карасик, 2002, с. 193). Это определение акцентирует внимание представителей данного направления на понятиях завершенности, тематической связности, степени спонтанности и восприятия сообщения другими людьми.

Структурируя различные толкования дискурса, М. Л. Макаров разделяет их на три основных вида: формальная, ситуативная и функциональная интерпретации. С точки зрения формальной интерпретации дискурс понимается как сверхфразовое образование, комплексное синтаксическое единство, выраженное в виде абзаца или цепочки реплик в диалоге.

Функциональное понимание дискурса является наиболее широким, поскольку оно предполагает использование речи во всех ее проявлениях. Компромиссный вариант функционального понимания, значительно конкретизирующий интерпретационное поле данного термина, предполагает установление взаимного соотношения «дискурс и высказывание» – «текст и предложение». По сути, эта интерпретация, которой мы придерживаемся, трактует дискурс как единую общность функционально организованных единиц употребления языка в социокультурном контексте. Контекст, выступающий признаком дискурса, актуализирует исследование противопоставления локуции и иллокуции, то есть процесса говорения и смысла высказывания, а также ситуации общения в целом. Ситуативная интерпретация дискурса учитывает обстоятельства коммуникации, психологические, социальные и культурные факторы, имеющие значительное влияние на процесс общения (Макаров, 1998, с. 68-75).

Значительный интерес для нашей работы представляют исследования по различным аспектам научной коммуникации В. Е. Чернявской. Исследователь дает одно из определений дискурса как «совокупности тематически соотнесенных текстов» (Чернявская, 2009, с. 144). Из этой трактовки вытекает обращенность текстов к единой общей теме, функционирующих в одной коммуникативной сфере. Содержание дискурса раскрывается интертекстуально – посредством многостороннего взаимодействия множества отдельных текстов в их комплексной взаимосвязи и взаимодополнении (там же). Данное определение в полной мере раскрывает специфику научно-популярного дискурса рассматриваемой нами предметной области как совокупности текстов, посвященных изучению астрономических явлений.

Выдвигая второе определение дискурса, В.Е. Чернявская рассматривает его как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» (Чернявская, 2009, с. 143). В данной трактовке акцент сделан на взаимодействии текста с прото- и паратекстовым фоном, при этом конкретные модели

текстопорождения и восприятия соотносятся с прототипическим характером коммуникации. Кроме того, важной проблемой, которая затрагивается в работе В.Е. Чернявской, является оппозитивная корреляция текста и дискурса как статичного и динамического явления: «текста как результата коммуникативно-когнитивной деятельности дискурса как самого процесса» (Чернявская, 2009, с. 43). Данная антиномия лежит в основе развития когнитивно ориентированной лингвистики, маркируя кардинальный пересмотр понимания категории текста.

Решая проблему разграничения понятий «текст» и «дискурс», В.Е. Чернявская опирается на категорию «целостность» текста, которая подразумевает выражение всех заложенных его автором смыслов в полном объеме. При этом исследователь полагает, что раскрытие содержательных особенностей целостного текста невозможно лишь при анализе его интраязыковой составляющей, но эффективно при комплексном рассмотрении всех коммуникативных, социокультурных и когнитивных факторов, имеющих неразрывную связь с языковыми (Чернявская, 2009, с. 134).

В зарубежных исследованиях, прежде всего Т.А. ван Дейка, сложилось коммуникативно-функциональное понимание дискурса. Ученый утверждает, что «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» (Дейк, 1989, с. 121-122). Как впоследствии и многие отечественные исследователи, он подчеркивает, что дискурс включает внеязыковые факторы, которые влияют на производство и восприятие текста как результата его реализации в актах коммуникации. Важным элементом толкования дискурса, предложенного Т.А. ван Дейком, является исследование способов правильной интерпретации дискурсной информации, которая должна происходить при учете исходного контекста коммуникации или положения дел, неизбежно меняющихся во время речевого акта (Дейк, 1989, с. 21).

Такая трактовка понятия «дискурс» имеет прямое отношение к объекту нашего исследования, а именно к научно-популярному дискурсу. Вплоть до

настоящего времени не существует единого мнения о месте и статусе научно-популярного дискурса в системе дискурсивных практик. Так, некоторые ученые, в число которых входят И.Р. Гальперин (1981), М.Н. Кожина (2003), Н.М. Разинкина (1989), убеждены во вторичном характере научно-популярного дискурса по отношению к научному, который традиционно рассматривается как самостоятельный вид дискурса. Кроме того, изначально данной точки зрения придерживались Н.Н. Маевский (1979), Н.Я. Сердобинцев (1973, 1976) и некоторые другие.

В отношении трактовки и исследования научного дискурса наибольший интерес представляет когнитивно-дискурсивный подход, разработанный Е.С. Кубряковой и ее школой. Данное направление является соединением представлений и методов исследования когнитивистики, в цели которой входит изучение специфики деятельности ученого, и дискурсивно-прагматической лингвистики, что в совокупности дает возможность познания внеязыковых и языковых условий создания научного текста (Кубрякова, 2004, с. 45-46). Этот подход позволяет провести анализ текста как продукта порождения дискурса по восприятию нового знания и способов его репрезентации с помощью соответствующих языковых средств. Иными словами, когнитивно-дискурсивный подход актуален в отношении научных текстов, поскольку их функция состоит в передаче нового знания, сообщении достоверных фактов, изложении научного материала, а также в хранении, переработке и презентации знания.

В рамках данного подхода научный дискурс понимается как когнитивно-событийное пространство размышления ученого, способ организации и результат его когнитивно-дискурсивной деятельности, содержащий научное знание, как общеязыковых, так и идиостилистических средств (Багиян, 2015, с. 8). Кроме того, исследователи, оперирующие когнитивно-дискурсивным подходом, отмечают актуализацию дискуссии относительно феномена целостности (когерентности – топикально-нарративного единства) текста. Суть спора заключается в том, является ли целостность имманентным качеством текста, существующим независимо от внешних факторов, или же целостность воссоздается заново

адресатом в процессе восприятия текста (Чернявская, 2009, с. 13).

В научном сообществе нет однозначной классификации подвидов научного дискурса. Так, В. Е. Чернявская, говоря о «текстовых классах» в сфере научной коммуникации, разделяет их на основании коммуникативной функции текста на несколько групп, выделяя и объект нашего исследования – научно-популярные тексты:

- а) академические, научно-исследовательские (статья, монография, тезисы доклада, диссертация);
  - б) научно-популярные (научно-популярная статья, заметка);
  - в) научно-учебные (лекция, учебник, учебное пособие);
  - г) научно-информационные (реферат, аннотация);
  - д) научно-критические (научный отзыв, рецензия, критический обзор)
- (Чернявская, 2004, с. 38-39).

Важно отметить мнение автора о «прототипической форме *когнитивной репрезентации типа текста в сознании*» и указание на гибкую структуру большинства типов текстов в формально-содержательном плане (Чернявская, 2009, с. 77), что можно считать свидетельством размытости и взаимодействия жанров.

Другие классификации подвидов научного дискурса перекликаются с данной систематизацией, приоритет часто отдается при этом понятию «научный стиль». Как известно, термин «дискурс» был употреблен в лингвистическом значении в начале 1970-х гг., довольно близком к пониманию в русской традиции понятия «функциональный стиль». По мнению Ю. С. Степанова, дискурс и стиль имели схожее значение, что отражало особенности национальных лингвистических школ (Степанов, 1995, с. 36). Н. Е. Сулименко также указывает на тесную взаимосвязь понятий функционального стиля и дискурса, ибо функциональный стиль является проявлением коллективной интертекстуальности, присущей сознанию каждого участника общения, использующего конвенционализированные паттерны создания сообщения для порождения дискурса (Сулименко, 2009, с. 94). При этом важно отметить, что

при переходе от рассмотрения дискурса к изучению функционального стиля текста следует разделять основания дискурса, который представляет собой более узкое понятие в системе языка, поскольку можно выделить медицинский, религиозный и спортивный дискурс, но не стиль. Мы разделяем мнение В.И. Карасика, который, основываясь на критерии жанрового канона дискурса, отдает предпочтение термину «формат дискурса» и трактует его как «разновидность дискурса, выделяемую на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств» (Карасик, 2004, с. 246).

Не менее важное понятие, затрагивающее коммуникативный аспект формирования дискурса, выделяет французский философ и культуролог М. Фуко, разработавший теорию дискурсивного анализа. Исследователь обозначает совокупность правил и условий, которые определяют возможность появления, функционирования и трансформации высказываний внутри определенного типа дискурса, термином «дискурсивная формация», связывая его с группами высказываний: «термин дискурс может быть определен окончательно как совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» (Фуко, 1996, с. 206). Здесь следует пояснить, что дискурсивные формации научного и научно-популярного дискурсов обнаруживают существенные различия, поскольку научно-популярный текст создается путем прагматически обусловленного способа представления информации, что приводит к трансформации дискурсивной формации.

Интерес представляет вопрос о месте научно-популярного дискурса в системе существующих дискурсивных практик, что важно для конкретизации объекта нашего исследования. Так, некоторые ученые традиционно относят тексты, посвященные популяризации науки, к научной коммуникации (Кириченко, 2003, с. 237), различия между которыми кроются в разных коммуникативных установках, влияющих на способ изложения информации с учетом фактора адресата, в упрощении терминологии и т. д., в то время как общие черты включают в себя единую цель, содержание и

экстралингвистические факторы, лежащие в основе образования стиля.

В. Е. Чернявская, отмечая вторичную информативность и «интертекстуальную зависимость научно-популярных текстов от первичной системы» указывает, что «популяризаторские тексты противоположны академическим научным произведениям по своим целям, содержательному наполнению, характеру адресата, к которому они обращены» (Чернявская, 2004, с. 41-42). Подчеркнем, что целью научно-популярного дискурса является широкое распространение и популяризация определенной научной информации, а именно «сообщение знаний адресантом, профессионально занимающегося научной проблемой, широкому кругу лиц с житейским, обыденным, так называемым наивным знанием» (Чернявская, 2004, с. 42) с использованием «механизмов стимулирования когнитивной активности читателя, способного извлечь текстовый смысл без видимой авторской помощи» (Чернявская, 2009, с. 17).

Многие исследователи рассматривают научно-популярный формат общения в качестве самостоятельного функционального стиля, типологические признаки которого не совпадают с чертами научного стиля. Утверждается, что близость признаков данных стилей не дает основания говорить о типологической неопределенности научно-популярного стиля, поскольку эта близость, хотя и четко выражена, но при этом ограничена (Лазаревич, 1984, с. 297; Сердобинцев, 1973, с. 129-130).

Л. А. Егорова относит к научно-популярному дискурсу «тексты различных жанров и форм репрезентации знания...», имеющие общие цели, главной среди которых выступает «...популяризация среди широких слоев населения новейших достижений науки и техники; поддержание интереса к жизни научного сообщества» (Егорова, 2009, с. 43). Научно-популярный дискурс является центральной единицей уникального коммуникативно-когнитивного процесса, репрезентирующего активное взаимодействие коммуникантов в значимом для общества действии, построенном в виде диалога, содержание и форма которого обусловлены экстралингвистическими факторами, такими как образование, привычки, социальные и культурные нормы коммуникантов.

Научная коммуникация может осуществляться как между людьми, которые имеют необходимые знания в специальной области, так и между людьми, у которых таких знаний нет или их недостаточно. Этот факт детерминирует прагматическую обусловленность текстов научно-популярного дискурса, главная задача которого – ознакомить читателя с научным знанием в доступном и понятном неспециалисту виде. Несомненно, научно-популярный дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, которое сочетает в себе особенности как научного, так и популярного дискурсов, продуктом которого является свертхтекст» (Шутова, 2013, с. 75).

Таким образом, научно-популярный дискурс, если принять во внимание значение компонентов, составляющих этот термин, предполагает популяризацию научного знания, т.е. «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей (имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации)» (Сухенко, 2016, с. 18). Необходимость в специальном распространении научных знаний возникла ещё в XIX в., когда в результате профессионализации науки ученые начали специализироваться на исследовании все более узких областей науки. При этом оказались востребованными люди, способные «перевести» знания, полученные профессиональной наукой, для широкой аудитории (Lightman, 2007, p. 495). Важно отметить, что многие ученые часто строили свою карьеру как в области науки, так и в качестве популяризаторов, передающих информацию об исследованиях публике, как это подтверждается эмпирическим материалом нашей работы.

Зарубежные исследователи, акцентируя различия между научно-популярным и научным дискурсом, отмечают прагматическую значимость таких факторов, как целевая аудитория, ее массовость и неинформированность или недостаточные знания в соответствующей области. Так, основным фактором, по которому отграничивают научно-популярный текст от специализированного научного текста, является отсутствие в первом нового научного знания, которое дополняет концептуальную базу дисциплины (Gotti, 2014, p. 16). Не претендуя

на абсолютную истинность заключения, полагаем, что научно-популярный дискурс обладает определенной долей видовой самостоятельности внутри дискурсивной формации академического научного взаимодействия.

Значительным интерпретационным потенциалом для многоаспектного изучения научно-популярного дискурса обладает наряду с функционально-прагматическим также социолингвистический подход, учитывающий коммуникативные обстоятельства общения, которые раскрывают с позиции участников коммуникации два его основных типа: персональное (личностно-ориентированное) и институциональное (статусно-ориентированное) общение. В первом типе общения участвуют хорошо знакомые люди, раскрывающие друг перед другом свой внутренний мир, во втором – представители разных социальных групп, реализующие свою роль в существующей системе общественных институтов (Карасик, 2004, с. 239).

Институциональный дискурс определяется как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» (Карасик, 2004, с. 234). Институциональность при этом имеет градуальный характер, а, следовательно, выделение разных типов институционального дискурса условно и совершается в целях исследования. Основой данного дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, ученого и его коллеги или журналиста и читателя. Кроме того, институциональный дискурс имеет мягкие и жесткие разновидности. Примером мягкой разновидности может послужить прием у врача, а жесткой – защита диссертации и военный парад.

В рамках институционального дискурса традиционно выделяются разные его типы – политический, деловой, юридический, медицинский, педагогический, рекламный, научный и многие другие виды, обеспечивающие все возможные формы, стили и цели официальной коммуникации. Научно-популярный дискурс также целесообразно включить в этот перечень институциональных форм научного общения, поскольку ему присущи базовые характеристики текстов в

событийно-коммуникативном пространстве, и, как считает А. Ю. Багиян, он представляет собой особый лингвистический феномен, спецификой которого является органичная эклектичность системообразующих параметров научного дискурса и лингвопрагматических особенностей медиадискурса (Багиян, 2014б: 85-86). Это означает, что включение научно-популярного дискурса в систему институциональных форм общения позволит определить его место и статус как интердискурсного феномена, способствуя формированию целостной системы институциональных дискурсов. Постулируя взаимодействие текстов как результат взаимодействия дискурсов, В.Е. Чернявская определяет интердискурсивность как смену дискурса, материализуемую в тексте интертекстуальными сигналами (Чернявская, 2009, с. 221).

Научно-популярный дискурс изучался в рамках социолингвистического подхода с позиций институциональности (Кузьминых, Красильникова, 2022; Багиян, 2014б). Несомненно, в более глубоком изучении нуждаются институциональные параметры научно-популярной коммуникации. Принимая во внимание типологизацию категорий дискурса как доминантных характеристик текста в коммуникативной ситуации В.И. Карасика (тип дискурса, формат текста, жанр речи) (Карасик, 2004, с. 250), представим описание научно-популярного дискурса с опорой на выделенные ученым категории институциональности: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы (Карасик, 2000, с. 6).

Во-первых, научно-популярный дискурс отличается специфическим набором типовых участников: адресантом является популяризатор науки (журналист, ученый), который освещает результаты научной деятельности, передавая их на понятном для коллективного адресата языке. Следует отметить, что трансляционная деятельность медиатора может касаться как собственных знаниевых компонентов, так и авторизованных элементов в общем пространстве той или иной предметной области. Кроме того, в особых случаях адресантами могут являться чиновники и общественные деятели (Общество «Знание»), выступающие с образовательными проектами для разной аудитории

(школьники, студенты).

В изучаемом нами типе дискурса – это ученые-астрономы, которые знакомят с результатами собственных исследований широкий круг читателей. Адресат же в общем понимании – это интересующийся наукой человек, желающий ознакомиться с последними тенденциями в современной науке, в нашем случае – астрономии, но не имеющий доступа или необходимой квалификации для понимания собственно научных публикаций.

Хронотоп дискурса связан с временными и пространственными параметрами, в которых создается текст и которые выступают в роли важнейших компонентов, образующих основу текста. Хронотоп научно-популярного дискурса характеризуется отсутствием четкой фиксации в системе координат «время – пространство». В этом смысле он пересекается с письменным научным дискурсом, в котором хронотоп также не имеет четких ограничений места и времени. Диалог может быть письменным, отсроченным во времени и пространстве (чтение научно-популярных изданий), и устным (доклад, полемическое выступление, научно-популярная лекция в студенческой аудитории).

Основной целью научно-популярного дискурса является передача специальных научных знаний в среде непрофессионалов (Воронцова, 2014, с. 39), что подразумевает широкий круг возможных участников дискурса. В этом плане научно-популярный дискурс отличается от научного, целью которого является убеждение научного сообщества в правильности и уникальности научной концепции ученого или научной школы. Сходство целей данных дискурсов состоит в трансляции научных знаний в логической последовательности, без искажения научной картины мира, выстроенной ученым.

Что касается ценностей научно-популярного дискурса, то они, по сути, идентичны аксиологической системе научного дискурса. Ценности научно-популярного дискурса, как и научного, заключены в трех базовых понятиях: истина, знание, исследование, которые отражают беспристрастность в поисках истины, уважение к фактам и признание познаваемости мира (Карасик, 2004, с. 278).

Стратегии научно-популярного дискурса имеют много пересечений как с научным, так и с педагогическим дискурсом, хотя и в несколько модифицированном виде. Так, стратегии научно-популярного дискурса определяются следующими характерными и для научного стиля установками: прокомментировать результаты исследования, определить область их практического применения, изложить полученные результаты в общепринятой форме (Карасик, 2004, с. 279). Отметим также жанровую обусловленность стратегий научно-популярного дискурса. Общими для научно-популярного и педагогического дискурса являются, по нашему мнению, такие коммуникативные стратегии, как объясняющая, оценивающая, контролирующая, содействующая.

Так, объясняющая функция предполагает информирование читателя, передачу ему знаний о мире и обществе. Данная стратегия прагматически наиболее значима для научно-популярного дискурса, при этом отличие проявляется в том, что педагогический дискурс не решает задачу поиска объективной истины, его участникам предписывается принять излагаемые знания и информацию как абсолютную истину, и, следовательно, учитель не занимается поиском новой информации, а передает накопленный опыт (Розеншток-Хюсси, 1994, с. 198-199). А «объяснять» в рамках научно-популярного дискурса с учетом потенциального адресата и важности диалога с ним – это значит «называть, характеризовать, определять, соотносить, обобщать, конкретизировать, спрашивать, отвечать, интерпретировать, переформулировать» (Карасик, 2004, с. 257), побуждая познавательную активность читателя.

Оценивающая стратегия также прагматически значима для эффективного общения в рамках научно-популярного дискурса. Популяризатор предлагает читателю свою интерпретацию научной информации, изложенной в исходном научном тексте, вводя дополнительные пояснения и выражая личностное отношение к событиям и явлениям. В отличие от педагогического дискурса, ученый-популяризатор не направляет оценку в сторону адресата текста, но

может опосредованно показывать свое отношение к описываемым фактам и событиям. Оценка зачастую сопряжена с эмоциональным откликом, выражающим отношение человека к содержанию знания в виде субъективной значимости этого содержания для языковой личности (Шаховский, 1995, с. 12). Согласно наблюдениям над характером проявления субъективного мнения адресанта, авторская оценка может быть выражена на всех языковых уровнях при помощи специальных маркеров, эксплицитно и имплицитно выделяющих разные формы авторского присутствия и определяющих уровень субъективности повествования (Серебрякова, Кибкало, 2024, с. 76). Важно отметить, что в языковых единицах закреплены такие типы прагматических значений, как общая оценка, оценка по параметрам количества, желательности/нежелательности, истинности, иллокутивной функции и статусных отношений (Апресян, 1988, с. 10-14).

Содействующая (другое название – формирующая) функция направлена на создание оптимальных условий для выполнения заданной цели – обогащения когнитивной системы адресата. Она выражается в диалогизации повествования, построении автором научно-популярного текста дистантного «диалога» с читателем. Так, например, автор может с критикой и эмпатией привести возможные предположения читателя, отреагировав на них словами «Верно», «Вы будете правы», «This is wrong», «You would be right» и т.п. Такой прием служит для привлечения внимания, опережения мысли читателя и формирования правильного представления об описываемом явлении.

Контролирующая стратегия научно-популярного дискурса не имеет применения в письменном его формате, поскольку у адресанта есть возможность только направлять внимание читателя, поддерживать его интерес, при этом он не может контролировать уровень восприятия излагаемой информации, как это может происходить в рамках устного научно-популярного дискурса. Тем не менее, и в письменном научно-популярном дискурсе данная функция реализуется посредством различных дискурсивных формул, средств диалогизации, позволяя популяризатору направлять внимание читателя,

активизировать его когнитивно-мыслительную деятельность. По мнению В.Е. Чернявской, «текст возможно и необходимо рассматривать как механизм, “запускающий” когнитивные процессы его восприятия» (Чернявская, 2009, с. 29).

Основной жанровой разновидностью письменного научно-популярного дискурса является научно-популярная статья, которая может быть представлена как в специальных профильных изданиях, посвященных научно-популярной тематике, так и в газетах общего или развлекательного характера (Воронцова, 2014, с. 39). Вариативность источника текста делает невозможным стилевое единство текстов данного жанра, поскольку они могут быть включены в издания с разной целевой аудиторией. Широкое распространение получают самостоятельные научно-популярные издания – книги, научно-популярные монографические издания, демонстрирующие разные формы взаимодействия научно-популярной литературы с научными жанрами.

Отдельного внимания заслуживают отечественные Интернет сайты научно-популярной направленности: postnauka.org (ПостНаука); <https://elementy.ru/> <https://nplus1.ru/>, которые затрагивают различные актуальные темы – от новых технологий и кибернетики до астрономии и археологии. За рубежом популярную науку представляют следующие интернет-сайты: popsci.com, <https://www.popularmechanics.com/>, <https://www.newscientist.com/>, публикующие научно-популярные статьи по различным аспектам науки, техники, электроники и технологий.

В российском сегменте Интернета основным популяризатором астрономии является Владимир Георгиевич Сурдин. Он ведет «Неземной подкаст» – <https://podster.fm/podcasts/surdinpodcast>, где слушатель может узнать информацию о космосе, звездах и далеких планетах. Кроме того, желающие узнать больше об астрономии могут найти его Youtube-канал, где ученый освещает актуальные события в области астрономии и астронавтики – <https://www.youtube.com/@surdinpodcast/featured>. В числе иностранных популяризаторов науки следует назвать Нила Деграсса Тайсона, который является учеником Карла Сагана. Астрофизик ведет собственное радиошоу

«StarTalk», отрывки из которого также можно найти в Интернете на Youtube-канале StarTalk – <https://www.youtube.com/@StarTalk/featured>, где ученый в течение часа читает лекцию вместе с приглашенными гостями, при этом различные темы представлены отдельными видео.

Со стороны государства также принимаются меры по поддержке научного просвещения населения. В 2015 г. указом Президента РФ был подписан Указ о воссоздании общероссийской просветительской организации «Российское общество “Знание”». На сегодняшний день посетителю сайта общества доступны научно-популярные лекции на тему истории, педагогики и лингвистики. Усилия по популяризации науки в нашей стране поддерживаются и на добровольных началах. В 2022 г. в рамках конкурса «Библиоволонтеры» одобрение получил проект «Серия научно-популярных лекций о космосе “Космические приключения”», суть которого состоит в чтении научно-популярных лекций, составлении творческих заданий для детей, находящихся на длительном лечении в больницах и не имеющих доступа к библиотечным материалам.

Таким образом, можно отметить, что тематика научно-популярного дискурса охватывает широкий круг проблем, касающихся как естественно-научных, так и гуманитарных областей знания.

Прецедентные тексты научно-популярного дискурса, как и в научной коммуникации, являются одной из системообразующих основ его функционирования. Автор в процессе создания научно-популярного текста опирается на знание классиков науки, на базовые понятия и цитаты из фундаментальных работ в своей области, как и на свои собственные изыскания, если такую деятельность осуществляет, как в нашем случае, ученый-популяризатор. Среди способов заимствования чужого знания можно выделить различные формы экспликации чужой речи на основе множества приемов авторизации, т. е. указания на чужой текст посредством словосочетания, а также фоновых ссылок, которые лишь отсылают к автору текста и году издания (Чернявская, 2009, с. 204). Научно-популярным текстам присуща не меньшая степень интертекстуальности, чем научным, однако авторы первых редко

прибегают к прямым ссылкам на заимствованные у других исследователей отрывки работ, ограничиваясь цитатой или упоминанием фамилии автора.

Различия между научным и научно-популярным дискурсами прослеживаются и в аспекте употребления дискурсивных формул. Научно-популярному дискурсу не присущи богатые абстрактными понятиями и отвлеченными терминами клишированные единицы дискурса научного, поскольку это затруднило бы понимание текста неспециалистом. Дискурсивные формулы выполняют здесь функцию поддержания интереса читателя, создания информационной избыточности путем расширения контекста и разных видов амплификации, что сближает научно-популярный дискурс в большей мере с публицистическим, нежели с научным (Багиян, 2014б, с. 84).

Таким образом, дискурс трактуется, с одной стороны, как конкретное коммуникативное событие, вписанное в определенное коммуникативное пространство, и, с другой стороны, как совокупность тематически связанных текстов, содержание которых определяется предметной областью и их функционально-прагматическим взаимодействием. Спорным остается вопрос о статусе и месте научно-популярного дискурса среди других институциональных дискурсивных практик. Институциональные типологические признаки научно-популярного дискурса, включающие такие параметры, как типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы, позволяют говорить о его особом статусе и гибридном характере.

Опираясь на категориальные признаки научно-популярного дискурса, мы предлагаем его уточненное определение с учетом основных целеустановок и материала нашего исследования. Научно-популярный дискурс астрономии как особый тип общения, отличающийся институциональным неравенством его субъектов, является нежестким гибридным образованием, интегрирующим конститутивные характеристики нескольких дискурсов, реализуемым тематически связанной совокупностью вторичных по отношению к исходному научному дискурсу текстов, посвященных астрономии и астрофизике.

Типологические признаки институциональности научно-популярного дискурса свидетельствуют о достаточно высокой степени его обособленности среди других дискурсивных практик, интердискурсном контаминированном характере, обусловленном разными формами его взаимодействия с научным, медийно-публицистическим и педагогическим дискурсами.

1.2. Научно-популярный текст как результат когнитивно-речевой деятельности автора

1.2.1. Автор и адресат как антропоцентры научно-популярной коммуникации

Первостепенную прагматическую значимость в ракурсе нашего исследования имеет категория адресованности, или фактор адресата, направленность на которого обуславливает «перестройку» сложного научно-теоретического знания в более простой, доступный для неподготовленного читателя формат. Адресант и адресат научно-популярного дискурса являются коммуникативными антропоцентрами сообщения, создающими в процессе взаимодействия актуальное дискурсивное пространство. Цель автора научно-популярного текста как результата его коммуникативно-когнитивной деятельности состоит в преобразовании исходного научного знания с учетом собственного культурного кода и мировоззрения, а также познавательного потенциала заинтересованного целевого адресата. К текстовым категориям адресанта и адресата обращались многие ученые, интерес для нашей работы представляют исследования Н.Д. Арутюновой (1981), Е.А. Костяшиной (2010),

Т.В. Шмелевой (2010), Ю.О. Соловьевой (2022, 2023), В.Г. Степанова (1984). Задача этого параграфа – раскрыть коммуникативно-прагматическую сущность категорий адресанта и адресата, выступающих антропоцентрами сообщения в рамках научно-популярного дискурса.

Способ подачи информации автором или интенционально обусловленное содержание его высказывания является предметом изучения прагматики. В ее исследовательском фокусе находится прагматическое значение высказывания, называемое часто «значением говорящего» (Grice, 1969) и являющееся результатом намерения автора сообщения оказать на слушающего определенное воздействие, как интенциональное, так и неинтенциональное. Отметим, что интенциональное воздействие реализуется в рамках научно-популярного дискурса посредством убеждения и аргументации. Интересующая нас лингвистическая прагматика изучает уже не только прагматический компонент речи автора, но и ответную реакцию адресата, возникающую в процессе коммуникации в соответствующем коммуникативно-прагматическом контексте. Исходя из понятия цели и трактуя высказывание как речевой акт, или «действие при помощи слов», Дж. Остин (1986) выделяет его следующие взаимосвязанные уровни: локутивный акт (локуция), иллокутивный акт (иллокуция) и перлокутивный акт (перлокуция). Иными словами, речь идет о трех составляющих двустороннего процесса коммуникации, обусловленного интенцией говорящего: локутивный акт, или процесс произнесения сообщения в адрес второго участника коммуникации, иллокутивный акт, представляющий собой отражение намерений адресанта, или иллокутивную силу высказывания, и перлокутивный акт, целью которого является получение реакции или определенного эффекта при воздействии на адресата (Штыкова, 2011, с. 79). Изучение стратегий взаимодействия адресанта и адресата с учетом авторской целеустановки и конкретной социокультурной ситуации позволит раскрыть коммуникативную сущность антропоцентров речевого общения в научно-популярном тексте.

Адресант в процессе создания сообщения отграничивает себя как «я-автора» сообщения от типизированного автора, который должен быть наделен,

в мыслях его собеседника, определенными качествами. Н. Д. Арутюнова говорит о «параметризованной личности» (Арутюнова, 1981, с. 357), обладающей нужными психологическими и социальными особенностями, в рамках которых она воспринимается читателем. В то же время слушающий, являющийся адресатом данного сообщения, берет на себя роль второго участника процесса коммуникации, воспринимающего и интерпретирующего сообщение говорящего. Подчеркнем, что прагматически значимой категорией адресованности является интерпретируемость, которая, по мнению В.И. Карасика, выполняет функцию «уточнения адресованности текста и проявляется в более частных категориях точности, ясности, глубины и экспликативности/имплекативности текста» (Карасик, 2004, с. 248).

Речевой процесс неизбежно нацелен на определенную модель адресата, поскольку коммуникативное намерение говорящего должно согласовываться с характеристикой адресата (Арутюнова, 1981, с. 358). При этом «направленность на адресата является важнейшей характеристикой говорящего, поэтому типы адресатов при всем их многообразии соотносимы с типами говорящих» (Карасик, 2002, с. 139). В типологическом плане модель адресата научно-популярного текста коррелирует по многим параметрам с такими характеристиками массового читателя СМИ, как опосредованность, анонимность, рассредоточенность в пространстве и времени, неопределенность, разнородность (Соловьева, Медведева, 2012, с. 108). Аудитория читателей научно-популярной литературы объединена интересом к результатам науки, отсутствием профессиональных научных знаний и возможности отличить истинно научное знание от псевдонаучного.

Построение полноценной коммуникации между говорящим и слушающим возможно при условии наличия у обеих сторон определенных схем речевого поведения. Автор как активный участник диалога интенционально оставляет часть темы нераскрытой, давая возможность адресату восстановить ее, полагаясь на его знания и мыслительные способности (Занина, 2012, с. 73), формируя полилогическое пространство получения

результатов и прихода к истине. В.Е. Чернявская отмечает важность продуктивной и рецептивной текстотипологической компетенции, подчеркивая, что «степень осознанности при обращении с текстовыми типами при их производстве и восприятии зависит от фоновых и энциклопедических знаний носителя языка, его жизненного опыта, образовательного уровня» (Чернявская, 2009, с. 75). Так, находящийся в фокусе нашего внимания ученый-астроном обладает глубокими знаниями в области своего научного направления, однако при их популяризации кроме продуктивных умений востребованным оказывается, прежде всего, прагматически обусловленное перекодирование информации в доступный для широкого читателя формат.

К тому же автор может использовать и средства выразительности, которые передают суть научного знания в образном, имплицированном виде. Экспрессивно-образные средства, апеллирующие к читателю, призваны преобразить присущую научному тексту оригинальную форму изложения научной концепции и гипотезы, снизить когнитивную насыщенность не в ущерб логичности (Кибкало, 2023, с. 204). При этом следует признать, что популяризация знаниевых компонентов не является простой симплификацией и элиминацией терминологического пространства текста, но представляет собой комплексный процесс переработки для создания «эффективного коммуникационного продукта» (Нечаева, Каирова, 2026, с. 54).

Таким образом, научно-популярные тексты построены на диалоге двух акторов: адресанта – автора, ученого-популяризатора, элитарной языковой личности, и адресата – заинтересованного массового читателя, выступающих базовыми «антропоцентрами коммуникации» на «основе заложенной автором программы рецептивных действий, оптимизирующей текстовое восприятие» (Чернявская, 2009, с. 189). Произведения научно-популярного астрономического дискурса располагают уникальным набором действующих субъектов, представляющих обширную разноплановую целевую аудиторию читателей, интересующихся проблемами космоса и далеких неизведанных планет. Так, исследователи выделяют четыре читательских группы, в которые

входят: читатели, не получившие систематического образования; читатели, интересующиеся определенной областью науки в качестве любителей; специалисты высокой квалификации другого профиля; специалисты смежного профиля (Соловьева, 2003, с. 246-247).

Фактор адресата является ключевой категорией, выделяющей дискурс популярной науки в ряду других дискурсивных практик. Автор научно-популярного текста особым образом организует пространство дискурса, задавая адресату определенную систему оценок, с помощью которых можно интерпретировать информацию (Костяшина, 2010, с. 29). По своей сущности научно-популярный дискурс представляет собой действенный способ прагматической ориентации, используемый адресантом для экспликации научного знания через проявление коммуникативной компетенции как профессионала в изучаемой области. Профессиональная коммуникативная компетенция понимается как способность автора находить эффективные стратегии популяризации, опираясь на особенности собственной коммуникативной личности. В ходе популяризации автор передает определенное сообщение адресату, который интерпретирует его и создает новое, свое собственное понимание научной информации, формирующей и структурирующей новые легитимизированные области в научной картине мира реципиента. Научное знание может находиться в двух взаимосвязанных между собою ипостасях – как результат изысканий ученых-авторов научных работ и как ступень в понимании этого знания, взятая на определенном этапе познавательной деятельности (Мишланова, 2008, с. 26). Следовательно, восприятие действительности, создаваемое посредством передачи читателю научной картины мира в пространстве научно-популярной коммуникации, формируется на основе профессионального знания и мировоззрения автора, его текстотипологической компетентности.

Т.А. Воронцова расширяет авторскую типологию, опираясь на дискурс СМИ как «один из основных источников научно-популярного знания» (Воронцова, 2013, с. 26), и выделяет два типа авторов, а именно ученый-

специалист и журналист-неспециалист. Соответственно, различия в характере построения текстов разными авторами зависят от набора коммуникативно-прагматических задач, решаемых ими в ходе текстопостроения. Отметим, что автором рассматриваемых нами текстов является ученый-специалист и одновременно популяризатор своей научной области – астрономии. Статус адресанта, определяемый образованием и его профессиональной принадлежностью, детерминирует выбор коммуникативных стратегий, используемых в ходе взаимодействия на оси «адресант – адресат». Ученый-специалист оперирует особой речевой тактикой репрезентации специального знания в рамках коммуникации «профессионал – непрофессионал», которую Ю.О. Соловьева называет «информационно-объясняющей стратегией» (Соловьева, 2023, с. 149). В ходе реализации этой стратегии автор проводит адаптацию новых для читателя терминов и понятий путем видоизменения исходного текста с учетом фактора адресата, что подтверждается и нашими наблюдениями.

Очевидно, что ориентированность на читателя, т.е. учет фактора адресата, значительным образом влияет на авторский способ изложения и тему высказывания. При этом адресат, как и автор сообщения, наделен некоторыми речевыми качествами, присущими человеку как некоей идентичности, формирующейся в условиях влияния социума. Это означает, что факторы, оказывающие решающее влияние на формирование личности адресата, таким же образом влияют и на автора (Быкова, 2022, с. 100). Сюда входят социальные факторы, являющиеся результатом социализации и взаимодействия адресанта в культурной среде, которые «переплетаются с этнокультурными и национальными чертами индивидуальности» (Караулов, 2002, с. 46). Подчеркнем, что когнитивно-дискурсивные факторы являются результатом выбора самого автора текста, но они непосредственным образом влияют на адресата: формат подачи информации и способ моделирования переработанной информации при передаче научных результатов неискушенному читателю. В совокупности они играют решающую роль при селекции набора возможных ролей, которые могут принять на себя автор и адресат научно-популярного текста в процессе коммуникации.

Т.В. Шмелева приводит перечень ролей, которые может выполнять автор текста: аналитик, исследователь, иронист, информатор, пропагандист, полемист, репортер, летописец и т. д., и предлагает собственные варианты образа автора, ведущего коммуникацию с адресатом:

1) явный интервьюер, задающий вопросы по теме интервью, и скрытый интервьюер, присутствие которого подразумевается, но основной фокус направлен на интервьюируемое лицо;

2) репортер, повествующий о событиях от первого лица;

3) выразитель мнения – роль, в которой выступают «журналисты мнений» в колумнистике;

4) аналитик – автор текста, использующий рассуждение как доминантный тип речи в своем сообщении, реализующий содействующую функцию;

5) оценивающий информатор, который реализует разные функции (Шмелева, 2010, с. 210).

Так, в аналитических текстах предполагается присутствие автора, располагающего собственной оценкой по отношению к содержанию и некоторым деталям сообщения, при этом она выражается в субъективной форме при помощи вводных конструкций типа: *к сожалению, удивительно, но...*, или же автор дает оценку, опуская имплицитность: *мне осталось непонятным* (Шмелева, 2010, с. 210).

Научно-популярный текст также можно отнести к аналитическому типу текстов, поскольку ученый-популяризатор не только излагает научные факты, но и размышляет, полемизирует с адресатом, направляя его внимание на адекватное осмысление информации, активизируя его познавательную деятельность. Содействующая функция научно-популярного текста «направлена на активизацию интереса и стимулирование когнитивной активности читателя, исключение ошибок в восприятии описываемого явления» (Кибкало, 2025б, с. 168). Однако автор-популяризатор не выступает в роли полноценного аналитика, поскольку аналитическая речь в таких текстах используется лишь в качестве тактики популяризации, не являясь доминирующим типом речи.

Задача автора как инициатора коммуникации состоит в передаче научной информации в адаптированном для читателя виде, часто подкрепленной субъективным мнением при помощи средств индивидуально-авторской оценочности. При этом выделяются две противоположные тенденции передачи информации в научно-популярных текстах: максимально объективное сообщение, подкрепленное доказательствами и логичным объяснением ученого как специалиста, представляющего научное сообщество, и тенденция прагматического перекодирования сложного научного знания, сопровождаемого изложением собственных наблюдений и оценочных суждений в рамках диалога с адресатом сообщения (Серебрякова, Кибкало, 2024, с. 75).

Т.В. Шмелева отмечает удельный вес авторизации, который репрезентирует текстовое пространство, отведенное для «взращивания авторского образа», проявлений авторского «я» (Шмелева, 2010, с. 209). Удельный вес присутствия автора научно-популярного текста определяет необходимость удерживать баланс между объективным изложением информации и обсуждением содержания в рамках внутреннего диалога с читателем. Таким образом, ученый-популяризатор в первую очередь берет на себя роль оценивающего информатора, помогающего адресату верно воспринимать информацию.

Основу для создания типового текста научно-популярного дискурса составляют формирующие его коммуникативные стратегии и реализующие их коммуникативные тактики, которыми может воспользоваться адресат, распредмечивая их в качестве модельных образцов из самого текста на основе актов интендирования в процессе «следования путем автора» (Богин, 1992). Релевантными для организации научно-популярного дискурса принято считать упомянутую ранее информационно-объясняющую и манипулятивно-воздействующую стратегии (Соловьева, 2023, с. 149).

Термин «информационно-объясняющая стратегия» достаточно точно раскрывает ее сущность как инструмента стилевой адаптации автором исходного научного текста, сопровождающейся пояснением специальных терминов и

дефиниций, присущих текстам научного стиля речи. Представляя собой модифицированную объясняющую стратегию педагогического дискурса (Кибкало, 2025б, с. 167), информационно-объясняющая стратегия обеспечивает доведение до сведения читателя актуальных для его бытовой и жизненной ситуации знаний, а также адекватную трансформацию научной информации путем разъяснения и аргументации собственных утверждений. Данная стратегия находит свое проявление в добавлении прямого пояснения, диалогизации повествования и постановке риторических вопросов, позволяющих направлять когнитивные усилия читателя в необходимом для автора ключе.

Второй вид авторской коммуникативной стратегии, а именно манипулятивно-воздействующая, с нашей точки зрения, является базисом для характеристики адресанта текста как инициатора и одного из главных акторов общения, т.е. антропоцентра коммуникации. Находясь в коммуникативной ситуации продуцента речи, адресант использует свой статус в качестве ведущего антропоцентра коммуникации, занимаясь помимо информирования читателя также и убеждением его в своей позиции, своем понимании научной информации через воздействие при помощи речевых средств и манипулятивных тактик (Соловьева, 2022, с. 17). Так, следует подчеркнуть важность аналогичных целей оценочной и содействующей стратегий педагогического дискурса, которые реализуют в НПД дополнительные функции закрепления авторской позиции и воздействия на адресата при помощи диалогизации речи автора.

В качестве уникальной коммуникативной стратегии, присущей научно-популярному дискурсу, можно выделить стратегию оперирования стимулами адресата. Любой дискурс существует благодаря заложенным в содержание текста побуждающим смыслам и стимулам, дающим автору возможность влиять на рецептивно-интерпретационное поведение и когнитивно-оценочную деятельность адресата. Для дискурса астрономии подобными рычагами влияния служат острые социально значимые научные темы: глобальные природные катаклизмы, представляющие опасность для людей, населяющих планету,

гипотетические угрозы из космоса, имеющие потенциал перерасти в реальные, и др. Использование подобных стимулов позволяет автору овладеть вниманием адресата, сформировать картину мира читателя и управлять его оценочное отношением к волнующим научное сообщество проблемам.

Важную роль в современном дискурсе популярной астрономии занимают контактоустанавливающая стратегия, а также стратегия саморепрезентации. В рамках контактоустанавливающей стратегии формируется устойчивый образ объективного автора, активного посредника при передаче научного знания, реализуемый личными местоимениями первого и второго лица, что дает читателю чувство вовлеченности в процесс рассуждения (Нагиева, 2017, с. 21). На этапе знакомства читателя с автором научно-популярного текста актуализируется стратегия саморепрезентации, суть которой состоит в том, что автор делится собственным опытом научных изысканий, демонстрируя личностные характеристики ученого-популяризатора, обеспечивающие повышение степени доверия читателя к излагаемым фактам, объективизации характера речевой модели коммуникации «адресант – адресат».

Автор научно-популярного текста, ставя перед собой цель убедить читателя в достоверности излагаемых фактов, иллюстрирует их путем приведения эмпирических примеров, часто заимствуя их из собственной биографии (Там же), посредством чего активизируется миметический стиль восприятия информации читателем. При этом автор часто прибегает к сравнению изложенного опыта с опытом читателя, повышая релевантность высказывания.

Таким образом, коммуникативная сущность категорий автора и читателя как антропоцентров научно-популярной коммуникации состоит в их комплексном многоаспектном взаимодействии при передаче и восприятии научной информации. Речевая модель адресанта сообщения формируется в непосредственной зависимости от пресуппозиции среднестатистического адресата, который наделяет первого присущими ему качествами, следовательно, параметры обеих моделей антропоцентров сообщения зависят от набора характеристик

личности адресата. Этот факт обусловлен изначальной коммуникативно-прагматической ориентацией текстов популярной науки, подразумевающих информационное воздействие на реципиента сообщения, активизацию познавательной деятельности и обогащение его научной картины мира.

В ходе трансляции специального знания популяризатор оперирует информационно-объясняющей коммуникативной стратегией, в рамках которой происходит процесс внутриязыкового перекодирования информации с учетом фактора адресата. Специфика текстовой реализации элитарной языковой личности ученого-популяризатора обусловлена как социокультурной и научно-профессиональной средой, так и его текстотипологической компетенцией, что определяет его доминантную коммуникативную роль в пространстве дискурса. Можно утверждать, что автор фигурирует в текстах популярной науки в роли оценивающего информатора, задача которого состоит в поддержании баланса между сообщением точных, объективно доказанных научных фактов и содействием читателю в восприятии содержания, на которое адресант проецирует свой опыт и аргументативно-оценочное отношение.

Наряду с информационно-объясняющей стратегией значительным прагматическим потенциалом обладает манипулятивно-воздействующая стратегия, представляющая собой авторский способ убеждения адресата в своей позиции в качестве ведущего антропоцентра, инициирующего процесс научно-популярной коммуникации. Вспомогательные приемы, свидетельствующие о других аспектах интеракции «адресант-адресат», включают стратегии самопрезентации, установления контакта и оперирования стимулами адресата. В результате описания условий речевого взаимодействия между автором и адресатом формируется устойчивая картина коммуникативной сущности антропоцентров эффективного общения в научно-популярном дискурсе.

1.2.2. Типологические характеристики научно-популярного текста в корреляции с научным: вторичность и генеративность

Научно-популярный текст как производное от научного типа коммуникации обнаруживает значительное число основополагающих характеристик, общих с научным текстом. Сходства и различия двух типов информативных текстов возникают в результате трансформации исходного научного текста в процессе популяризации. Как известно, популяризация научных знаний проявляется в разных жанровых формах, таких как интервью, беседа и диалог, вызывающий наибольший интерес среди читателей, поскольку он является формой непосредственного общения двух антропоцентров коммуникации (Романов, 2015, с. 30). Исследователи приводят несколько причин, обуславливающих формирование различий данных типов текста. Так, С.Ю. Алексеевичева связывает имеющиеся отличия с однородностью речевого оформления научного типа текста, набор речевых средств которого не подходит для передачи сложной информации неподготовленному читателю. В связи с этим отличительной чертой НПТ является разнообразие языковых способов популяризации научной информации, используемых для установления контакта с читателем (Алексеевичева, 2010, с. 234).

Еще одной причиной проявления различий является прагматическая сущность научно-популярной коммуникации, в процессе которой научный текст лишается своих значимых черт, которые зачастую заменяются на противоположные. Скрытая эмоциональность, объективность и отсутствие образности, свойственные научному тексту, превращаются в открытое выражение авторских эмоций, субъективность и экспрессивность (Воронова, 2016, с. 9), обеспечивающие эффективность трансляции научных знаний и стимулирующие познавательную деятельность широкого круга неподготовленных читателей.

Доминирующим видом информации, составляющим содержательную основу обоих типов текстов, является когнитивная информация, т.е. «объективные сведения о внешнем мире» (Алексеева, 2004, с. 249), что определяет характер представления нового знания заинтересованному читателю с использованием целого ряда приемов адаптации сложного научного знания и использования средств привлечения внимания. Изменения в способе передачи информации в НПТ оказывают значительное влияние на выбор речевых средств, предопределяя характер воздействия на читателя. Отмечается также различие в плане выражения информации в зависимости от ее первичности или вторичности. Цель первичных научных текстов заключается в «сообщении научных сведений, получаемых в процессе оригинальных научных исследований, не опирающихся в композиционном плане на концепцию, представленную иным цельным текстом» (Гришечкина, 2015, с. 118). Следовательно, вторичные научные тексты опираются на структуру исходного текста, сообщая сведения о чужих и уже известных научных исследованиях, т. е. выполняют коммуникативную целеустановку научно-популярного текста. Коммуникативный план научно-популярных текстов состоит из двух равнонаправленных видов деятельности – генеративной, нацеленной на создание нового научного знания и представленной трудами исследователей, и коммуникативно-медиаторской, которая является результатом переработки этого знания, направленного на его восприятие реципиентом – неискушенным читателем (Хомутова, 2013, с. 40). Следовательно, различия в плане первичности и вторичности текстообразования в научном и научно-популярном текстах обусловлены наличием оригинального, логически обоснованного знания, с одной стороны, и результатов практического применения полученных знаний, с другой. Рассмотрение корреляции сущностных признаков научного и научно-популярного текстов позволяет раскрыть коммуникативно-прагматическую обусловленность преобразования, значительную активизацию и расширение палитры знаков авторского присутствия, обеспечивающих «прагматическое фокусирование повествования» (Чернявская, 2009, с. 198).

Рассмотрим далее типологические характеристики научно-популярного текста в сопоставлении с научным. Важным признаком текста, являющегося частью любого дискурса, является задача или цель, с которой он создается. Общей чертой между текстом научной коммуникации и текстом его популярного переложения является «презентация определенного фрагмента научной картины мира в том виде, в котором она репрезентирована в концепциях разных ученых» (Багрян, 2014б, с. 83). И научный, и научно-популярный типы текста нацелены на передачу результатов научных исследований с как можно более высокой точностью и неизменностью, при этом авторы обоих текстовых форм стараются избежать любых искажений и переиначивания, которые могут нарушить задаваемый вектор восприятия содержания читателем.

Различия в целеполагании текстов двух разных дискурсов обусловлены характером воздействия на конечного адресата сообщения. Фактор адресата определяет использование в научном тексте сложной терминологии и абстрактной речевой формы, которая предназначена для восприятия подготовленным читателем, представителем научного сообщества, взаимодействующим с текстом в исследовательских целях. Уровень подготовки адресата научного текста соотносится с уровнем подготовки автора, что избавляет его от необходимости популярной переработки текста, так как он сам мотивирован к восприятию текста в исходном виде ввиду своей профессиональной принадлежности (Кравцова, 2012, с. 131). В НПТ фокус прагматической направленности текста смещается в сторону освещения научных знаний читателю-неспециалисту посредством приемов популярной обработки знаний (Гришечкина, 2010, с. 134), стимулирующих его когнитивную активность. В результате этой обработки в сухой, безэмоциональный язык научной коммуникации проникают элементы образности, субъективной модальности и оценочности, позволяющие автору транслировать информацию в доступной и привлекательной для читателя форме.

Авторская интенция реализуется в научном и научно-популярном текстах

разными языковыми и дискурсивными средствами, способствующими достижению поставленной цели. Текст любого типа представляет собой пространство двусторонней коммуникации автора с читателем, задачей которой является передача определенной информации. В случае с научным типом текста коммуникативная задача состоит в донесении авторской концепции, выстраивании взаимодействия между автором и читателем с помощью прозрачности формулировок, строгой точности изложения и обобщенности (Ракитина, 2005, с. 81).

Изменение коммуникативной задачи и цели коммуникации детерминировано в НПТ как продукте когнитивно-речевой деятельности субъекта фактором адресата. В связи с этим целью автора-популяризатора является донесение результатов научно-познавательной деятельности, трансформация исходного смысла научного исследования посредством другого смыслового кода с целью передачи новой информации неискушенному читателю. Задача автора состоит в том, чтобы «воспроизводить ход получения нового знания с целью повышения доказательности, аргументированности полученных выводов» (Богословская, 2001, с. 7). При этом прагматика научно-популярного текстового пространства характеризуется авторским применением средств интенсификации оценки, хеджинговых выражений и средств эпистемической модальности – уверенности/неуверенности, позволяющих адресату проследить за направлением мысли ученого в процессе создания нового знания.

Изучения только внутренне обусловленных характеристик научного и научно-популярного типов текста недостаточно для раскрытия коммуникативно-прагматического характера трансформации авторских знаков, поскольку имманентные черты обоих текстовых типов имеют под собой экстралингвистическую природу. В. Е. Чернявская, осуществив анализ экстралингвистических факторов текстообразования, подчеркнула, что «данные языковой системы (т.е. интралингвистический аспект) недостаточны для раскрытия специфики целого текста. Сущность целого текста может быть объяснена только при учете коммуникативного, социокультурного,

когнитивного факторов, сплетенных с собственно лингвистическими» (Чернявская, 2009, с. 174), что в полной мере актуально и для языковых средств, раскрывающих авторскую позицию в НПТ.

К базовым экстралингвистическим характеристикам текста относятся разнофакторные феномены: форма общественного сознания и соответствующие ей вид деятельности и тип мышления (эпистемологический фокус), сфера общения, форма мышления, тип содержания, цель общения, функции языка и типовая ситуация общения (Кожина, 1972, с. 61-62). По мнению С.В. Гричина, одним из основных экстралингвистических факторов, определяющих уровень выявленности автора в формировании структурной композиции научных текстов, выступают закономерности познавательной деятельности ученого и этапы создания научного знания, проявление процесса познания в его развитии (Гричин, 2016, с. 23).

Репрезентация научного знания в письменной форме требует особой организации текстового пространства, позволяющей отразить результаты научной деятельности в объективном, систематизированном и понятном для читателя виде. Отражение автором процесса научного поиска, сопровождающего каждое научное открытие, обусловлено спецификой научного изложения и коммуникативной интенции автора, желающего обозначить ход размышления, в результате которого было создано новое знание. При этом изменение композиционной структуры текста вследствие трансформации его существенных признаков под воздействием фактора адресата оказывает влияние на количественный показатель средств выражения субъективного и объективного авторского мнения, доминирования одного способа демонстрации категории автора над другим (Гричин, 2003, с. 118).

Смещение фокуса с передачи информации специалисту-профессионалу на популяризацию научного знания влечет за собой изменение соотношения эксплицитно и имплицитно выраженных знаков авторского присутствия, в соответствии с изменением коммуникативной задачи автора научно-популярного текста. Текст этого типа раскрывает новые паттерны отражения авторской позиции, в которых основную роль играют эксплицитные маркеры присутствия автора,

обеспечивающие связь автора с читателем через привлечение данных о себе, своем опыте, своих взглядах и впечатлениях. В то же время позиция автора в научном тексте раскрывается через употребление личных местоимений первого лица и маркеров уверенности или неуверенности (Кибкало, 2025а, с. 61).

Подчиняясь конвенциональным моделям официально-делового дискурса, научный текст создается в соответствии с нормами научной коммуникации, при этом реализацию получают такие его типологические признаки, как объективность, эмпиричность, обоснованность, концептуальность, критицизм и логичность. Целью этих норм является максимально подробное отражение процесса научного поиска, формулировка проблемы и задач исследования, а также достижение максимального соответствия мыслительного образа его воплощению в речи, при трансляции языковых структур в речевые (Сорокина, 2013, с. 82-83).

М. Н. Вольф, рассматривая особенности использования риторического метода аргументации в научно-популярном тексте, особо отмечает прагматически обусловленный переход от сухого языка фактов, используемого для информирования других исследователей, интересующихся этой проблемой, к языку убеждения, использования риторической аргументации и объяснения содержания научных работ с целью продвижения проектов в данной научной области (Вольф, 2020, с. 427-428). Указанные трансформации в способе изложения информации в научно-популярном тексте призваны снизить степень недоверия к официальным научным источникам, развенчать устоявшиеся в читательской среде мифы. Подобную функцию, согласно нашей картотеке, выполняют риторические вопросы, представляющие собой способ диалогического общения автора с адресатом, раскрытия трудностей и непроверенных научных фактов посредством вовлечения читателя в общение. Они, по сути, реализуют прогностическую функцию «предбрасывания» (Хайдеггер, 1997, с. 149) дискуссионных аспектов при предъявлении нового знания и нивелируют негативную стереотипизацию восприятия (неприятия) читателем контрастирующих с его воззрениями знаниевых компонентов. «Предбрасывание себе возможности» трактуется М. Хайдеггером как

обретение формы, «оформление» наброска в броске.

В научном тексте категория диалогичности функционирует в качестве текстового механизма, который позволяет, в соответствии с направленностью на профессионального адресата, его фоновые знания и пресуппозиции, проследить процесс актуализации и демонстрации нового знания автором научного текста (Ефремова, 2015, с. 138). Тесная связь диалогичности текста с фактором адресата предопределяет речевой характер ее выражения в письменной речи, обуславливая смещение направленности на адресата при трансляции научного знания в доступной форме. Проявление категории диалогичности в научной коммуникации происходит через употребление адресантом диалогических языковых форм, таких как личные местоимения, вопросительные конструкции, вопросно-ответные комплексы и конструкции с побудительной модальностью (там же, с. 140), характерные, согласно нашим наблюдениям, и для научно-популярного дискурса.

Специфика диалогичности научно-популярного текста состоит в необходимости сокращения дистанции между адресантом и адресатом, снижения степени влияния недостаточной осведомленности читателя в научной терминологии на эффективность общения. Прагматически действенным средством достижения данной цели служат оценочные выражения, позволяющие автору передать свое личное мнение, вопросно-ответные комплексы, сопряженные с выражениям неуверенности и демонстрирующие процесс участия автора, ученого-профессионала, в решении научной проблемы. Кроме этого, диалогизация реализуется также посредством авторских номинаций с оттенком оценочности, включающих в повествование субъективно-модальный компонент, трансформируя его в имитацию диалога с читателем (Кибкало, 2024б, с. 106).

Направленность текста на определенного адресата предопределяет специфику диалогического общения в научном и научно-популярном текстах, выступая одним из экстралингвистических факторов текстообразования. В научном тексте фактор адресата определяет специфические средства,

используемые автором для повышения эффективности коммуникации, указания на важные семантически нагруженные отрезки текста, облегчения навигации читателя в сложном содержании путем изменения композиционно-структурной составляющей текста. Автор добивается этого благодаря использованию композиционно-ориентирующих сигналов: *выше, ниже, раньше, вперед, назад*, позволяющих управлять фокусом внимания читателя, акцентируя существенные для адекватного понимания текста фрагменты (Баженова, 2012).

Кроме того, в ходе создания научного текста автор прибегает к применению различных приемов компрессии когнитивной информации, позволяющих достичь максимального коммуникативного эффекта путем сокращения речевой репрезентации содержания (Глухов, 2016, с. 31) ввиду его нацеленности на профессионального адресата. Языковая компрессия в каждом конкретном тексте базируется на коммуникативных решениях адресанта, что позволяет выявить отличительные черты автора как носителя и медиатора когнитивной информации. В научном тексте компрессия выражается через присутствие терминологических единиц, аббревиатур, акронимов, пунктуационных компрессирующих знаков, а также графических средств отображения информации, таких как схемы и фотографии (Бредихин, 2019, с. 142-143).

Ориентация на массового читателя в научно-популярной коммуникации обуславливает, в первую очередь, приоритет «прагматической доминанты научно-популярного текста» (Чернявская, 2004, с. 45). Выполняя задачу управления вниманием адресата, ученый-популяризатор прибегает к употреблению средств экспрессивизации повествования, которые включают в себя метафорические переосмысления, эпитеты, фразеологические обороты и авторские неологизмы. В ходе прагматического фокусирования внимания на когнитивной информации автор активно вводит субъективные наблюдения, аргументы, выводы и собственные оценки, т.е. стремится транслировать объективные сведения в образно-экспрессивном ключе (Серебрякова, 2024, с. 76). Личностный компонент, содержащийся в средствах адресации научно-популярного сообщения, позволяет усилить воздействие интерпретативного информирования адресата с учетом

пресуппозиций и уровня его информированности.

Экспрессивность как признак выразительности речи в научном тексте реализуется в соответствии с общепринятыми нормами и традициями профессионального научного общения. Основными чертами научного текста являются книжный характер речи, спорадичность употребления разговорных и эмотивных средств, однако не полное их отсутствие (Кожина, 2003, с. 242-243). В научном тексте более важное значение получает интеллектуальная экспрессия, способность наиболее адекватного оформления авторского научного поиска. Иными словами, являясь одним из признаков научной коммуникации, интеллектуальная экспрессивность передается в НПТ многообразием средств эмоциональной экспрессии, которые позволяют поддерживать реализацию функции убеждения, привлечения внимания читателя и стимулирования его познавательной деятельности через употребление лексических интенсификаторов, оценочных выражений и слов разговорного регистра. Использование таких средств способствует реализации аттрактивной и контактоустанавливающей функций и свидетельствует о наличии диалога между адресатом и адресантом (Зарайский, 2019, с. 257).

Одним из значимых отличий научного текста от научно-популярного является способ подачи терминов. В отличие от первого, где термины вводятся в текстовое пространство в «сыром», неадаптированном виде, зачастую без дополнительных пояснений, НПТ сохраняет в своей основе содержательную зависимость от структуры научного текста, перенимая при этом и часть единиц терминологии, связанных с наукой или техникой. Но в пространстве научно-популярного текста они подвергаются преобразованию, «начинают приобретать ряд специфичных лингвистических и экстралингвистических параметров, изменяя свои когнитивно-прагматические свойства» (Багиян, 2015, с. 10), т.е. подвергаясь детерминологизации, в процессе которой термин теряет свои конституирующие признаки, превращаясь в общеупотребительное слово.

Изложенные в предшествующих разделах наблюдения представим в виде обобщающей таблицы (таблица 1).

Таблица 1 – Типологические характеристики научного и научно-популярного текстов

Типологические характеристики	Научный текст	Научно-популярный текст
Адресант	исследователь, познающий субъект, творец нового знания.	ученый-популяризатор, интерпретирующий известное знание субъект
Адресат	научное сообщество	массовый читатель, неспециалист в определенной научной сфере
Цель	Презентация индивидуальных научных концепций в соответствии с нормами научной коммуникации	Трансляция достоверного научного знания в доступной для неспециалиста форме
Вид информации	Когнитивная информация, новое индивидуально персонифицированное знание, высокая степень терминологичности	Когнитивная информация, опосредованное научное знание с использованием экспрессивной и оперативной информации; прагматическая адаптация терминов
Дискурсивная практика	Институциональность общения в соответствии с общепринятыми конвенциями	Сочетание институциональности и персонифицированности в соответствии с прагматической доминантой общения
Базовая функция	Информативная	Информативно-воздействующая
Текстообразование	Универсальное сегментирование информации	Прагматически обусловленное членение текста
Коммуникативная стратегия	Информационная, аргументативная	Информационно-объясняющая, воздействующая
Описание этапов научного поиска и его результатов	Донесение авторской научной концепции при помощи логической аргументации, прозрачности формулировок	Усиление аргументативности и оценочности высказываний через использование интенсификаторов, средств индивидуальной оценочности, эпистемической модальности
Авторизация	Тенденция к неличной форме изложения: коллективное «мы», стереотипные средства авторизации	Личностно-персонифицированный дискурс: авторское «я», intersubjectное взаимодействие, индивидуально-авторские средства авторизации
Диалогичность	Реализация посредством композиционно-ориентирующих сигналов	Реализация посредством обращения к читателю, имитации диалога, риторических вопросов и вопросно-ответных комплексов
Эмоциональность	Логизированная: эмоционально нейтральное и объективное изложение	Экспрессивная: субъективная модальность, авторская оценочность
Оценочность	Познавательная-аргументативная оценка посредством логического объяснения и доказательства	Объективная и субъективно-авторская оценка в аспекте индивидуально-личностного восприятия и обращения к личному опыту

В заключение отметим, что в процессе популярной трансляции научного знания широкому неподготовленному читателю происходит также и расширение палитры знаков авторского присутствия, используемых для реализации функций убеждения, привлечения внимания и контактоустанавливающей функции. В результате обусловленного фактором адресата изменения коммуникативной цели научно-популярный текст наполняется элементами эссеизации, субъективной модальности, экспрессивности, оценочности и диалогичности. Основными типологическими характеристиками, определяющими сущность НПТ, являются цель, коммуникативная задача, фактор адресата и интра- и экстралингвистические особенности сообщения.

Таким образом, научно-популярный тип текста можно определить как текст, в котором реализуются две основные функции: передача объективной информации адресату и популяризация этой информации в доступной для восприятия неспециалистом форме, при этом основополагающие признаки научного текста получают специфическое преломление, обусловленное прагматической переориентацией повествования. Значимыми характеристиками научно-популярного текста в сопоставлении с научным являются разные формы выражения диалогичности и экспрессивности повествования, основанные на выражении субъективной авторской оценки, использование модальных средств при изложении авторского поиска, а также приемы детерминологизации при подаче научных терминов. Коммуникативные стратегии научно-популярного текста определяются целью трансляции знания на широкую аудиторию, при этом воздействие автора на читателя проявляется в процессе авторизации, предполагающей использование эмоционально-оценочных средств, подчеркивающих личностно-персонифицированную природу научно-популярной коммуникации в отличие от научной. Тип информации и специфика членения текста отражают прагматически обусловленную направленность научно-популярного дискурса на активный диалог с читателем в целях стимулирования его познавательной деятельности и обогащения его научной картины мира.

1.3. Научно-популярный текст как результат прагматически обусловленного внутриязыкового перекодирования научного знания

Отличительной чертой НПТ как одного из типов структурно-семантического оформления содержания является гармоничное соединение содержательных признаков разных дискурсивных практик, которые, объединяясь в едином текстовом воплощении, формируют язык общения базовых антропоцентров научно-популярной коммуникации – адресанта и адресата. Как отмечалось в разделе 1.1., гибридный характер научно-популярного дискурса обусловлен адресованностью авторской интенции – неподготовленной читательской аудитории, которая не владеет необходимыми знаниевыми компетенциями для восприятия исходного научного текста. По этой причине научно-популярный текст характеризуется взаимодействием параметров и коммуникативных стратегий научного, публицистического, и педагогического дискурсов, выступая в качестве дискурсивной макроединицы контаминированного типа (Кибкало, 2025б, с. 169). Основная задача ученого-популяризатора при этом – трансформация языкового кода, перекодирование научной информации с упором на реализацию прагматического компонента сообщения, что коррелирует с предложенным семиотиками термином «внутриязыковой перевод».

Р. Якобсон впервые вводит это понятие, трактуя его как переименование или интерпретацию «вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» (Якобсон, 1978, с. 16), когда переводчик использует другое слово, которое является синонимом первого, или применяет парафразу. В соответствии с коммуникативным намерением переводчик отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и преобразует их так, чтобы установить между ними требуемые семантические корреляции. При

внутриязыковом переводе нужно рассматривать смысловые изменения, возникающие в результате варьирования значения лексем в тексте оригинала и в преобразованном посредством творческой мыслительной работы автора целевом тексте (Журавлева, 2003, с. 10). Если критериями оценки качества межъязыкового перевода принято считать эквивалентность и точность передачи содержания оригинала, то при внутриязыковом переводе к этим критериям добавляется также способ перевыражения смысла и оценочно-субъективный компонент высказывания.

По наблюдениям ученых, принято выделять два взаимосвязанных вида внутриязыкового перевода, один из которых представляет собой трансляцию понятий и перевод лексем языка одной эпохи с помощью языковых средств этого же языка, принятых в иной исторический период. Обычно этот тип перевода используется при передаче на современный язык какого-либо исторического текста, написанного на языке предшествующих эпох (Базылев, 2010, с. 193). С другой стороны, внутриязыковой перевод трактуется как «перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой» (Нелюбин, 2003, с. 32), что характерно для исследуемых нами текстов научно-популярного астрономического дискурса. Данный способ внутриязыкового перекодирования осуществляется лишь на одноязычном материале, как это происходит при прагматически обусловленном перекодировании информации ученым-популяризатором, в отличие от межъязыкового перевода, в котором происходит интерпретация языковых знаков одного языка посредством языковой системы другого.

Некоторые зарубежные исследователи ставят знак равенства между интраязыковым переводом и научной популяризацией, однако сторонники этой концепции неоднократно подвергались критике. Так, многие ученые отвергали трактовку популяризации как вида переводческой деятельности, ссылаясь на то, что перевод требует структурной эквивалентности языка оригинала и перевода, а также одинакового набора знаний и представлений, чего не наблюдается при сопоставлении научной и разговорно-обиходной речи (Peters, 2008, p. 138).

Исследователь истории науки Дж. Топхэм, в свою очередь, называет распространение знания одной из сущностей науки и считает, что науку нужно воспринимать в качестве коммуникативного процесса (Topham, 2009, p. 19-20). Такое понимание не только возвращает научную популяризацию в область науки, но и позволяет использовать источники из других дисциплин, включая транслатологию, для обогащения научной историографии. Согласимся с данным мнением, поскольку функция распространения и сохранения результатов научных открытий имманентно присутствует в пространстве научной коммуникации, предопределяя динамичность существования науки в разных формах ее проявления, включая разные способы трансляции научного знания на широкую аудиторию.

На отечественный подход к теории и практике внутриязыкового перевода значительное влияние оказали смежные дисциплины. Трактовку перевода как сознательной работы автора по перекодированию семантических связей между лексемами, репрезентирующими когнитивную информацию, предложил И. Э. Клюканов (1999), опираясь на семиотическую теорию знаков Ч. Пирса, согласно которому знак представляет собой нечто, являющееся знаком лишь постольку, поскольку оно интерпретируется кем-то, являющимся его объектом, и таким образом определяет воздействие на участника коммуникации, которое называется интерпретантой (Peirce, 1998, p. 478).

При интерпретации знака субъектом происходит «процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора (или квази-интерпретатора)» (Нёт, 2001, с. 11-12), который ученый назвал семиозисом. Углубляя идею Ч. Пирса о функции интерпретанты как перевода или развития изначального знака, И. Э. Клюканов подчеркивает, что сама интерпретанта предстает в роли бесконечно интерпретируемого знака, из чего он делает вывод о том, что знак сам по себе не может являться таковым, «если он не переводится в другой знак, получая дальнейшее развитие» (Клюканов, 1999, с. 18). Из этого следует, что передача знака требует его интерпретации, ментальной деятельности по перекодированию или перевода.

Следовательно, сущность внутриязыкового перевода лежит в плоскости интерпретативной деятельности в отношении знаков, значение которых передается опосредованно, но его возможно проследить при помощи «подсказок», которые передаются в знаках (Залевская, 2005, с. 367). Интерпретация автором языкового кода научного текста порождает знаки научно-популярного дискурса, являющиеся опосредованным результатом общего процесса внутриязыкового перевода.

Иной взгляд на процесс внутриязыкового перевода предлагает эпистемическая модель, рассматривающая процесс преобразования эпистемической ситуации, обусловленный необходимостью интерпретации массовым адресатом, как прагматическую трансформацию антропоцентрических составляющих, способствующую более эффективному распространению знания через облегченную текстовую форму. Эпистемическая ситуация определяется в работе, вслед за М.П. Котюровой, как «единица содержания, понимаемого автором как научное знание, охватывающее информацию о предмете, методе получения этой информации, ценностной ориентации автора» (Котюрова, 2008, с. 11). Компонент субъективности, наряду с авторским присутствием в научно-популярном тексте формируют основу текстообразовательного процесса в данном типе текста.

Интерпретанта научно-популярного дискурса, опосредующая научно оформленное знание, обуславливает особенности его языкового оформления. При этом роль «подсказок», облегчающих восприятие значения субъектом семиозиса, берут на себя фразы обобщенного коллективного мнения, ввод уточняющей информации, примеры из собственного опыта, повторы и пояснения, позволяющие выполнить коммуникативную задачу прагматического фокусирования, коммуникативную фиксацию информации, ранее недоступной неспециалисту (Кибкало, 2023, с. 147). Опосредованный характер представления информации в научно-популярном тексте связан, кроме того, с трудностями передачи сложного научного знания, отражаясь в использовании коммуникативных стратегий и тактик популяризации знания,

направленных на создание дополнительного контекста, построение убеждающего дискурса (Сухая, 2012, с. 213). Опускание абстрактно-логических выражений, используемых в ходе научного анализа, формирует основное отличие научно-популярного типа речи от строго научного, что обусловлено прагматической направленностью научно-популярного текста.

Рассмотрим далее основные стратегии распространения научного знания и перекодирования информации в научно-популярном тексте. Как мы уже обозначали ранее, такими стратегиями являются информационно-объясняющая и воздействующая. Данные стратегии обеспечивают передачу научного знания путем экспликации и разъяснения научной информации для неспециалиста, а также убеждение адресата в позиции автора при помощи экспрессивного воздействия и аргументации. По сути, они являются инструментом адаптации содержания научного текста для более эффективного осмысления его адресатом и активизации его познавательной деятельности.

Следовательно, в этом случае можно говорить о прагматической адаптации исходного научного текста, то есть о «преобразовании текста, которое затрагивает некоторые специфические сферы, связанные с получением информации в областях, где знания сложно доступны» (Первухина, 2014а, с. 98). Актуальным для рассмотрения этого процесса в научно-популярных текстах является выделенный В.Н. Комиссаровым первый вид прагматической адаптации, нацеленный на снятие трудностей, обусловленных отсутствием или недостатком фоновых знаний у рецептора перевода (Комиссаров, 1999, с. 141). Естественно, что говорить о процессе адаптации можно только тогда, когда автор понимает текст-первоисточник, на основе которого строится его адаптированная версия, что релевантно для нашего материала. В случае, когда автор сам не является специалистом по теме текста-первоисточника, можно говорить об интерпретации текста, несколько более отдаленной от его содержания.

В зависимости от особенностей каждого компонента коммуникации, каковыми являются адресант и адресат, референт сообщения, способ его составления и код, С. В. Первухина выделяет субъектный, референциальный,

адресатный и инструментальный виды адаптации текста (Первухина, 2015, с. 8). В научно-популярных текстах, фундаментальные свойства которых определяются ориентацией на адресата-неспециалиста, доминирует адресатный вид адаптации. Следует подчеркнуть, что субъект адаптации соотносит при этом свои знания с научной картиной мира адресата, поскольку приемы и результат адаптации обусловлены тем, насколько хорошо автор понимает когнитивно-интерпретативные возможности адресата. По сути, адресант текста проходит путь от читателя до автора вновь создаваемого адаптированного текста. Когнитивно-интерпретативные возможности адресата всецело зависят от доступных ему пресуппозиций, с задействованием возможностей которых проходит интерпретация текста. Так, к примеру, восприятие астрономического термина *абберация света* требует передачи внутридисциплинарной пресуппозиции от адресанта к адресату. В ходе передачи «важных для понимания пресуппозиций происходит адаптация специфичной информации, в результате которой возникает адаптированный текст» (Первухина, 2014б, с. 50).

В качестве приемов адаптации в процессе языкового перекодирования информации в научно-популярном тексте автор часто использует средства компрессии информации, позволяющие сократить или прирастить посредством визуализации содержательную составляющую адаптированного текста. Так, В. Г. Сурдин кратко приводит результаты исследований ученых, сжимая выводы из многостраничных трудов до объема одного предложения: *Ньютон полагал, что дневное небо окрашивают мельчайшие капельки воды, но и он заблуждался* (Сурдин, 2011). Такой эффект достигается путем акцентирования содержательно-концептуальной информации, когда автор НПТ суммирует результаты научного исследования И. Ньютона, репрезентируя их в виде короткого высказывания: *дневное небо окрашивают мельчайшие капельки воды*.

Кроме того, адаптация текста может сопровождаться приращением дополнительной информации, посредством которой автор сообщает и разъясняет новые смыслы, неизвестные читателю. Экспрессивно отмеченное приращение содержания текста достигается путем добавления элементов

разговорной речи и фразеологии, слов, выражающих положительную или отрицательную коннотацию, которые «облегчают восприятие сложной информации, способствуют быстрому запоминанию и усвоению авторской мысли» (Попова, 2011, с. 223-224). В следующем примере автор использует разговорное слово *бродить* для создания запоминающегося экспрессивного высказывания. Такие необязательные элементы позволяют адресанту установить доверительный контакт с читателем, снять напряжение и перевести фокус с восприятия сложно структурированного научного изложения на понимание адресатом самой содержательной сути адаптированного научного текста: *Это позволит вам «бродить» среди миллионов светил на экране вашего компьютера* (Сурдин, 2011).

В научно-популярном дискурсе абстрактный, лишенный излишней описательности и объяснений характер научной репрезентации информации трансформируется с целью снижения пространности размышлений, создания дополнительных пояснений и контекстных подсказок. Для читателя, который не располагает всей фоновой информацией, необходимой для корректного восприятия высказывания, даются дозированные объяснения теоретических особенностей астрономии. Так, например, приводится перечисление планет солнечной системы с целью раскрыть научные представления древних и средневековых ученых о небесных телах, восполнить пробелы знаний читателя в информационном фоне текста:

С древности и вплоть до середины XVI в. планет было 7. Точнее, 5 «настоящих» планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн), а также Луна и Солнце, тоже называвшиеся тогда планетами; всего 7 (Сурдин, 2011).

Процесс внутриязыкового перекодирования информации в научно-популярном тексте астрономии нередко перемежается с межъязыковым переводом, когда автору необходимо пояснить для читателя какой-либо термин, взятый из кодовой системы другого языка. При этом автор приводит перевод или дефиницию термина, поясняя, из словарного запаса какого языка был взят данный термин, и осуществляет адаптацию научной информации для адресата

сообщения:

*Собственно говоря, само слово «эклиптика», обозначающее видимый годичный путь Солнца на небе, происходит от греческого **ekleipsis** – затмение.* (Сурдин, 2011).

Таким образом, здесь можно говорить о двух видах эквивалентности перевода оригиналу: с точки зрения межъязыкового перевода – насколько верно передано определение термина в соответствии с языком первоисточника, и, с другой стороны, эквивалентность внутриязыкового перевода, когда тексты сопоставляются с опорой на критерии объективности, целостности и точности передачи научной информации. Несомненно, что теоретические вопросы внутриязыкового перевода во многом пересекаются с вопросами межъязыкового перевода, однако существуют отдельные особенности, характерные для одноязычного перекодирования (Журавлева, 2003, с. 9). Речь идет о таких специфических явлениях, как адаптация значения лексических единиц, а также контекстно-обусловленное перевыражение авторского стиля оригинала в субъективно-оценочном ключе. Как и в любом другом виде перевода, сущность понятий эквивалентность или адекватность остается прежней, это по-прежнему «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» (Виноградов, 2001, с. 18). Это означает, что, как и в межъязыковом виде перевода, во внутриязыковом перекодировании задача посредника между автором и читателем состоит в точной передаче оригинального смысла высказывания, с параллельным применением адекватных для целевого адресата методов адаптации. Однако достижение полного соответствия смысла оригинального высказывания при внутриязыковом переводе также невозможно из-за разницы языковых средств выражения информации, используемых посредником с учетом фактора адресата.

Внутриязыковой перевод как процесс, имманентно присущий научно-популярному текстообразованию, правомерно, по нашему мнению, считать

гетерофункциональным переводом, поскольку переводной научно-популярный текст имеет иную цель по сравнению с исходным научным текстом (Wright, 2011, p. 256). При этом основная цель перевода и популяризации совпадает – открытие доступа к информации для людей, которые не говорят на незнакомом языке, в том числе и на языке науки. Это актуализирует одну из важных проблем, предстающих перед исследователем внутриязыкового перевода в научно-популярных текстах – интерпретативная деятельность автора, передающего знание конечному адресату, неподготовленному читателю.

Внутриязыковой перевод и популяризацию научного знания объединяет то, что оба процесса требуют определения того, что должно остаться в целевом тексте, а что должно быть/может быть опущено. Такое ограничение в передаче информации создает парадокс, когда научно-популярный текст создается для неспециалистов, но при этом эффективность перевода возрастает, если автор не является неспециалистом (Esteves, 2014, p. 45). Автор целевого текста имеет возможность убедить читателя в истинности высказывания, следовательно, он несет ответственность за то, чтобы создать адекватный переводной текст. Интерпретативная деятельность ученого-популяризатора и журналиста, занимающегося деятельностью по популяризации науки, обнаруживает разную степень адекватности и эквивалентности, поскольку ученый передает знание, произведенное в результате собственной научно-исследовательской деятельности, в то время как адекватность целевого текста, созданного журналистом, зависит от верности интерпретации исходного научного текста. Абсолютная эквивалентность исходного и переводного текстов невозможна, поскольку она предполагает точное копирование текста оригинала, а не переводческую интерпретативную деятельность (Navarro, 2024, p. 28).

Развитие теории перевода в западном научном сообществе привело к появлению пост-переводческого подхода, постулирующего отказ от понимания перевода как исключительно метафорического понятия и определяющего перевод термином «трансдисциплинарный», снимая тем самым ограничения на использование перевода для объяснения сложных культурных и

трансформационных феноменов современности (Arduini, 2011, p. 8-9). Пост-переводческий подход позволил пересмотреть некоторые ограничения для внутриязыкового перевода, вызванные зависимостью последнего от рассмотрения языка на уровне отдельных текстов, и применить знания и инструменты анализа из разных областей науки. Отталкиваясь от этой концепции, Д. Робинсон выделяет понятие «интерэпистемический перевод» как процесс трансформации или адаптации знания внутри различных эпистемических систем (Robinson, 2017, p. 200-202). Эпистемическую систему можно определить как общий контекст коммуникации, включающий в себя тактики презентации знания, такие как аудиовизуальная, письменная форма популяризации, передача опыта через презентацию в популярном виде и др. Любой переход с одного контекста регистра коммуникации на другой подразумевает трансформацию формы изложения, адаптацию, поиск синонимов, практическое применение и т.д. Каждая трансформация в эпистемической системе текста представляет собой одиночное проявление интерэпистемического перевода (Navarro, 2024, p. 29).

В пространстве научно-популярной коммуникации трансформация визуальной и текстовой форм презентации знания существенным образом влияет на характер популяризации и эффективность донесения информации до широкого читателя в целях активизации его познавательной деятельности. Существует многообразие форматов, которые позволяют транслировать науку в легкой популярной форме, при этом в письменном научно-популярном дискурсе одним из значимых элементов является визуальное представление: видеоряд, рисунки и фотографии, схемы и т. д. (Симакова, 2016, с. 126-127). Наряду с внутриязыковым переводом, Р. Якобсон выделяет особый вид интерпретации вербальных знаков при помощи других знаковых систем, например кино, музыки, живописи (Якобсон, 1978, с. 16). В научно-популярном дискурсе в качестве невербальных знаков активно используются визуальные элементы, которые в сочетании с аудиальными и текстовыми расширяют эпистемическую систему НПТ, наполняя ее новыми контекстами и

оптимальными способами репрезентации знания, создавая тем самым разнообразные возможности для интерэпистемического перевода. Однако основной формой представления знания все так же остается текстовый формат.

Отметим, что привлекаемый к исследованию устный научно-популярный дискурс располагает богатым набором аудиовизуальных методов представления информации. Будучи тесно связанным с дискурсом медиа, научно-популярные видео- и радиопередачи, а также иные форматы, которые основаны на учете канальной специфики средств массовой информации, расширяют набор возможных контекстов для интерэпистемического перевода, стирая при этом границы между форматами, что «делает невозможным точную передачу всех изначальных смыслов, заложенных в оригинальное произведение» (Кибкало, 2024а, с. 104). Так, формат подкаста, как способ взаимодействия с массовым слушателем все чаще становится инструментом популяризации результатов научных исследований, являясь при этом частью медиадискурса, что свидетельствует о тесном взаимодействии научно-популярной и медийной дискурсивных разновидностей.

Таким образом, внутриязыковой перевод как эффективная стратегия популяризации сложного астрономического знания представляет собой процесс перекодирования знаков научного языка в знаки, адекватно воспринимаемые несведующим адресатом. Внутриязыковой перевод выступает прагматически значимым инструментом тексто- и смыслообразования в процессе интерпретационно-воздействующей деятельности ученого-популяризатора. Основными стратегиями внутриязыкового перевода являются информационно-объясняющая и воздействующая, предполагающие создание контекстных подсказок и разъяснений (см. пример на с. 54), трансформацию форм репрезентации эпистемической системы для передачи субъективной авторской оценки (см. с. 57), выполняющие функцию дополнения адаптационного процесса, в том числе и с помощью визуальных средств, в основном графиков, схем и рисунков, расширяющих контекст научной коммуникации.

1.4. К уточнению понятия «знаки авторского присутствия» в аспекте выражения авторских интенций¹

Значительные изменения, произошедшие в ходе объективных процессов, сопровождающих антропоцентрический сдвиг в отечественном языкознании, определили исследовательский фокус на человеке, думающем, говорящем и слушающем. В лингвистике текста значительное внимание при этом уделялось проблеме определения и разграничения авторского замысла, реализуемого средствами языка при передаче авторских интенций (Литвяк, 2018, с. 55). Различные типы текста содержат многообразные личностные проявления авторского стиля, воплощенные языковыми средствами. Исследователи медиатекстов выделяют среди средств передачи интенций автора субъективно оценочную лексику, в частности, наречия, прилагательные, существительные и глаголы (Телегина, 2021, с. 69, 70, 78).

Ученые подходили к определению проявления категории автора в тексте с различных позиций, при этом общепринятого однозначного термина, номинирующего «следы» автора в пространстве текста, установлено не было. В настоящее время в области изучения категорий и видов дискурса накоплен обширный объем исследований, посвященных различным аспектам бытования научно-популярного типа дискурса, при этом лишь фрагментарным образом были затронуты маркеры авторизации в письменном тексте, которые в нашей работе именуется как знаки авторского присутствия. Формы авторского начала в исследованиях разных типов дискурса имеют разное именование.

Большое число наблюдений относительно форм экспликации категории автора принадлежит исследователям художественного текста, работы которых

---

¹ Основные результаты данного параграфа были представлены в научной статье Кибкало Р. И. Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. Вып. 6 (900). – С. 58–65, в рамках публикации основных результатов диссертационного исследования.

опираются на концепцию В.В. Виноградова, который внес большой вклад в изучение проблемы идентификации автора в тексте, благодаря чему в языкознании было закреплено понимание образа автора как совокупности текстовых и смысловых особенностей, проявляющихся в некоторых элементах произведения (Виноградов, 1971). Развитие идей В.В. Виноградова привело к выделению разными учеными индивидуальных критериев выявления образа автора в разножанровых литературных текстах. Рассмотрим актуальные для нашей работы направления и способы авторизации художественного повествования.

Изучение авторского присутствия в художественной литературе начинается с фокусирования внимания на структурно-композиционных элементах текста, значимым из числа которых для нас представляется заглавие текста. Л.Г. Хорева подчеркивает высокую степень авторизационного веса заглавия текста, которое «аккумулирует в себе взгляды автора на свое произведение и является наиболее эффективной формой передачи авторского замысла и его видения собственного произведения» (Хорева, 2017, с. 18). Мы разделяем мнение ученого о прагматической важности заглавия в плане трансляции авторского взгляда на свой текст, поскольку короткое, но емкое заглавие должно иметь большую привлекательность для читателя, передавать главную коммуникативную интенцию автора, выполняя при этом и аттрактивную функцию.

Корреляцию знаков авторского присутствия с выражением писателем своих коммуникативных интенций выделил А.А. Серебряков на материале немецкоязычной новеллы Г. фон Клейста. В число знаков присутствия автора были включены подзаголовки, имеющий функцию оформления рецепции текста читателем, знаки препинания для обозначения коммуникативных интенций автора, средства авторской экспрессивности в ее графическом обозначении (Серебряков, 2012).

Категория автора находит свою манифестацию также в нарративном процессе, являющемся ключевой частью художественного повествования. В

исследовании Н.А. Штейнберга затрагиваются особенности функционирования временных форм Past Indefinite и Present Perfect на материале английских художественных текстов. Ученый отмечает разный характер проявления авторского голоса при переходе повествования от нарративной формы (Past Indefinite) к диалогической (Past Perfect), с помощью которого происходит стимулирование интереса читателя как участника событий, передача авторского отношения к событиям, фактам, явлениям, а также общее проявление автора в текстовом пространстве (Штейнберг, 2004, с. 97). Изменение временного фактора или «момента отсчета» в тексте позволяет автору объединить точки отсчета автора и читателя, вовлечь читателя в процесс познания как равноправного участника, что релевантно и для научно-популярного дискурса.

Большое значение для нашей работы имеют исследования категории автора в разных типах дискурса и, в первую очередь, в медиадискурсе, поскольку основополагающие признаки дискурса СМИ и научно-популярного дискурса пересекаются по ряду характеристик. Так, раскрытие проявлений автора в дискурсе медиа с позиций стилистики имеет место в работе Т.В. Шмелевой, предлагающей подразделять структуру текста на несколько составляющих, ключевой из которых для научно-популярного текста является «авторское начало». В тексте данная категория репрезентируется цепочкой высказываний, выражающих отношение автора к содержанию, при этом исследователь отмечает возможность измерения авторского начала через понятие удельного веса, что позволяет, по нашему мнению, анализировать как отдельные виды знаков авторизации, так и целые фрагменты текста с целью выявления степени авторской субъективности – от низкой до максимально высокой (Шмелева, 2010, с. 208).

Развивая теорию удельного веса авторского присутствия в текстах СМИ, Н.В. Соловьева провела детальный анализ современных медиатекстов на русском языке с целью определения стилеобразующих параметров категорий «автор» и «адресат». Исследователь оперирует понятием «образ автора»,

формирующегося языковыми средствами. Н.В. Соловьева отмечает, что «проявление авторского начала – образа автора – в тексте выступает существенной стилеобразующей категорией» (Соловьева, 2012, с. 108). Отсутствие обособленного проявления автора в тексте, главным образом авторской оценки, придает тексту строгость и официальность, что подчеркивает единственную функцию подобных текстов – передачу информации, что также является стилеобразующим фактором.

Г.А. Золотова, рассматривая способы взаимодействия моделей предложения, выделяет понятие авторизации как семантической категории, служащей «для выражения источника знания, лежащего в основе сообщения» (Золотова, 1973, с. 263). Такой подход актуализирует анализ текста на уровне предложения, в которое вводится дополнительный контекст и семантический обертон, указывающий на личность отправителя. Таким образом, ученый выделяет часть предложения, маркирующую авторское присутствие посредством специальных единиц.

Т.К. Краснова трактует авторизацию как сущностную характеристику модуса, который получает реализацию в двух типах: объективный (неавторизованный, авторский «след» сведен к минимуму) и субъективный (авторизованный, выражение авторского «Я» (Краснова, 2002, с. 131). Таким образом, исследователи выделяют объективный и субъективный способ представления информации, которые совпадают с соответствующими типами модусов в сообщении. Следовательно, значимый для нашей работы субъективный план содержания текста представляет собой авторизованную часть текста, характеризующуюся максимальной степенью присутствия автора. Это значит, что правомерно говорить о разной степени авторского присутствия как в разных типах дискурса, так и в пространстве одного научно-популярного текста.

Мы разделяем мнение Е.А. Баженовой, трактующей авторизацию как способ речевого воплощения авторской рефлексии, реализующей рефлексивное начало познавательной деятельности автора. Рефлексия выявляет набор уникальных качеств ученого, его взглядов и представлений, имеющих

непосредственное влияние на ход его научной деятельности (Баженова, 2003, с. 131). Постоянная саморефлексия субъекта в различных коммуникативных ситуациях соотносится с оценочной стороной процесса познания, что в совокупности формирует научную картину мира исследователя.

Интерес для нашей работы представляют исследования В.Ю. Якубовой, рассматривавшей особенности субъектной интеракции в пространстве научно-популярного дискурса на материале англоязычных газетных текстов. В рамках определения функции субъекта в научно-популярном тексте ученый оперирует понятием «средство авторизации», которое, по нашему мнению, является смысловым продолжением размышлений Е.А. Баженовой. В.Ю. Якубова называет этим термином «средства выражения авторской точки зрения, а также психологических состояний субъекта в процессе получения и вербализации нового знания» (Якубова, 2015, с. 117). В перечень таких эксплицитных средств входят личные и притяжательные местоимения первого лица, антропони́мы, вводные конструкции, а также средства оценки, которые преобладают над имплицитными и в нашем исследовательском материале, что можно считать свидетельством их более высокого прагматического потенциала.

Следовательно, авторизация как экспликация авторского начала и его позиции обусловлена коммуникативно-прагматической установкой адресанта и типом дискурса, выступая когнитивно-семантическим основанием присутствия автора в тексте (Кибкало, 2025а, с. 60). Данная категория выполняет функцию выражения коммуникативного намерения автора и его осознанной поддержки адресата в плане раскрытия авторских интенций. В тексте авторизация призвана указывать на источник знания или мнения, который одновременно представляет собой объект иллокутивной силы.

Большое значение для решения задач нашей работы имеют исследования научно-популярного дискурса, в которых затрагиваются проблемы и способы его авторизации. Так, Н.В. Данилова, изучая варианты репрезентации авторской позиции в научно-популярном дискурсе, отказывается от понятий авторского начала и авторизации, предпочитая говорить о «средствах

выражения авторского мнения» как преобладающей формы авторского проявления в тексте. При этом справедливо отмечается доминантное положение субъекта в коммуникативной паре «субъект – объект», действующей в научно-популярном тексте, следствием чего, по мнению ученого, является способность автора выражать собственно мнения двумя разными способами: эксплицитно, открыто указывая на несовершенства и преимущества отдельной теории, или же имплицитно, ссылаясь на мнение других авторов, совпадающие с его собственной оценкой (Данилова, 2018, с. 439). Среди средств эксплицитного выражения авторского мнения ученый выделяет вводные слова и предложения, выражающие отношение уверенности, предположения, сомнения; на грамматическом уровне это глаголы повелительного наклонения – «сравните, обратите внимание» и т. д. Большое внимание уделяется образности и экспрессивности, которую автор привносит в текст, чтобы помочь реципиенту определить его образ мышления, составить личное представление о его взглядах и целевых установках. Так, Н.В. Данилова выделяет метафоры, образно-экспрессивные сравнения, перифразы, идиоматические выражения и эпитеты в качестве основных форм образной экспрессии в тексте (там же, с. 440). Отметим, что в ряду имплицитных средств выделяются организующие речевые обороты, маркирующие: введение в тему («далее мы рассмотрим»), порядок следования информации («во-первых, во-вторых»), вывод или заключение («следовательно, таким образом») (Болсуновская, 2015, с. 11).

Авторские формы повелительного наклонения, распространенные в научно-популярном тексте, имеют своей целью призыв читателя к действию, совершению какого-либо поступка, который важен для разрешения проблемы, поставленной автором. Такие формы представляют собой способ непосредственного обращения, интеракции с адресатом (Когут, 2016, с. 162) с целью стимулирования его когнитивной активности. Как отмечает С.В. Когут, в научной речи они являются дискурсивными маркерами, которые «используются в качестве ориентировочных сигналов, помечающих или,

другими словами, маркирующих определенные смыслы в научной речи и выполняющих при этом определенные функции» (там же, с. 158), которые, по нашему мнению, характерны и для научно-популярной коммуникации. Исследователь выделяет три группы дискурсивных маркеров, две из которых обозначают авторскую позицию в научном тексте и отражают процесс взаимодействия автора с читателем.

Согласно С.В. Гричину, отдельные авторизационные единицы в научном тексте имеют свойство широко взаимодействовать друг с другом на уровне текста, проводя таким образом некоего рода «семантическую экспансию», в результате которой они включаются в процесс текстообразования (Гричин, 2010, с. 13). Исследователь оперирует понятием «авторизационных конструкций», с помощью которых в тексте отражаются коммуникативно-познавательные намерения адресанта, что дополняет функционал знаков авторизации, наряду с информирующей, также и воздействующей функцией.

Таким образом, значительное количество ученых, изучающих формы реализации авторской позиции и взаимодействия автора с читателем, отмечают наличие двух разнонаправленных векторов в выражении собственных мыслей и оценок автора: направленность на экспрессию/субъективность повествования (автор выражает эмоционально-экспрессивную информацию при помощи коннотативных слов и выражений) и стандарт/объективность (автор оперирует принятыми в языке понятиями, выражая когнитивную информацию при помощи конвенционализированных моделей той или иной дискурсивной информации) (Данилова, 2018, с. 440). Это наблюдение совпадает с мнением В.И. Габдуллиной, согласно которому эксплицитные и имплицитные формы авторского присутствия являются репрезентацией авторского высказывания, выраженного на разных уровнях текста в прямой или косвенной форме (Габдуллина, 2011), что подтверждается и нашими наблюдениями.

Подчеркнем, что автор научно-популярного текста использует принятые в данном дискурсе нормы для передачи адресату научной информации и воздействия на него, модифицируя исходный научный язык при помощи

выражений, присущих языку научной популяризации, пропуская собственные размышления через «фильтр» прагматического фокусирования. В нашем исследовании мы отдаем предпочтение понятию «знаки авторского присутствия», функция которых заключается в передаче коммуникативного намерения автора адресату и усилении воздействия на процесс восприятия информации с целью активизации его познавательной деятельности. В число этих знаков могут входить как вербальные средства реализации авторской позиции в тексте, маркирующие модальный смысл высказывания и оценку автором изложенных фактов, так и невербальные, позволяющие преподнести содержание авторского повествования в комфортном для читателя с точки зрения эстетики виде.

В научно-популярном тексте, как и в научном, присутствуют элементы разных знаковых систем, которые преследуют неодинаковые по своей сути цели. Так, информативно-интерпретационную функцию выполняет в научно-популярном дискурсе невербальная знаковая система, представленная паралингвистическими средствами (графиками, рисунками, схемами, различными графическими средствами), призванными визуализировать когнитивную информацию и таким образом обеспечить ее адекватное восприятие неподготовленным читателем. В данном случае можно говорить об элементах креолизации повествования. Креолизованный текст трактуется в лингвистике как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/ речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, 1990, с. 180). В научно-популярном тексте использование невербальных знаковых элементов во взаимодействии с доминантными вербальными увеличивает информационную плотность сообщения, объединяет разрозненные текстовые элементы в целостную научную картину, которая воспринимается адресатом в непрерывном целостном виде. Авторское расположение невербальных средств в тексте имеет принципиальное значение при организации его структурно-смысловой системы, смещение одного из элементов которой, например, схемы

или рисунка, может в большой мере исказить восприятие вербальной части изложения, внести неясность и снизить «читаемость» информации. Следовательно, визуализация научной информации в научно-популярном тексте обеспечивает информационную стратегию дискурса, являясь инструментом реализации коммуникативного намерения автора – усвоение адресатом научной информации в как можно более понятном виде.

В качестве обобщения отметим, что научно-популярные тексты, являясь результатом речемыслительной активности субъекта, включают два типа знаков авторского присутствия, реализованных на разных уровнях языка. Эксплицитные знаки присутствия автора призваны дать отражение позиции автора как ключевого антропоцентра коммуникации, в то же время имплицитные знаки присутствия автора выполняют задачу стимулирования когнитивной активности адресата через эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и ее последующую интеллектуальную обработку (Гусейнова, Никитенкова, 2023, с. 122).

Ряд авторов совершенно справедливо называют прямым способом экспликации присутствия субъекта так называемую Я-позицию автора. Главным маркером авторского присутствия в тексте, как отмечает Г.Я. Солганик, является личное местоимение *я* как категория производителя речи, поскольку «переходя из языка в речь (текст), *я* из нейтрального обозначения говорящего становится знаком присутствия говорящего в тексте» (Солганик, 1999, с. 365), тем самым придавая всему высказыванию субъективный характер. Мы согласны с мнением ученого, поскольку личные местоимения занимают первое место по частоте использования среди знаков авторского присутствия в рассматриваемом материале (Кибкало, 2025а, с. 61), что подтверждается данными таблицы 2. С опорой на концепцию Г.Я. Солганика можно говорить о субъективно-объективных отношениях между ученым-популяризатором как производителем речи и адресатом (Солганик, 1999, с. 367-368), свидетельствующих о сложном характере текстовой модальности. Кроме личных местоимений данную категорию реализуют также интонация, словопорядок, специальные

конструкции, повторы, частицы, вводные слова, которые углубляют и нюансируют текстовую реализацию субъективно-модального местоимения *я* как прагматически доминантного средства прямого выражения авторской позиции. Следовательно, в нашем исследовании мы уделяем особое внимание изучению Я-позиции автора как ядра субъективной модальности в тексте.

Многие импульсы для нашего анализа мы получили при изучении исследований различных типов институциональных дискурсов. Так, М.В. Миколайчик, подробно рассматривая русско- и англоязычный экономический дискурса на предмет выражения авторской позиции, берет за основу термин «авторизация», используя дополнительное понятие «показатели эксплицитной авторизации», к которым относит частотность личных местоимений первого лица (Миколайчик, 2018, с. 91). Ученый приходит к выводу о менее активном применении персонифицированной стратегии дискурса в русскоязычном материале, что выражается в низкой частотности самоупоминания автора, а также желании автора остаться за рамками изложения. Персонифицированная стратегия авторизации, напротив, основана на эксплицитном проявлении авторского «Я» в тексте, предполагая сознательное усиление авторского присутствия в тексте для актуализации языковой личности автора как субъекта познавательной деятельности.

Ю.В. Булдакова использует термин «стилевые формы авторского присутствия» в контексте изучения авторского сознания в тексте фан-фикшн для обозначения манифестации авторского сознания, выраженного средствами оценки событий и диалогизации повествования (Булдакова, 2016, с. 212), которые позволяют анализировать авторское начало и закрепить позицию автора как субъекта речи и познания. По мнению ученого, «след» автора в тексте представлен сменой стилистических характеристик и языковых средств, преобладанием одного типа речи над другим, что позволяет с большей определенностью выявить сознание автора и остальных субъектов коммуникации. Согласимся с этим мнением, поскольку резкое изменение способа изложения или отдельных его элементов, таких как повышение

экспрессии, диалогизация или оценочность повествования дают адресату сообщения сигнал о смене автором вектора повествования, фокусировании внимания на отдельных частях текста и снятие фокуса с других.

Рассматривая общие особенности коммуникации, Е.И. Шендельс придерживается мнения, «что не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах, а наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая область имплицитной передачи информации. Она подобна той части айсберга, что скрыта под водой» (Шендельс, 1977, с. 109). При этом имплицитные формы авторского присутствия в научно-популярных текстах реализуются посредством риторических вопросов, вопросно-ответных комплексов и средств скрытой диалогизации, при которых адресат самостоятельно домысливает содержание высказывания в соответствии с задаваемым адресантом вектором. Средства имплицитной авторизации в тексте определяются как «грамматические группировки лексики, номинативно задействованной на отражении в структуре своего лексико-семантического значения референциальных связей с автором научного сообщения в контексте ситуации познания» (Нефёдов, 2013, с. 53).

Обобщим наши наблюдения в следующей ниже таблице 2.

Таблица 2 – Типологизация знаков авторского присутствия по способу представления информации

Типы ЗАП	Эксплицитные	Имплицитные	Невербальные
Лексико-семантические индикаторы субъективности	Личные и притяжательные местоимения 1 лица, средства самоупоминания, вводные слова, модально-оценочная лексика, модальные глаголы, авторские номинации с субъективно-модальным значением, качественные интенсификаторы, глаголы мысли (verba sentiendi)	Средства имплицитной оценки (прилагательные, наречия), перифраза, частицы, авторское введение терминов, антропонимы	

Продолжение таблицы 2 – Типологизация знаков авторского присутствия по способу представления информации

Грамматические индикаторы субъективности	Конструкции с побудительной модальностью, восклицательные предложения, маркеры уверенности/неуверенности, достоверности/недостоверности, выражения соответствия/несоответствия ожиданиям, количественные интенсификаторы, вопросно-ответные комплексы, инициальные побудительные речевые действия	Экспрессивный синтаксис, риторические вопросы, изменение временных форм	Знаки препинания, компрессирующие знаки препинания, изменение размера, стиля шрифта
Стилистические индикаторы субъективности	Прямое сравнение	Метафорические, сравнения; идиоматические выражения (фразеологизмы)	
Текстовые индикаторы субъективности	Заглавие, подзаголовок, заголовки частей и разделов, направляющие конструкции (во-первых, для начала.. далее мы рассмотрим), самоцитирование	Интертекстуальные включения (цитаты, не прямые отсылки на другие тексты, речевые клише)	Схемы, рисунки, графики, таблицы, диаграммы

Приведенный в Таблице 2 перечень эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия, составленный в процессе обобщения и систематизации способов авторизации повествования, свидетельствует о приоритете лексических средств эксплицитного выражения авторской позиции, что связано со значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом Я-позиции, субъективно-модальных и оценочных средств. Грамматический уровень обеспечивается значительным количеством как эксплицитных, так и имплицитных авторских маркеров. Невербальные средства авторского присутствия составляют знаки препинания и компрессии, активно используемые в грамматическом построении предложений, а также в структурно-композиционной организации текста, обеспечивая логичность и непротиворечивую последовательность представления информации адресантом. Стилистические средства, способствуя экспрессивности повествования,

предоставляют доступ к образно-мыслительным структурам индивидуальной когнитивной системы ученого-популяризатора. Знаки авторского присутствия на текстовом уровне выполняют аттрактивную и воздействующую функции, обозначая ключевые проблемы и направляя восприятие читателя.

Таким образом, приведенный выше критический обзор литературы, а также наши собственные наблюдения в процессе анализа эмпирического материала позволили установить и классифицировать способы и особенности эффективной трансляции коммуникативно-прагматических интенций автора-ученого в научно-популярном тексте. Значительным прагматическим потенциалом в системе разноуровневых знаков авторского присутствия обладает заглавие, являющееся одним из первых способов передачи авторского замысла, актуализации темы изложения и получающее дальнейшее когнитивно-семантическое наполнение в таких структурно-композиционных элементах, как подзаголовки. Информационная стратегия дискурса, заключающаяся в передаче информации в максимально доступном для непрофессионала виде, обеспечивается средствами визуализации повествования, составляющими невербальный план изложения. Персонифицирующая стратегия, имеющая задачу актуализации авторской личности как субъекта познавательной деятельности, обеспечена личными и притяжательными местоимениями как базовыми маркерами Я-позиции автора. Комплексное использование разноуровневых и разнокодовых знаков авторского присутствия приводит к «прагматической экспансии», увеличению их семантического радиуса на текстовом уровне, активизации познавательной деятельности адресата.

Следовательно, изложенное выше позволяет дать комплексное определение знаков авторского присутствия в научно-популярном тексте: разноуровневые языковые и неязыковые средства, служащие для передачи коммуникативной интенции автора и обеспечения влияния на познавательную активность читателя в целях прагматического фокусирования. Эксплицитные знаки присутствия автора призваны дать непосредственное отражение позиции автора как ключевого антропоцентра коммуникации, в то же время

имплицитные знаки присутствия автора выполняют задачу стимулирования когнитивной активности адресата через эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и экспрессивизацию коммуникации.

Выводы по главе 1

Лингвистическая наука, выдвинув на передний план изучение человека как субъекта познания и главного участника речевой активности, актуализировала изучение дискурса как общения неравноправных субъектов в пространстве институциональной коммуникации. Различия в трактовке дискурсивных разновидностей, в том числе в работах ученых одной и той же научной области, обусловлены вариативностью методологических инструментов и подходов к анализу, выведению и обоснованию понятий с учетом цели, объекта и предмета изучения соответствующей научной дисциплины. В настоящее время существуют два подхода к трактовке текстов, научно-популярного вида коммуникации: как элементов полноценного, независимого дискурса, с одной стороны, и как подстиля научной коммуникации, с другой.

Научно-популярный дискурс рассматривается в данной работе как особый вид институционального общения между ученым и читателем, интересующимся научными исследованиями и открытиями. НПД астрономии как институциональный тип общения нежесткого характера представлен корпусом тематически связанных текстов, посвященных изучению космоса. Выявление типологических признаков институциональности показало, что научно-популярный дискурс представляет собой особый сплав сущностных характеристик научного дискурса и социопрагматических установок дискурса СМИ и педагогики, свидетельствующих о его интердискурсном

контаминированном характере.

Рассмотрение модели взаимодействия ученого и читателя в научно-популярном дискурсе позволило раскрыть когнитивно и прагматически обусловленную сущность категорий адресанта и адресата как антропоцентров коммуникации. В качестве основных стратегий, применяемых популяризатором для достижения поставленных коммуникативных задач, были выделены информационно-объясняющая стратегия, служащая инструментом внутриязыкового перкодирования сообщения, и манипулятивно-воздействующая стратегия, представляющая собой эффективный способ убеждения адресата в истинности информации и авторской позиции. Пресуппозиции адресата, формирующие фоновый набор знаний о научной области, полученный в ходе любительского изучения науки, определяют речевую модель поведения адресанта, вынужденного принимать во внимание интерпретационный потенциал и когнитивный опыт адресата, которому предназначено сообщение.

Сущностные характеристики научного и научно-популярного текстов в их корреляции складываются из набора социальных, коммуникативных, когнитивных и собственно лингвистических признаков, изучение которых способствовало раскрытию характера интертекстуальной связи, реализуемой в научно-популярном тексте в результате языкового перекодирования исходного научного текста. В процессе прагматически обусловленного изменения цели коммуникации адресант использует механизмы экспрессивизации, диалогизации, эссеизации, модализации, визуализации, формирующие основу эффективной субъектной интеракции и определяющие специфику научно-популярного текста.

Научно-популярный текст рассматривается в работе как прагматически заданная форма внутриязыкового перевода, определяемого в качестве инструмента внутреннего смысло- и текстообразования, используемого ученым-популяризатором при обусловленной фактором адресата адаптации содержания научного текста с привлечением эффективных коммуникативных стратегий.

Знаки авторского присутствия представляют собой разноуровневые языковые и неязыковые средства, служащие для реализации коммуникативной интенции ученого-популяризатора, оказания влияния на читателя в целях активизации его когнитивной активности, прагматического фокусирования внимания и, в конечном итоге, обогащения его научной картины мира. При этом эксплицитные знаки присутствия автора, направляя восприятие информации адресатом, непосредственно репрезентируют позицию автора как ключевого антропоцентра коммуникации и интерпретирующего субъекта. Имплицитные знаки авторского присутствия выполняют задачу стимулирования когнитивной активности адресата через эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и экспрессивизацию коммуникации.

Глава 2. Когнитивно-прагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии

2.1. Механизмы стимулирования когнитивной активности читателя: прагматическое фокусирование повествования

Процесс популяризации научного астрономического знания обусловлен многими интра- и экстралингвистическими факторами. Передача информации посредством ее текстовой репрезентации предполагает интенционально заданный выбор языковых средств и адекватное жанрово-стилевое оформление речи, но для эффективной передачи неподготовленному читателю сложной информации важно также придерживаться композиционно-структурной основы повествования, без которой невозможно построить легко воспринимаемый без специальной подготовки текст. Речь идет об организации дискурса, реализующей прагматическую установку и концептуальную связность, т. е. возможность целостного восприятия текста читателем, и внутренней связности, обеспечиваемой единством лексико-грамматической и тематико-архитектонической организации текста, позволяющей автору передать смысл высказывания с наибольшей точностью. Названные аспекты композиционно-структурной основы текста, т.е. его когезия и когерентность, являются «определяющими, строительными характеристиками, необходимым условием текстуальности» (Величко, 2016, с. 40).

Выбор языковых средств, используемых автором для убедительной и аргументированной репрезентации информации, обусловлен персуазивным намерением выделить в тексте значимые понятия и явления, отметив их собственным прагматическим фокусом и заострив, таким образом, на них

внимание и интерес читателя. С одной стороны, это обеспечивается «нарушением текстообразующей модели» с целью придания «большей привлекательности, заметности сообщения» (Чернявская, 2009, с. 131), с другой стороны, «прагматическое фокусирование обеспечивает “остановку” читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознавания» (там же, с. 198) посредством специальных авторских сигналов. При этом отмечается нежесткий характер данной когнитивно-прагматической процедуры при акцентировании концептуально значимых авторских позиций.

Восприятие и адекватное понимание адресатом содержания зависит от названных выше категориальных признаков текста. В данный момент в отношении понимания текста адресатом, как отмечает В. Е. Чернявская, доминирует предложенная М. Шернером концепция «чтения по следам» (*Spurenlesen*), согласно которой в тексте заложены собственные коммуникативно-прагматические маркеры, позволяющие реципиенту тем или иным образом декодировать заложенные автором содержательные смыслы (Schermer, 1994), что позволяет интерпретировать текст с рецептивно ориентированной позиции как набор коммуникативных речевых стратегий и механизмов, «запускающих» процесс восприятия содержания и инициирующих когнитивную деятельность адресата как активного участника коммуникации. Декодирование, или «реконструкция» содержания текста, в ходе которой происходит интерпретация и понимание коммуникативной интенции автора, производится реципиентом и определяется, как уже отмечалось, целостностью или когерентностью текста (там же, с. 29).

При восприятии новой информации важную роль играет когезия как инструмент регулирования интерпретационных рамок в предложении. Ключевым компонентом когнитивной структуры текста являются дискурсные маркеры как особый функциональный класс речевых единиц, «выступающих когнитивными регуляторами дискурса, оказывающими влияние на его восприятие и на интерпретацию участниками коммуникативного акта и, значит,

несущих определенную когнитивную нагрузку в рамках иллюстрации» (Каменский, 2022, с. 42). Таким образом, влияние на восприятие адресатом текстового содержания в пространстве дискурса носит системный характер, реализуемый структурными единицами, обеспечивающими целостность и прагматически выверенную расстановку акцентов в его интерпретации.

Одним из прагматически значимых элементов познавательной деятельности является процесс восприятия, заключающийся в формировании образа предмета или явления из его чувственных качеств. Восприятие находится в тесной взаимосвязи с мышлением воспринимающего субъекта, с его чувствами и эмоциями, соотнесением доходящей до него информации с ранее сложившимися представлениями и созданием гипотез о возможном значении данной информации (Амантаева, 2015, с. 156). Речь идет, таким образом, об активизации индивидуальной когнитивной системы, коммуникативных установок и фоновых знаний познающего субъекта, что предполагает важность использования автором различных механизмов стимулирования и прагматического фокусирования.

В ходе познавательной деятельности восприятие подвергается наибольшему влиянию экстралингвистических факторов, таких как эмоциональное или наглядно-субъективное воздействие, эстетизация повествования. Автор как антропоцентр научно-популярной коммуникации использует различные формы влияния через текст на читателя, вводит коммуникативные сигналы и прагматические механизмы для активизации его когнитивной деятельности, воздействуя при этом как на его чувства и эмоции, так и на характер мышления.

Критический анализ научной литературы подтверждает значительный интерес к механизмам речемыслительной деятельности, связанным с порождением и восприятием текста (Залевская, 2005; Кубрякова, 2004). По мнению В.Е. Чернявской, которое мы разделяем, сам «текст возможно и необходимо рассматривать как механизм, “запускающий” когнитивные процессы его восприятия» (Чернявская, 2005, с. 81), что предполагает активную

роль читателя в дешифровке авторской интенции на уровне как целого текста, так и отдельных его фрагментов. Таким образом, «адресат выступает и как объект воздействия для автора текста и как самостоятельный субъект его декодирования и интерпретации» (там же).

По мнению В.Ю. Давыдовой, познание адресатом новой информации происходит под влиянием созданных адресантом теоретических конструкторов и чувственных образов, которые определяют, какие данные усвоит индивид в результате мыслительной работы над ними. При этом мышление адресата реализуется по двум противоположным по своей сути сферам репрезентации реальности – чувственной и рациональной (Давыдова, 2011, с. 25). Данные сферы перцепции реального представляют собой два параллельно идущих отображения действительности – видимый и теоретизированный мир. Передача читателю абстрактной информации путем схематизации, реконструирования отношений между предметами и явлениями, ради увеличения глубины познания, создает картину мира, более близкую к реальной сущности (там же).

Субъект познания, в нашем случае читатель, использует два типа познания одновременно, опираясь, с одной стороны, на чувственное восприятие при анализе видимых, объективных элементов реального мира, таких как художественные образы или выражения, влияющие на чувства, эмоции воспринимающего. Однако не менее важную роль при популярном авторском отображении научной картины мира занимает абстракция, аппроксимация, схематическое описание предмета или явления. По нашему мнению, популяризатор в ходе выполнения своей целеустановки задействует два типа мышления одновременно, обращаясь как к чувственной стороне индивида через перевод абстракции в модельную репрезентацию реальности, так и к рациональной, апеллируя при этом к теоретизированной концепции реальности.

А.Ю. Багиян, в свою очередь, подходит к проблеме авторского влияния на читателя с позиции дискурсивной лингвистики. Исследователь выделяет дискурсивные механизмы научно-популярного изложения, задачей которых является подготовка и направление адресата для наиболее эффективного

восприятия авторской интенции в тексте. Объединяющим признаком предложенных исследователем механизмов является перестройка системного содержания научного текста: «когнитивно-дискурсивная деконструкция, характеризующаяся преднамеренной функционально-прагматической дерегламентацией и перлокутивным воздействием на реципиента» (Багиян, 2017, с. 21). Анализ салиентных признаков научного дискурса позволяет модифицировать коммуникативную направленность научного текста, перестроить его с передачи знания специалисту на трансляцию знания широкой аудитории неспециалистов.

Следовательно, под механизмами стимулирования познавательной активности в научно-популярном тексте мы понимаем авторские когнитивно-прагматические приемы влияния на процесс восприятия текста читателем, реализуемые рациональными и чувственными способами репрезентации нового научного знания. Как чувственные, так и рациональные приемы трансляции научного знания способствуют принятию авторской позиции, лучшему запоминанию информации, повышая эффективность восприятия текста адресатом-непрофессионалом.

В процессе решения просветительских задач прагматически действенная роль отводится механизму сравнения как универсальному способу познания действительности, усвоения сложной научной информации, активизации речемыслительной деятельности адресата. Различные приемы сравнения способствуют установлению единства описываемых фактов, предметов, процессов, акцентированию значимых для авторского повествования уникальных особенностей объекта. Н.Д. Арутюнова отмечает субъективный, градуированный, вариативный характер отношений подобия, которые «могут соединять имена с разнотипной референцией, создавать образные представления» (Арутюнова, 1999, с. 278). Из этого следует высокий коммуникативно-прагматический потенциал сравнения, расширяющего границы познания, позволяя более глубоко и наглядно изучить свойства одного предмета в авторской корреляции с другим.

Эксплицитным сигналом сравнения в тексте служат компаративные союзы и сравнительные конструкции, позволяющие адресату уловить и адекватно воспринять сходства между двумя членами компаративной конструкции с опорой на общий признак, объединяющий два члена сравнительной цепочки, или же напротив, лексико-семантического различия признаков, лежащих в основе сопоставления (Крюкова, 2012, с. 77).

Такие языковые средства компарации, как сравнительные обороты, сравнительная степень прилагательных и наречий, предложно-падежные конструкции, часто используются ученым-популяризатором при реализации информативной функции, например, при сопоставительном характере введения числовых данных о схожих звездных телах, их размере и отдалении от Солнца. Отметим, что в научно-популярных текстах превалирует предметно-логический тип сравнений, легко распознаваемых и адекватно воспринимаемых читателем, в то время как образные сравнения требуют больших интерпретационных усилий. В следующем примере коррелирующие сравнительные обороты *менее чем / больше чем* используются для раскрытия звездного расстояния между двумя планетами и Землей. При этом данное расстояние между Венерой, Марсом и Землей сравнивается на основе обозначения разницы расстояния от Земли до Луны, что позволяет представить точку отсчета для понимания масштаба космического пространства:

*Да потому, что даже соседние планеты – Венера и Марс – не приближаются к Земле **менее чем на 40 млн км**, а это **в 100 раз больше, чем расстояние до Луны*** (Сурдин, 2011).

Особый интерес для изучения механизма сравнения в англоязычном научно-популярном дискурсе представляет понятие «сравнительный коррелят», которое, по мнению Х.Л. Тэйлора, обозначает «степень какого-либо качества, количество вещества или интенсивности явления *x*, которое тем или иным образом соответствует степени качества, количеству вещества или интенсивности явления *y*» (Taylor, 2013, p. 15). Парные элементы подобной компаративной конструкции эксплицируют степень интенсивности признака

какого-либо предмета или явления по сравнению с аналогичным признаком другого явления, что обеспечивает наглядность и адекватность восприятия информации читателем-непрофессионалом. Так, в тексте К. Сагана используется цепочка сравнительных коррелятов *the longer, the greater, the better* для установления соответствия между точкой отсчета двух наблюдений, величиной параллакса и расстоянием до далеких объектов, что позволяет увеличить плотность когнитивной информации, передать сложное соответствие с помощью одного семантически емкого выражения:

The longer the baseline from which we make our two observations, the greater the parallax and the better we can measure the distance to remote objects (Sagan, 2013). – **Чем длиннее база, с концов которой мы выполняем два наблюдения, тем больше параллакс и тем лучше** удастся измерить дистанцию до удаленного объекта (Саган, 2008).

Использование в предложении прилагательных в превосходной степени для описания значимого признака объекта также свидетельствует о прагматической действенности механизма сравнения. Русскоязычный текст демонстрирует несколько типов суперлативных описаний. Зачастую предметом сравнения становятся значимость объекта (*важнейший*), расстояние между телами (*ближайший*) как способы объяснения космических явлений. Так, в русскоязычном тексте употребляется прилагательное в превосходной степени *важнейший* для выделения наиболее значимых признаков гравитации. При этом автор проводит имплицитное сравнение важнейших признаков явления с менее существенными, не столь релевантными для анализа. Следует отметить комплексный характер сравнения в русскоязычном дискурсе, где компаративным описаниям могут быть подвержены сразу несколько признаков предмета, что позволяет автору выделить выявленный аспект из ряда других, привлечь внимание читателя к данным параметрам:

У гравитации есть два важнейших свойства: она ничем не экранируется и сильно зависит от расстояния (Сурдин, 2011).

По нашим наблюдениям, англоязычный научно-популярный дискурс не

обладает таким многообразием сравнительных отношений, как русскоязычный дискурс астрономии. В тексте К. Сагана частотно используется сравнение вклада ученого в продвижение и развитие науки (*the greatest theoritician*), фокус авторского повествования смещается в сторону описания деятельности ученого, его личности и профессиональных заслуг. Так, в приводимом ниже предложении автор подвергает открытому сравнению фигуры двух ученых-астрономов, добившихся успехов в разных областях, а также проводит имплицитное сравнение их вклада с достижениями остальных ученых с помощью суперлатива *the greatest*. При этом подчеркивается особая значимость работы датского астронома Тихо Браге, его личность описана при помощи положительно-оценочной лексики *genius*. Следовательно, компаративные значения в англоязычном научно-популярном дискурсе имеют ярко выраженный экспрессивный характер при оценке выдающихся достижений:

*Tycho was **the greatest** observational **genius** of the age, and Kepler **the greatest** theoretician* (Sagan, 2013). – *Тихо Браге был **величайшим** наблюдателем своей эпохи, а Кеплер – **величайшим** теоретиком* (Саган, 2008).

Однако реализация компаративной семантики в дискурсе астрономии на русском и английском языках не ограничиваются экспрессивными лексемами. Механизм сравнения проявляется и на грамматическом уровне посредством сравнительных союзов *как/like/unlike*, демонстрирующих сходство или, как в англоязычном тексте, также и различие в действии или внешнем виде объектов. Рассмотрим русскоязычный пример, где автор использует сравнительный союз *как* для пояснения принципа обращения планеты по орбите планеты-гиганта, сравнивая его с аналогичным вращением у Меркурия. При этом сама сравнительная конструкция выполняет информативно-интерпретативную функцию с пояснением в скобках. В дополнение к этому, автор проводит сравнение массы планеты-гиганта с массой своей звезды, используя компаратив *легче* с целью передать читателю масштаб различия в массе двух тел:

*Сама планета-гигант обращается по орбите с большой полуосью 0,36 а. е. (как у Меркурия) и имеет массу 6,4 М_j, т. е. она **легче** своей звезды всего в*

14 раз, а по размеру даже не уступает ей (Сурдин, 2011).

Анализ аналогичного отрывка демонстрирует специфику реализации механизма сравнения в тексте К. Сагана. Компаративные описания зачастую построены на экспликации отношения различия между двумя или более объектами при помощи сравнительного союза отрицательной семантики *unlike*, который может прояснить читателю условия их существования и воздействия на другие звездные тела. Так, в начало следующего предложения автор вводит сравнительный союз *unlike*, предваряя аналитическую часть уже известной информацией об орбитах Меркурия и Марса, чтобы затем обозначить области их различия с орбитами других планет и тем самым подчеркнуть уникальность данного явления в Солнечной системе. Таким образом, сравнение в англоязычном тексте используется автором тактически, для выделения отношения между известной информацией и вводимой новой:

Unlike the orbits of Mercury and Mars, the orbits of the other planets depart so little from circularity that we cannot make out their true shapes even in an extremely accurate diagram (Sagan, 2013). – *Орбиты планет, за исключением Меркурия и Марса, так мало отличаются от круговых, что мы не можем изобразить эти отличия даже на предельно точной диаграмме* (Саган, 2008).

Значительную роль в процессе активизации когнитивной активности читателя играют средства **субъективизации** повествования, которые эксплицируют различные виды модальности и маркируют факт присутствия автора как ключевой стратегии обеспечения эффективной коммуникации с привлечением данных о себе, своем опыте, взглядах и впечатлениях (Кибкало, 2025а, с. 61). Важную роль играют при этом субъективно-модальные слова, мотивирующие читателя рассмотреть изложенные факты с собственной позиции и развивающие критическое мышление. Такие лексико-семантические средства раскрывают «отношение говорящего к содержанию высказывания» (Тимохин, 1999, с. 365), актуализируя антропоцентричный характер процессов текстообразования и восприятия. Вербальное поведение адресанта в научно-популярном тексте составляет часть системы управления когнитивными

процессами, происходящими между коммуникантами, при этом способы интеракции с мыслительными паттернами читателей позволяют регулировать процесс познания в научно-популярной дискурсии (Киселев, 2011, с. 129).

Проблема субъективизации содержания в научно-популярных текстах, на которой мы остановимся подробнее в разделе 2.2.1., связана со стремлением автора передать значимость научного изыскания в своем объективно-оценочном восприятии. Отметим интерпретативную важность понятия «проблемная ситуация», маркирующего неразрешенную или малоизученную область научного исследования, о которой идет речь в научно-популярном тексте. В контексте научной деятельности проблемная ситуация понимается как двигатель научного прогресса, активизирующий процессы мышления, но при этом являющийся этапом лабораторной работы, а не описывающийся в тексте (Мордовина, 2019, с. 367-368). Другую точку зрения на этот термин предлагает психология, где проблемная ситуация выступает в тексте в качестве стимула, подталкивающего автора и читателя найти в совместной деятельности решение когнитивной проблемной ситуации. Значимость решения проблемной ситуации передается субъектом при помощи различных, специфических для научно-популярного типа изложения экспрессивных определений, таких как *неожиданные результаты*, *поразительная жидкость*, *внезапные перемещения*, *странная вещь*, *самое невероятное события* и т. д (Соловьева, 2001, с. 248). Подобные словосочетания нацелены на передачу эмоционально-чувственных впечатлений ученого, столкнувшегося с неразрешимой или неординарной проблемой.

Примером маркирования автором проблемной ситуации может служить следующий отрывок, в котором В.Г. Сурдин акцентирует трудность решения научной проблемы атмосферного искажения изображений с помощью убеждающего выражения *в принципе невозможно*, отражающего его субъективно-оценочную позицию. При этом автор приводит семантически противоположное слово *возможно*, усиливая высказывание помимо контраста еще и восклицательной интонацией с целью передать уверенность в решении проблемной ситуации:

На первый взгляд кажется, что исправить атмосферное искажение изображений в принципе невозможно.... Тем не менее это возможно! (Сурдин, 2011).

Среди изученных нами англоязычных научно-популярных источников большой акцент на выделении проблемной ситуации наблюдается в тексте Н. ДеГрасса Тайсона. Автор поднимает важную проблему ложного причисления научных открытий творческой работе писателей-фантастов, при этом он не ограничивается простым перечислением аргументов, опровергающих данное мнение, но эксплицитно и однозначно выражает свою позицию. Так, в следующем отрывке автор имплицитно обращается к читателю, комментируя комплексное понятие антиматерии и подтверждая потенциальные размышления при помощи утвердительной частицы *yes* и тем самым оказывает влияние на его научную картину мира.

Yes, antimatter is real. And we discovered it, not science fiction writers (DeGrasse Tyson, 2017). – *Да-да, антивещество – это не фантастика. И его открыли мы, ученые, а не писатели-фантасты* (Тайсон, 2017).

Ученый-популяризатор в англоязычном научно-популярном дискурсе использует механизм субъективизации для передачи своего личного отношения к проблеме, возникшей в научном сообществе астрономов. Так, в приведенном ниже контексте прилагательное *annoying*, передающее субъективно-модальное отношение, а также коллективное *we*, обозначающее всех представителей сообщества астрономов, демонстрируют намерение автора убедить читателя в своей критической позиции. Авторская номинация *frenemy*, образованная при помощи слияния пары существительных-антонимов *friend* и *enemy*, передает читателю в доступном виде неоднозначную природу темной материи. Следовательно, субъективно-модальные слова, эксплицируя авторскую позицию, способны описывать сущность проблемной ситуации, передавать устоявшееся к ней отношение.

So dark matter is our frenemy. We have no clue what it is. It's kind of annoying (DeGrasse Tyson, 2017). – *Так что темное вещество – наш*

закадычный враг и лютой друг. Мы понятия не имеем, что это такое. Это несколько раздражает (Тайсон, 2017).

По нашим наблюдениям, использование средств субъективизации с целью выделения проблемной ситуации часто происходит посредством контрастного противопоставления обыденной научной ситуации, не представляющей сложности для современной науки, и затруднительной ситуации, которая требует глубокого размышления и дальнейшего исследования. Рассмотрим далее контекст, в котором проблемная ситуация маркируется эпитетами и сравнением *более удивительного светила, чем..., необычный*. Автор дополнительно использует и заключает в кавычки антонимичную лексему *обычный* с количественным интенсификатором, акцентируя посредством контраста ее особый смысл и таким образом амплифицируя важность научной проблемы – звезды Пшибыльского:

За прошедшие более чем 40 лет астрономы исследовали тысячи других необычных звезд (а чтобы их найти, были изучены сотни тысяч «обычных»), но более удивительного светила, чем звезда Пшибыльского, найти не удалось. (Сурдин, 2011).

Наряду с общим понятием субъективизации, применяемым в широких контекстах субъектной интеракции, некоторыми исследователями выделяется в корреляции с ним механизм **интимизации**, имеющий сходные прагматические цели и задачи, но различающийся по характеру выбранных средств коммуникации и статусу коммуникантов. Подобная коммуникативная ситуация имеет место и в институциональном общении. С точки зрения воспринимающей стороны с более низким социальным статусом – клиента, механизм интимизации представляет собой восприятие «контркоммуникантом ценностных и концептуальных компонентов противного класса агентов как онтологически значимых и вводимых в собственное концептуально-валерное пространство» (Бредихин, 2021, с. 121). При этом среди средств обеспечения интимизации общения агентом социального института выделяются тактики вывода из привычной коммуникативной зоны комфорта с помощью смены

реестров общения, коммуникативных стратегий и языковых уровней коммуникации (там же).

Механизм интимизации в научно-популярном тексте выполняет две основные функции: управление вниманием адресата и построение доверительного дискурса в пространстве двусубъектной коммуникации. Продемонстрировать это можно на примере авторских размышлений, представленных в форме обращения к читателю, что подтверждается употреблением личного местоимения *you* и глагола в побудительном наклонении *imagine*. При этом мы можем наблюдать также смещение реестра общения автора с формально-научного на разговорно-обиходный, который в данном контексте наиболее уместен для передачи авторской мысли. Разрыв коммуникативного шаблона производится при помощи организации мысленного эксперимента. При этом употребляются нейтральные по отношению к научному стилю лексемы *took*, *moved*, а также разговорное выражение *not a ghost of a chance*, свидетельствующие о стремлении адресанта придать общению неформальный характер:

*Imagine that **you took** the Sun and **moved** it so far away that it was just a tiny twinkling point of light... I had **not a ghost of a chance** of calculating the distance to the stars* (Sagan, 2013). – *Представьте себе, что **вы взяли** Солнце и **удалили** его настолько, что оно стало всего лишь крошечной мерцающей светлой точкой. У меня не было никакой возможности вычислить расстояние до звезд* (Саган, 2008).

Характерным способом интимитизации общения в русскоязычном дискурсе астрономии является смена коммуникативной стратегии общения. Текст В.Г. Сурдина наполнен различными видами обращения к читателю, приемами перевода повествования в область межличностного общения. Одной из подобных эффективных стратегий выступает уважительная референция адресата, позволяющая маркировать акт коммуникации между двумя антропоцентрами как доверительный диалог двух равноправных сторон. Автор неоднократно употребляет в тексте обращение *уважаемый читатель*, часто в оппозиции, а также подкрепляет данную стратегию, приводя предполагаемые

результаты прочтения книги, задействуя персональный аспект в общении с адресатом и таким образом интимизируя общение:

Взяв в руки эту книгу, вы, уважаемый читатель, уже стали любителем астрономии. А если наши путешествия к планетам всерьез увлекут вас, то сможете стать и астрономом-любителем (Сурдин, 2011).

Как уже указывалось, изложение научной информации, направленное на неискушенного адресата с целью заинтересовать и удержать его внимание, требует трансформации сухого нейтрального языка научного стиля, привлечения стратегий привлечения внимания и убеждения из других типов дискурса, получающих реализацию посредством различных средств экспрессивизации повествования. Кратко рассмотрим далее основные приемы реализации механизма экспрессивизации и особенности создания автором экспрессивно градуированного текста, складывающегося из различных способов повышения экспрессии. Отметим, что экспрессивную функцию выполняют речевые единицы, позволяющие вызывать эмоциональную реакцию, интенсивно и образно раскрыть отношение говорящего к рассматриваемым фактам и явлениям (Шкварцова, 2019, с. 63). Это дает основание для определения возможного набора средств экспрессивизации повествования в рассматриваемых нами текстах, в их числе индивидуально-авторских оценочных единиц, способных передать эмоциональный настрой автора, лексических интенсификаторов, функцией которых является усиление эмоционального воздействия на адресата с целью вызвать ответную реакцию, а также метафоризации.

По мнению А.А. Залевской, **метафора** как познавательное средство языка и функциональный механизм человеческого сознания служит для передачи и усвоения новых знаний, «видения вещей в новом свете», выступая при этом в качестве «способа знания и пути нового понимания» (Залевская, 2005, с. 288), что чрезвычайно важно для эффективной научно-популярной коммуникации. В современных работах, в которых изучение человека и связанных с ним речевых явлений и процессов выступает главным вектором исследования, особое внимание уделяется характеру адресованности сообщения в процессе как

устной, так и письменной коммуникации. В данном разделе мы кратко отметим роль метафоризации как механизма двусторонней коммуникации, однако подробный разбор анализ данного знака присутствия автора будет произведен в разделе 2.3 диссертации.

В следующем примере В.Г. Сурдин применяет метафору, сравнивая группу спутников планеты со стадом скота, что позволяет упростить и компрессировать объем научной информации, раскрыть смысл работы астрономов с помощью метафорического сравнения. Используя метафорические номинации *демографический взрыв* и *стадо*, автор в аллегорическом ключе позволяет читателю самостоятельно сделать вывод о влиянии результатов исследований на научный прогресс. При этом использование экспрессивно-эмоциональной лексемы *стадо* также маркирует в данном контексте отношение автора к обсуждаемой теме, раскрывающее образность его мышления и выполняющее интерпретативно-оценочную функцию:

В начале 1980-х гг. астрономы гордились возросшим поголовьем спутников, не догадываясь, какой демографический взрыв предстоит в этом «стаде» в ближайшие годы (Сурдин, 2011).

В ряду механизмов авторского воздействия на процесс познания адресатом информации, кроме стратегий выражения модального отношения к сказанному, выделяется также **прагма-когнитивный механизм аргументации** авторской позиции. Нацеленность авторской речи на оказание комплексного воздействия при помощи когнитивных стратегий передачи и принятия адресатом взглядов, установок и оценок ученого-популяризатора предопределяет важность рассмотрения аргументации как механизма подтверждения авторской концепции. Аргументация представляет собой способ передачи адресантом полученного им знания с целью изменить или дополнить модель мира своего собеседника (Садовникова, 2018, с. 323), в нашем случае – обогатить научную картину мира читателя. Анализ материала исследования позволил нам выделить такие языковые средства, как вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы и маркированные единицы в

качестве важных элементов авторской линии аргументации в тексте.

Понятие маркированности, являющееся краеугольным камнем одного из средств аргументации, предполагает наличие особых межтекстовых маркеров диалога на всех языковых уровнях (Чернявская, 2009, с. 198). Суть маркированных единиц в контексте аргументирования автором собственной позиции состоит в интенциональном заимствовании элементов из разных видов дискурса, целью которых является облегчение декодирования сообщения с помощью создания оптимальной формы репрезентации информации, в результате чего читатель самостоятельно перенимает заложенные автором смыслы (Кибкало, 2025б, с. 167). В прагматическом смысле единицы маркированности представляют собой механизмы внутренней аргументации в тексте, позволяющие читателю самому убедиться в правильности или истинности высказывания адресанта. Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий воздействующую функцию маркированной единицы, представленной в виде прямой цитации, которая раскрывает эффекты атомной бомбардировки от лица очевидца. В данном случае эффективность аргументации повышается посредством изменения размера шрифта и шрифтового выделения, что эксплицирует отличие точки зрения автора текста и автора событий:

A school girl who survived the American nuclear attack on Hiroshima, the event that ended the Second World War, wrote this first-hand account: Through a darkness like the bottom of hell, I could hear the voices of the other students calling for their mothers (Sagan, 2013). – Школьница, пережившая американскую ядерную атаку на Хиросиму, завершающий эпизод Второй мировой войны, писала в своем дневнике: Сквозь тьму, как на дне ада, я могла слышать голоса других учениц, зовущих своих матерей (Саган, 2008).

Дополнительным средством авторской аргументации, позволяющим обособить истинность позиции адресанта, предстает риторическая конструкция. В англоязычном тексте риторический вопрос может служить средством подтверждения авторской позиции, используемым после авторского анализа. Следующий пример риторического вопроса в тексте раскрывает отношение

адресанта к универсальности применения физических законов, которые возможно использовать в любой ситуации. Автор приводит в качестве примера историю из собственного опыта, призывает читателя согласиться с выводом, сделанным на его основе:

What better proof do you need of the universality of physical law? (DeGrasse Tyson, 2017). – Самое что ни на есть наглядное доказательство универсальности законов физики! (Тайсон, 2017).

Реализация аргументативной стратегии автора в русскоязычном материале получает несколько иную форму, зачастую представляющую собой вопросно-ответную конструкцию, дополняемую элементами оценки, выражающей мнение автора по тому или иному вопросу. К примеру, В.Г. Сурдин часто вступает в дискуссию с потенциальным читателем, обозначая ответ на гипотетический вопрос читателя прямой речью. Так, к примеру, автор предупреждает размышления читателя о способах наименования звезд, включая в свою речь риторический вопрос. При этом он сразу дает пояснения, отвечая на данный вопрос прямой речью (*А вот как...*), предваряющей содержание следующего раздела текста:

Как же эти люди смогли «разместить» свои имена на небе? А вот как... (Сурдин, 2011).

Значительным прагматическим потенциалом в плане стимулирования познавательной активности читателя обладает стратегия **экземплификации** как одна из экспланаторных стратегий, сосредоточенных на использовании конкретных примеров в речи (Богинская, 2022, с. 317). Экспланаторные стратегии передачи авторского знания характерны для институционального общения, неравные участники которого взаимодействуют в процессе популяризации экспертного знания (Богинская, 2022, с. 311), что актуально для нашего исследования. Использование экземплификации в тексте научно-популярного дискурса предполагает приведение примеров из личного опыта, сравнений научных понятий и терминов с гипотетическими объектами и реальными сценариями, позволяющее сформировать у адресата ментальную

репрезентацию понятия, опираясь на сравниваемый объект.

Экспланаторная стратегия экзemplификации обладает в научно-популярном дискурсе не только значительным потенциалом информирования читателя, передачи необходимых для эффективного ведения профессиональной деятельности знаний, но также способствует стимулированию его когнитивной активности посредством авторской интерпретации научной информации, экспликации позиции адресанта. Рассмотрим следующее предложение, в котором экспланаторная стратегия институционального общения реализуется при помощи механизма экзemplификации. Автор поясняет понятие *macro-mutation*, приводя сравнение с термином *adaptation*. При этом авторское мнение эксплицируется при помощи наречия *merely*, а также разговорного выражения *stumbled upon*, раскрывая отношение адресанта к данной категории:

*I had not discovered a **macro-mutation**. I had **merely stumbled upon** another lovely **adaptation** in nature, itself the product of micromutation and natural selection* (Sagan, 2013). – *Я не открыл макромутацию. Просто я столкнулся с примером еще одного восхитительного приспособления в живой природе, которое появилось в результате микромутации и естественного отбора* (Саган, 2008).

Прагматически значимой особенностью авторской экзemplификации в англоязычном материале является характер введения примеров реальной ситуации. Автор предваряет объяснение материала путем построения виртуального диалога с читателем, позволяя задержать фокус его внимания и стимулируя его интерес к обсуждаемой проблеме:

Let me tell you a story about one little phrase in the music of life on Earth (Sagan, 2013). – *Позвольте мне рассказать об одной лишь маленькой фразе из земной музыки жизни* (Саган, 2008).

Введение примеров, эксплицирующих научную информацию в русскоязычном материале, отличается способом проявления экзemplификации. Текст В.Г. Сурдина характеризуется наличием прямого маркера экзemplификации, с использованием вводного слова *например*, имеющего 113 случаев употребления. Семантически равнозначное выражение *for example* в

англоязычном материале зафиксировано в 52 контекстах. Следовательно, экспланаторная стратегия русскоязычного научно-популярного дискурса демонстрирует большую степень маркированности при введении примеров, чем соответствующая стратегия англоязычного текста.

Помимо описанных выше способов введения примеров, В.Г. Сурдин использует прием экзemplификации с привлечением средств художественного дискурса, эксплицируя феномен мерцания звезд известной английской рождественской песней: «*Twinkle, twinkle, little star*». Автор дополнительно разъясняет механизм и основания используемой экзemplификации, исследуя семантическую связь между словами на английском языке:

*Как видим, рождественская песенка «Twinkle, twinkle, little star» очень точно определяет **причину мерцания звезд**: потому и **twinkle**, что **little*** (Сурдин, 2011).

Выше мы представили основные вербальные механизмы стимулирования познавательной деятельности, суть которых состоит в использовании речевых способов воздействия на потенциального адресата. В.Ю. Давыдова, исследуя способы влияния на процесс чувственно-образного познания адресата, выделяет прием визуальной репрезентации, обеспечивающий достижение полной адекватности понимания научного текста. В ходе визуализации семантическая информация проходит трансформацию в образную, субъективную форму и остается в памяти читателя (Давыдова, 2011, с. 25). Отметим прагматическую эффективность взаимодействия вербального и визуального кодов в исследуемых нами научно-популярных текстах на английском и русском языках. При этом коммуникативно-прагматическое влияние автора на читателя не ограничивается только вербальным кодом, в исследуемых текстах активно используется когнитивный **механизм визуализации** концептуально значимой информации. Эффективный процесс коммуникации предполагает параллельное существование сразу нескольких систем представления информации – помимо лингвистических средств, содержание сообщения параллельно передается также невербальных

средствами (Колшанский, 1974, с. 30). Как показал анализ, различные паравербальные знаки играют прагматически важную роль в научно-популярном дискурсе, значительно повышая степень усвоения сложного научного астрономического знания, формируя основу, вокруг которой строится и поддерживается связность текста.

Таким образом, активизация когнитивной деятельности, фокусирования внимания читателя-неспециалиста на концептуально значимой информации обеспечивается в научно-популярном дискурсе использованием взаимодействующих механизмов стимулирования процессов познания и восприятия, позволяющих читателю адекватно усвоить транслируемую научную информацию. Способы влияния на характер интерпретации текста адресатом имеют как чувственно-эмоциональный характер, отличающийся оценочной модальностью, так и рациональный, опирающийся на теоретизированные явления и мир абстракции.

В процессе анализа англо- и русскоязычных научно-популярных текстов были выделены основные когнитивные механизмы репрезентации научной реальности в целях стимулирования познавательной активности читателя, реализация которых отличается поликодовым характером. Прагматическую действенность продемонстрировали такие механизмы активизации познавательной активности читателя-неспециалиста, как субъективизация, позволяющая передать чувственные представления автора через маркеры субъективной оценочности, интимизация, способствующая усвоению читателем научной картины мира автора, экспрессивизация и метафоризация повествования, к специфике некоторых из них мы обратимся далее при описании знаков авторского присутствия. Отметим также информативно-интерпретативную функцию авторских средств визуализации сложного научного знания, воздействующих на адресата путем графического представления данных.

Рациональная сторона активизации познавательной активности включает в себя различные методы логического убеждения и объяснения, аргументации авторской позиции, налаживания контакта с адресатом с привлечением

различных средств диалогизации. Презентация адресантом собственной позиции, формирующей сущность авторской самопрезентации, и применение связанной с нею контактоустанавливающей стратегии, которые мы подробно опишем в следующем разделе исследования, также свидетельствуют о важности применения автором рационально-аргументативных когниоречевых средств воздействия на понимание текста читателем.

2.2. Коммуникативно-прагматические особенности эксплицитных знаков авторского присутствия

2.2.1. Прагматика эксплицитных средств авторского присутствия: прямая Я-позиция

Как мы отмечали в параграфе 1.4. данного исследования, суть эксплицитных знаков авторского присутствия состоит в установлении и поддержании персонифицирующей стратегии научно-популярного текста, которая представляет собой набор коммуникативно-прагматических средств, раскрывающих и репрезентирующих авторскую позицию в тексте. Такими средствами являются, в первую очередь, личные и притяжательные местоимения 1 лица, формирующие в форме личностной Я-позиции ядро знаков явного присутствия адресанта в тексте.

При этом значительным персонифицирующим потенциалом обладают вспомогательные коммуникативные стратегии объяснения и интерпретации описываемых фактов и событий. Объяснение в данном контексте включает в себя не только специальные способы репрезентации научной информации, но и оформление речи на основе применения тактик психологического воздействия

на адресата, обеспечивающих максимально точное понимание содержания текста заинтересованным читателем. Объяснительные коммуникативные стратегии служат поддержанию интереса, активизации внимания и эмоционального отношения познающего субъекта к содержанию.

Особого внимания заслуживает когнитивно-прагматическая обусловленность заглавия как сильной позиции любого текста. Опираясь на понимание феномена популяризации как особого внутриязыкового перекодирования текста, можно утверждать, что заглавие «есть первая интерпретация произведения, предлагаемая самим автором, которая обязательно должна быть принята во внимание» (Серебрякова, 2008, с. 242). Следовательно, именно с принятия решения о создании прагматически направленного заглавия начинается процесс популяризации исходного научного текста, что диктует приоритет в квалификации данной категории как прямой авторской позиции.

Сравнение функционально-прагматических особенностей заглавий двух изучаемых текстов научно-популярного дискурса В. Г. Сурдина и К. Сагана демонстрирует конкретный, проективно-тематический характер названия научно-популярного текста В.Г. Сурдина, передающего авторский замысел и его основной его смысл – «Разведка далеких планет». В англоязычном тексте К. Сагана заглавие раскрывает более широкую и весьма неопределенную перспективу повествования о космическом пространстве в целом – «Cosmos».

В процессе исследования мы обращались также к научно-популярным текстам других англоязычных авторов – С. Хокинга, Н. ДеГрасс Тайсона, названия которых акцентируют преимущественно научно-популярный характер самого текста, способствуя привлечению внимания читателей, интересующихся проблемами астрономии в понятном, в том числе и с помощью устойчивых фразеологических оборотов – «The Universe **in a Nutshell**», «Astrophysics **for People in a Hurry**».

Формат устного общения, представленный в данном исследовании англо- и русскоязычными интернет-подкастами разного формата, обнаруживает

различия с письменной коммуникацией. Так, названия выпусков «Неземного подкаста» В.Г. Сурдина на платформе YouTube включают большое количество заимствований и клише из медиадискурса, выполняющих аттрактивную и экспрессивную функции, а также отсылки к популярным схематизмам западных СМИ: СУРДИН vs АСТРОДЕД; ...БЕЛАЯ ДЫРА/ЗВЕЗДА-ЗОМБИ...; ...АВАТАР и Татуин...) («Неземной подкаст» Владимира Сурдина), рассчитанных на молодую аудиторию слушателей, знакомых и активно использующих такие паттерны в повседневной коммуникации. В то же время, англоязычный подкаст «StarTalk» Н. ДеГрасса Тайсона на этой же платформе демонстрирует более нормативный порядок озаглавливания сообщений, которые близки по стилевому оформлению к норме НПД: «The Complex Universe, with Sean Carroll» («Сложная вселенная, гость – Шон Кэрролл»); «Are We The Universe's Way of Knowing Itself? With Brian Cox» («Человек – способ вселенной осознать себя? Гость – Брайан Кокс»); «Adaptibility: Humanity's Superpower, with Herman Pontzer» («Адаптируемость: суперсила человечества, гость – Герман Понцер») (StarTalk).

Следовательно, можно отметить различие в адресатной направленности устного НПД на двух языках: русскоязычный НПД нацелен в большей мере на передачу научного знания молодому поколению, знакомому с соответствующими популярными схематизмами, в то время как англоязычный дискурс придерживается нормативных правил научно-популярной коммуникации с ориентацией на более подготовленную аудиторию.

Е.Б. Нагиева выделяет два вида стратегий объяснения – контактоустанавливающую и стратегию самопрезентации. Сущность контактоустанавливающей стратегии состоит в знакомстве читателя с автором как одним из антропоцентров коммуникации и активном вовлечении адресата в процесс рассуждения, что происходит через употребление личных местоимений 1-го и 2-го лица (Нагиева, 2017, с. 21). В результате адресат становится равноправным членом коммуникации, вступая в личный, непосредственный контакт с автором и создавая свой собственный дискурс. Стратегия

самопрезентации, в свою очередь, определяется нами как «процесс представления себя другим, создания определенного впечатления о себе, способствующего реализации цели субъекта в определенной коммуникативной ситуации» (Кубрак, 2009, с. 14). Данная стратегия предполагает использование фактов из собственной биографии, отсылок к собственному «я» и апелляцию к личному опыту, вследствие чего у читателя формируется устойчивый образ автора, в котором манифестируется его роль как опытного ученого, объективного информатора, делящегося результатами научных исследований, что также подкрепляет доверие адресата к предлагаемой информации. Прямой характер общения автора к читателю посредством четкого обозначения Я-позиции позволяет отнести эти стратегии к эксплицитному уровню авторизации повествования.

Далее мы рассмотрим особенности каждой из обозначенных стратегий, выделив основные прагматические интенции их реализации в научно-популярном тексте. Необходимость выделения авторской позиции в тексте находится в прямой зависимости от главной задачи научно-популярной коммуникации – распространение результатов научной деятельности и приобщение к ним широкой публики, следствием чего становится построение автором убеждающего дискурса, нацеленного на принятие позиции автора целевым адресатом. В убеждающих целях автором активно употребляются эксплицитные маркеры Я-позиции, которые при условии эффективного внедрения в тело текста становятся инструментами организации авторской риторики и реализации коммуникативных намерений субъекта (Жаркынбекова, 2019, с. 189). В этой связи прямое обозначение авторского «Я» в рамках контактоустанавливающей стратегии общения позволяет маркировать авторскую убедительность и достоверность, установить, какие высказывания идут непосредственно от лица автора, выражая его позицию как ученого и как члена социума.

Центральным элементом в установлении контакта с читателем является личное местоимение 1 лица ед. числа «Я». Использование в повествовании «Я», или самоупоминание, считается традиционным прямым способом раскрытия авторской позиции, желания автора получить признание за индивидуальную

точку зрения. Использование личного местоимения 1 л. ед. ч. представляет собой эксплицитное выражение адресантом собственной точки зрения, позволяя автору подчеркнуть собственный научный вклад в эту область знаний и повлиять на мнение адресата (Hyland, 2005, p. 183). При этом личное местоимение, «не требующее предварительного называния говорящего» (Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 529-530), не только маркирует личную точку зрения автора, но и дифференцирует ее от точки зрения адресата. В прагматическом плане самоупоминание позволяет стимулировать критическое мышление, развивать у получателя сообщения способность сравнивать и сопоставлять различные позиции, в том числе и формирующуюся свою собственную, в определенной области наук.

В приводимом ниже контексте К. Саган обозначает свою точку зрения относительно проблем изучения космоса посредством прямого введения личного местоимением *I*, вынуждая читателя вести параллельную линию размышления, задуматься над данной научной проблематикой и сделать собственные умозаключения. Дополнительно автор использует глагол *believe* в форме 1 лица чтобы усилить уверенность в правоте собственного мнения. Кроме этого, в данном предложении автор использует личное местоимения 1-го л. мн. числа *we* в значении «представители человечества», разделяя собственное «Я» как ученого-исследователя, однако применяя коллективное «мы» в более широком контексте, чем собственно «представители научного сообщества». Однако авторская субъективность также повышается под воздействием метафорического сравнения *like a mote of dust in the morning sky* (как пылинка в утреннем небе), что имплицитным образом демонстрирует степень уверенности автора в результатах научной деятельности в будущем.

I believe our future depends on how well we know this Cosmos in which we float like a mote of dust in the morning sky (Sagan, 2013). – **Я верю: наше будущее зависит от того, насколько хорошо мы будем знать этот Космос, где мы плывем, как пылинка в утреннем небе** (Саган, 2008).

Использование личного местоимения *I* часто обусловлено стремлением

выделить намерение автора, заключающееся в обозначении собственного вклада в результаты исследования. В следующем контексте К. Саган приводит фамилии исследователей, участвовавших в совместном анализе спектральных признаков частиц пыли в марсианском грунте, усиливая при этом значимость собственного вклада посредством введенного соединительным союзом *and* заключительного компонента перечисления, выраженного местоимением *I*, и акцентируя тем самым собственную «Я-позицию» среди остальных:

In analyzing these spectra, O. B. Toon, J. B. Pollack and I found that certain features seem best accounted for by montmorillonite and other kinds of clay (Sagan, 2013). – *Анализируя эти спектры, О. Б. Тун, Дж. Б. Поллак и я обнаружили в них детали, которые лучше всего объяснялись присутствием монтмориллонита и других видов глины* (Саган, 2008).

Исследователи русскоязычного академического дискурса отмечают тенденцию к избеганию использования личного местоимения «Я», «обозначающего единичное лицо говорящего» (Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 533), а также прямых самоупоминаний автора (Колесникова, 2010), что предопределено этическими нормами, сложившейся традицией и более строгим собственно научным характером изложения в русскоязычном научном дискурсе. Авторы заменяют прямое самоупоминание коллективным «мы», т.е. «собирательным именем, указывающим на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий), объединенных по какому-либо общему для всех признаку» (Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 534), в нашем случае это сообщество ученых-астрономов, объединенных общим вкладом в исследование космоса и раскрытие его тайн. Эквивалентное *we* в приведенном ранее предложении, напротив, обозначает «представителей человечества», но только в данном контексте, в большинстве случаев оно выполняет ту же комитативную функцию, расширяя контекст употребления, что снижает степень авторской субъективности при употреблении данного собирательного обозначения. Однако, по нашим наблюдениям, рассчитанная на массового читателя русскоязычная научно-популярная литература, постепенно отходит от этой нормы, вслед за

тенденцией употребления авторского *Я* при аннотировании научных статей в русскоязычном научном дискурсе (Миколайчик, 2018, с. 96-97).

В приводимом ниже контексте В.Г. Сурдин впервые знакомит читателя с собственной личностью, используя самоупоминание *я* и называя свое профессиональное занятие – астроном, чтобы подчеркнуть свои информационные и знаниевые компетенции в обсуждаемой сфере, наладить доверительный контакт с читателем. Одновременно с этим автор обращается к массовому читателю с помощью личного местоимения *мн. ч.* в дательном падеже *вам*, начиная с ним прямой диалог, стимулируя его когнитивную активность и предполагая ответную реакцию на свое авторитетное утверждение. Следовательно, сочетание нескольких средств выражения *Я*-позиции может использоваться в качестве эффективного способа обеспечения контактоустанавливающей функции в русскоязычном научно-популярном тексте:

Как астроном, я скажу вам с полной определенностью: точного количества планет уже не знает никто (Сурдин, 2011).

Как показал анализ, функция средств выражения *Я*-позиции автора в русскоязычном дискурсе не ограничивается установлением контакта адресанта с читателем, но также позволяет автору оказывать влияние на эмоциональную сторону восприятия информации, вовлечь адресата в круг единомышленников, дистанцируясь при этом от научного сообщества, репрезентируемого учеными-астрономами. В данном случае прагматической важностью обладает статус адресата как неосведомленного читателя, начинающего астронома. Автор «приглашает» читателя стать своим единомышленником, используя личное местоимение в форме дательного падежа *нам*, при этом проводя четкое разграничение с коллективным обозначением профессионального сообщества – астрономы:

Но чтобы тем из нас, кто ожидал открытия настоящей, крупной планеты, не было обидно, астрономы открыли и такие планеты, причем настолько крупные, что даже гигант Юпитер рядом с ними почувствовал бы себя неуверенно (Сурдин, 2011).

Персонализированный образ автора помогает построить коммуникацию между автором и читателем на принципах доверия к его авторитету как ученого, поддерживая внимание и интерес к излагаемым фактам и событиям. Использование «объединяющего» местоимения *мы* свидетельствует о стремлении ученого-популяризатора создать коммуникативное единство с адресатом, вовлечь его в процесс обсуждения на основе «заложенной автором программы рецептивных действий, оптимизирующей текстовое восприятие» (Чернявская, 2009, с. 189). Прагматически значимую роль выполняет в этом процессе, как следует из приведенного ниже контекста, коллективное *we* для создания мысленного эксперимента, погружения читателя в пространство физических явлений на молекулярном или планетарном уровне. Данный прием отличается от приема передачи автором жизненного опыта, поскольку использует гипотетические факты и события для объяснения сложных научных явлений. Главными средствами обеспечения «погружения» в возможный мир являются модальные глаголы *would*, *could*, используемые для передачи нереальных ситуаций, а также союз *if*, маркирующий предполагаемые условия и обстоятельства. Объединяющее автора с читателем коллективное *we* предполагает погружение в созданную автором ситуацию, приглашение его к диалогу, совместному рассуждению и поиску:

If we could enter a cell, many of the molecular specks we would see would be protein molecules, some in frenzied activity, others merely waiting (Sagan, 2013). – **Попав внутрь клетки, мы увидели бы** многочисленные пятна-молекулы, в основном протеины, некоторые в состоянии бешеной активности, другие – в ожидании чего-то (Саган, 2008).

Сопоставительный анализ употреблений личных местоимений в русско- и англоязычном научно-популярном дискурсе показал существенное преобладание эксплицитных знаков Я-позиции автора в англоязычном дискурсе астрономии, что свидетельствует о прагматической значимости акцентирования собственного мнения, личностного отношения к обозначенным проблемам и вопросам, о стремлении занять доминирующую позицию в качестве главного

антропоцентра коммуникации. В рассматриваемом нами материале были выявлены 394 знака прямого обозначения авторской Я-позиции в русскоязычном тексте, и 2456 соответствующих знаков в англоязычном тексте, что демонстрирует в шесть раз большую акцентуацию средств самоупоминания в тексте К. Сагана (Кибкало, 2025а, с. 61).

Таблица 3 – Количество самоупоминаний в текстах В.Г. Сурдина и К. Сагана

	Личные местоимения		Притяжательные местоимения	
Англоязычный текст	I – 343 ед.	We – 1118 ед.	My – 159 ед.	Our – 836 ед.
Русскоязычный текст	Я – 54 ед.	Мы – 178 ед.	Мой, мои и т. д. – 26 ед.	Наш, наши и т. д. – 236 ед.
Среднее количество самоупоминаний на одну страницу (рус. / англ.), ед.	0,1 / 1,3	0,3 / 4,2	0,05 / 0,6	0,4 / 3,1
Процентное соотношение (рус. / англ.) на одну страницу текста	15 % / 85 %		11 % / 89 %	

Как следует из таблицы, англоязычный дискурс астрономии демонстрирует значительно большую степень использования прямой экспликации авторской позиции по сравнению с русскоязычным.

Как мы уже упоминали в разделе 1.3., одним из эффективных способов репрезентации когнитивной информации и оказания влияния на неподготовленного читателя является использование коммуникативных стратегий убеждения, в целях интенсификации контекста и построения аргументационной линии повествования (Сухая, 2012, с. 213). Сутью убеждающего дискурса, выстраиваемого адресантом в ходе коммуникации, являются односторонне направленные процессы диалогизации и аргументации.

Воздействие автора на читателя осуществляется в процессе экспликации авторской позиции в рамках коммуникативной диады «адресант – адресат», реализуемой через механизм диалогизации общения. Под этим приемом мы понимаем «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся,

понимаемое как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата..., а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» (Дускаева, 2003, с. 45). Построение адресантом такого диалога предполагает определенную (задаваемую, предполагаемую, ожидаемую) реакцию со стороны адресата, которая обуславливает стратегию дальнейшего изложения информации. В рассматриваемых текстах астрономического дискурса прием диалогизации служит снижению речевой дистанции и прагматического фокусирования его внимания (Кибкало, 2024б, с. 106). Соответственно, фактор адресата играет решающую роль в выборе и использовании средств диалогизации речи адресанта.

В исследованиях, посвященных различным формам диалогического общения, выделяется понятие начального речевого действия, которое определяется как «высказывание какого-либо лица, оформленное как предложение или сочетание нескольких предложений, обращенное к другому лицу и вызывающее у него ответную реакцию» (Изаренков, 1986, с. 19). Одним из прагматически действенных типов начального акта коммуникации, используемых в исследуемых текстах, является вводное побудительное речевое действие, выполняющее функцию стимулятора к активным мыслительным актам и реализуемое через прямое обращение к читателю с применением императивных конструкций. Следующий далее пример позволяет определить пределы диалогичности, устоявшиеся в русскоязычном дискурсе астрономии. Эмоциональность предложения, проявляющаяся в использовании восклицательного знака, а также прямого обращения *вы*, имеющего обобщенное значение при обозначении множественности адресатов, с побудительным глаголом *представьте себе* формируют активную убежденность автора, уверенного в истинности своего высказывания, адресованного читателю:

Вы только представьте себе, сколько на ней неизведанного! (Сурдин, 2011).

Процесс диалогизации научно-популярного изложения имеет большое распространение и в англоязычных текстах по астрономии. Однако, в отличие от

русскоязычного побудительного речевого действия, категория диалогичности в нем проявляется в большей мере через прямое обращение с вопросительной семантикой, призванное снизить категоричность, придать выражению смысл недосказанности, вызвав дополнительные вопросы. В следующем контексте функция прямого обращения через личные местоимения 2-го лица состоит не только в направленности сообщения (фактор адресата), но и поддержании когерентности, связности отдельных высказываний, являющихся характерной чертой как научно-популярного, так и любого иного текста (Баранова, 2012, с. 125). Тройной повтор однородных членов предложения, представленных глаголами *make*, *seek*, *attempt*, усиливает коммуникативную значимость сообщения, содержащую три вопросительных речевых действия:

*Once **you** knew the Earth to be a sphere of modest diameter, would **you** not be tempted to **make** voyages of exploration, to **seek** out undiscovered lands, perhaps even to **attempt** to sail around the planet?* (Sagan, 2013). – Если уж **вы** узнали, что Земля – сфера довольно скромного диаметра, то почему бы не **отправиться** в путешествие **на поиски** неизвестных земель и даже не **попробовать** обогнуть планету? (Саган, 2008).

Таким образом, характер начального речевого действия, формирующего основу диалога, отличается в англо- и русскоязычных научно-популярных текстах спецификой оформления авторского речевого посыла – преимущественно побудительного в русской традиции и вопросительного в англоязычной. Характер употребления начальных побудительных речевых действий, направленных на адресата в русскоязычном материале, свидетельствует, по нашим наблюдениям, о большей степени уверенности в объективности и правильности указанной в сообщении информации, что предполагает необходимость принятия адресатом точки зрения автора. В то же время неоднозначность, некатегоричность начальных вопросительных речевых действий, получивших распространение в процессе диалогизации повествования в англоязычных текстах по астрономии, свидетельствует о большей открытости противоположным мнениям, готовности обсуждать результаты научных исследований.

Значительным воздействующим потенциалом обладает и стратегия объяснения – стратегия самопрезентации, т.е. презентации себя в научно-популярном дискурсе как личности, члена социума и, в первую очередь, профессионала – ученого-астронома. Речь идет о намеренных речевых действиях субъекта, нацеленных на создание у адресата определенного впечатления о себе. Помимо использования активных средств воздействия на читателя, автор располагает рядом пассивных способов, позволяющих адресату охарактеризовать субъекта коммуникации тем или иным образом, т.е. реализовать стратегию самопрезентации. Как отмечает В.И. Карасик, под самопрезентацией понимается создание в тексте устойчивого имиджа субъекта коммуникативного воздействия – адресанта (Карасик, 2015, с. 33), вызывающего симпатию и доверие у читателя.

Реализуемая в ходе самопрезентации автора коммуникативная стратегия объяснения, о которой мы говорили в начале данной главы, может быть реализована эксплицитно с помощью соответствующих метатекстовых маркеров, к примеру, таких как: *здесь нужно пояснить; сейчас я расскажу; для начала разберемся в понятиях* и т. д. (Воронцова, 2013, с. 27-28). Подобные средства позволяют повысить степень связности, когерентности изложения, сигнализируя читателю о смене вектора коммуникации и дальнейшем объяснении термина или явления в тексте.

В русскоязычном тексте автором часто применяются метатекстовые вставки, с помощью которых объясняется содержание разделов текста, главы или даются пояснения о дальнейшем ходе повествования. Сознательное отношение к верному восприятию когерентности читателем говорит о стремлении организовать свой текст в стройную, четкую и понятную стороннему наблюдателю структуру, оказать большее влияния на процесс интерпретации содержания адресатом. В приводимом ниже примере В.Г. Сурдин делает ссылку на конец главы, описывая ее содержание и откладывая обсуждение ранее обозначенной темы. Также автор вводит специальную метатекстовую вставку: *а сейчас, небольшое отступление* для ввода дополнительной «перемычки» между

новым направлением повествования и предшествующим. Управляя вниманием и концентрацией читателя, автор не дает потерять нить изложения, оставляет фокус восприятия под своим контролем:

Об этом мы поговорим в конце главы, когда речь пойдет об астроклимате. А сейчас, небольшое отступление (Сурдин, 2011).

Согласно нашим наблюдениям, характер внедрения метатекстовых вставок в англоязычном тексте отличается от русскоязычного, так как К. Саган делает акцент на иной коммуникативной задаче. Он использует метатекстовые вставки, реализуемые посредством скобок, в качестве дополнений к основному материалу в конце предложения, помещая ссылку на конкретный раздел, где читатель может найти дополнительную информацию на интересующую его тему. В.Г. Сурдин, напротив, вводит метатекстовые вставки непосредственно в повествование, не отсылая читателя к дополнительным материалам. Так, в следующем примере К. Саган дополнительно стимулирует интерес адресата к рассматриваемой теме, предлагая тому удовлетворить свое любопытство с помощью глагола в побудительном наклонении *see* с отсылкой к конкретной главе:

We still do not really know why there are only nine planets, more or less, and why they have the relative distances from the Sun that they do. (See Chapter 8.) (Sagan, 2013). – *На самом деле мы по-прежнему так и не знаем, почему существует именно девять планет, не больше и не меньше, и почему их расстояния от Солнца именно таковы, каковы они есть (см. гл. VIII)* (Саган, 2008).

Следующий пример из англоязычного материала демонстрирует авторский процесс мышления с помощью других речевых средств, таких как личное местоимение первого числа *I*, а также притяжательное местоимение *my*, которые помогают отделить повествовательные предложения от собственных мыслей автора, передать читателю ход мыслей в ситуации из жизненного опыта, описанной автором. Сознательное выделение лексемы *place* позволяет зафиксировать значимость, особый статус планеты-гиганта в научной деятельности автора. Предложение приводится ниже в оригинальном форматировании:

*And on the evening of Encounter, on **my** way to study the Voyager data arriving at JPL, I thought that Jupiter would never be the same, never again just a point of light in the night sky, but would forever after be a **place** to be explored and known* (Sagan, 2013). – *А в тот вечер, когда сближение состоялось, я, направляясь в Лабораторию реактивного движения изучать переданные «Вояджером» данные, **подумал**, что Юпитер уже никогда не будет прежним, никогда больше не будет он просто яркой точкой на ночном небе, но навсегда станет **местом**, которое мы исследовали и познали* (Саган, 2008).

Таким образом, прагматика эксплицитных средств выражения я-позиции автора в научно-популярных текстах заключается в поддержании персонифицирующей стратегии общения. Высоким потенциалом передачи авторской позиции обладают контактоустанавливающая, а также стратегия самопрезентации автора. В первую очередь, прямой языковой репрезентацией авторской позиции являются заглавие как первая авторская интерпретация своего текста, а также подзаголовки. Тесный и эффективный контакт с читателем обеспечивают личные и притяжательные местоимения, самоупоминания автора в процессе повествования. Диалогизация, реализуемая риторическими вопросами, прямыми обращениями и восклицательными предложениями, позволяет построить эффективную модель субъектной коммуникации, сократить дистанцию между автором и читателем. Презентация автором себя как личности и как ученого-астронома, своего стиля изложения осуществляется при помощи метатекстовых вставок и невербальных средств, таких как изменение типа, размера шрифта. При первичном установлении контакта с читателем отметим характерное для англоязычного дискурса использование местоимения *we* с глаголами с глаголами, содержащими сему «гипотетичность», призванную погрузить читателя в молекулярный мир, созданный автором. Отсутствие некоторых синтаксических и грамматических конструкций в англоязычном тексте, таких как определенно-личные и безличные предложения, позволяет установить уникальный персонифицированный характер авторского использования языковых структур для передачи собственной позиции, когда присутствие автора передается

с помощью наличия / отсутствия в тексте подлежащего.

Различия в прагматическом фокусировании внимания адресата посредством эксплицитных средств выражения авторской позиции на русском и английском языках обусловлены, по нашему мнению, более высоким уровнем потенциальной подготовленности и фоновых знаний читателя-адресата текста В.Г. Сурдина. Это подтверждается приведением терминов на языке оригинала, а также включением в оригинал дефиниций из научного дискурса. Кроме того, стремление автора управлять вниманием читателя при помощи метатекстовых вставок свидетельствует о приоритетной задаче обеспечения правильного восприятия адресатом композиционно-структурной когерентности.

2.2.2. Специфика использования средств эпистемической модальности в аспекте выражения авторской позиции

Разные формы взаимодействия автора с читателем в научно-популярном дискурсе демонстрируют увеличение авторского присутствия, индивидуализации и эмоционализации содержания, что подтверждается результатами анализа текстов данной дискурсивной разновидности в последние десятилетия (Болсуновская, 2015б; Жаркынбекова, 2019; Зарайский, 2019; Киселев, 2011; Клименко, 2015). Как подчеркивает Г.Н. Манаенко, процесс коммуникации инициирует «стремление человека не передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но и в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми» (Манаенко, 2013, с. 65), что происходит посредством воздействия на способ мышления читателя, а также использования многообразия методов влияния на его отношение к авторской позиции. Тактики и стратегии

популяризации научной информации, применяемые авторами научно-популярных текстов, находят свое отражение как в способах рационального познания, подкрепленного логическими выводами и умственными умозаключениями, так и чувственного, обусловленного воздействием эмоциональных факторов восприятия письменной и устной информации. В процессе рационального познания читатель, несомненно, сталкивается с различными фактами, выводами и результатами научной деятельности, способными вызвать вопросы к адресанту сообщения, проявить сомнение, непонимание и желание выразить возражение мнению автора.

В связи с этим, одной из центральных задач научно-популярного дискурса является «противодействие» любому недопониманию, возражению, убедительная трансляция истинности научных результатов путем экспликации хода научного поиска исследователя, что зачастую достигается посредством эмоционализации, повышения привлекательности авторского способа изложения информации. В процессе текстопорождения на денотатное поле научного содержания «накладывается „рамка” субъективной модальности, задача которой – понять новизну в полученном знании, осветить интересное» (Дускаева, 2022, с. 97).

Акцент в данном разделе диссертации будет сделан на эпистемической модальности, поскольку именно данный вид авторской модальности эксплицирует его собственное субъективное мнение по отношению к описываемым событиям и фактам, которое трактуется некоторыми исследователями как модальность достоверности (Шакирова, 2023). По наблюдениям ученых, достоверность и доступность изложения в научно-популярном тексте определяются воздействием языковых приемов и средств выражения, составляющих инвариантную когнитивную основу текста (Назаренко, 2000, с. 7), т. е. стремление к большей достоверности содержания научно-популярного текста сближает его в функциональном отношении с научным дискурсом. Эпистемическая модальность определяется нами как языковая категория, с помощью которой говорящий «передает свое

субъективное отношение к пропозиции, тем самым модифицируя иллокуционную силу высказывания» (Милькович, 2017, с. 76). Иными словами, данная категория отражает отношение адресанта к степени достоверности / вероятности / возможности описываемых событий и фактов. Научно-популярный дискурс располагает рядом средств реализации эпистемической модальности, применяемых автором в зависимости от обстоятельств общения и передаваемой информации, как это будет показано нами далее.

Прагматически значимой задачей средств трансляции эпистемической модальности в научно-популярном дискурсе является обеспечение разной степени достоверности информации при обсуждении проблемной ситуации при помощи особых языковых средств, которые демонстрируют градуальность проявления на шкале от полной убежденности в истинности информации до высокой степени сомнения, получая реализацию посредством выражений с семантикой **уверенности / неуверенности**. Так, в русском языке такими средствами являются вводные слова *вероятно, возможно, высоковероятно, скорее всего*, маркирующие прогноз вероятности некоторой ситуации, увеличивая степень вероятности от низшей до высокой (Плунгян, 2011, с. 320). Значение проблематической достоверности может быть представлено как вводными словами и конструкциями, так и частицами: *видимо, по-видимому, насколько нам известно, очевидно, наверное, едва ли* (Сахарова, 2023б, с. 36). В рамках когнитивно-дискурсивного подхода в современных исследованиях также выделяются средства хеджирования, маркирующие разную степень уверенности адресанта и «способствующие снижению категоричности выдвигаемых суждений, репрезентации “Я” исследователя..., а также снятию учёным с себя ответственности за сообщаемую информацию» (Светаилов, 2024, с. 18-19). В тексте диссертации мы отдаем предпочтение традиционному понятию «средства эпистемической модальности».

По нашим наблюдениям, список средств проблематической вероятности можно дополнить вводной конструкцией, выражающей неуверенность: *не исключено*, означающей возможность существования иного мнения или версии

трактовки научных фактов. При этом важно отметить отсутствие в тексте обратной по смыслу глагольной формы *исключено*, значение которой передается иными средствами. Следующий ниже отрывок иллюстрирует использование вводной конструкции *не исключено*, выражающей предполагаемую возможность, при этом автор дополняет мысль пояснением в скобках, укрепляя свою уверенность в отсутствии такой возможности:

Не исключено (хотя и маловероятно), что в поясе Койпера или за его пределами найдется действительно крупная планета, калибра Урана и Нептуна (Сурдин, 2011).

Наречие *вероятно* в русскоязычном дискурсе астрономии демонстрирует широкую градуальность значения — от наименьшего показателя до максимальной степени уверенности, как это демонстрируют контаминированная форма *маловероятно* и словосочетание *весьма вероятно*, выражающие разную степень уверенности адресанта с оттенком оценочности. Так, в следующем предложении В.Г. Сурдин, используя модальное словосочетание *весьма вероятно*, эксплицирует предположение, основанное на собственном опыте, не располагая всей полнотой информации об описываемом случае:

Весьма вероятно, что этот астроном принял его за спутника Венеры и упустил, таким образом, хороший случай открыть Уран 17-ю годами раньше Гершеля (Сурдин, 2011).

Прямое общение автора с коллективным читателем также зачастую дополняется средствами эпистемической модальности. В.Г. Сурдин обращается к читателю, используя вводное слово *вероятно* с целью обозначить пресуппозиции, необходимые для корректного восприятия текста читателем, вызвать любопытство и желание получить больше информации о важной для содержания текста теме:

Некоторые читатели, вероятно, помнят, что в СССР существовало Всесоюзное астрономо-геодезическое общество (ВАГО) (Сурдин, 2011).

Другой пласт единиц русского языка, используемый для выражения авторского отношения, составляют выражения проблематической модальности,

демонстрирующие сомнения относительно достоверности обсуждаемых данных. Так, в следующем контексте авторское употребление вводных слов *по-видимому* и *возможно* служит маркировке его гипотетического предположения, не нашедшего фактического подтверждения в научных исследованиях. К средствам выделения прогностического компонента авторского сообщения относится также местоимение *что-то*, занимающее смысловую позицию неопределенного предмета, в сочетании с усилительной частицей *еще* и прилагательным *неизвестное* позволяет передать отсутствие сформированной позиции в научном сообществе по поводу обсуждаемого явления:

В последние годы астрофизики интенсивно исследуют короткие гамма-всплески, источниками которых, по-видимому, служат самые удивительные космические объекты – нейтронные звезды, взрывы сверхновых и, возможно, что-то еще неизвестное (Сурдин, 2011).

Средства неуверенности в тексте В.Г. Сурдина могут использоваться для передачи читателю ответов на гипотетические вопросы, которые возникают у него при восприятии описываемого научного факта или явления. Прогнозирование автором возможных проблем относительно достоверности информации выполняет функцию уменьшения дистанции между двумя антропоцентрами коммуникации, когда адресант признает наличие проблемных, незаполненных пробелов в существующей теории. В приведенном ниже контексте реализацию данной функции обеспечивает вводное слово *возможно* в сочетании с вопросительными местоимениями *чего* и *как*, репрезентирующими невысказанный вопрос адресата, и отрицательное наречие *не ясно*, отделенное от них знаком тире и представляющее собой ответ на неполные интеррогативные конструкции:

Возможно, обнаруженные у пульсара планеты сформировались уже после взрыва сверхновой, но из чего и как – не ясно (Сурдин, 2011).

Уникальным для русскоязычного научно-популярного дискурса является также употребление двусоставных и односоставных предложений с глаголами мыслительной деятельности с семами градуальной уверенности, обозначающими

позицию автора (*уверен, пришли к выводу, полагаем*) (Болсуновская, 2015, с. 3415). Исследователи обозначают их как *verba sentiendi* – слова, функция которых заключается в передаче эмоций, мыслей и ощущений. Это такие глаголы, как *think, feel* / *думать, чувствовать*, с помощью которых снижается категоричность сообщения, в результате чего ограничивается иллокуционная сила речевого акта (Милькович, 2017, с. 76). Они часто используются в комбинации со средствами выражения уверенности/неуверенности при передаче аналитической речи адресанта в дискурсе астрономии как на русском, так и на английском языках. Раскрытие в письменном виде авторского хода мысли позволяет читателю проследить предпосылки авторского сообщения и в целом ход его размышлений. Рассмотрим следующее предложение, где автор высказывает собственное мнение, опираясь на свой опыт как ученого-астронома, используя краткое причастие *уверен* для иллюстрации хода своих размышлений. Разговорный оттенок усилительного выражения *уж тем более* придает высказыванию формат неформальной беседы на научную тему, сокращая коммуникативную дистанцию между автором и читателем:

Уверен, что мало кто из астрономов смог бы вспомнить все 88 имен созвездий и уж тем более указать без карты их границ (Сурдин, 2011).

Средства экспликации уверенности/неуверенности демонстрируют большое разнообразие типов в английском языке. В их перечень входят модальные глаголы, выражающие значение вероятности (*must, might, can*), вводные модальные слова (*evidently, inevitably*), вероятностные наречия (*surely, probably, certainly*), устойчивые выражения вероятности (*be likely to do*), наречия-аппроксиматоры (*sort of, kind of*), а также разделительные вопросы (*He doesn't know the answer, does he?*) (Мучкина, 2018, с. 150). Проблематический компонент достоверности находит свою реализацию в англоязычном дискурсе астрономии посредством модального глагола *might*, используемого для поддержания процесса размышления, оформления рассуждений, касающихся научного анализа, проводимого во время астрономического наблюдения за небесными телами. Подобный прием используется в качестве способа

экспликации, введения дополнительной информации по разрабатываемому вопросу, что демонстрирует эффективность методов астрономического исследования, стимулируя мыслительно-познавательный процесс читателя:

*The planet doesn't care about this, but any life on its surface just **might**: the side of the planet constantly facing the M star would be too hot, while the other side would be too cold (DeGrasse Tyson, 2021).* – Планете это безразлично, но разница **может быть** огромна для любой жизни на ее поверхности: сторона планеты, которая обращена к М-карлику была бы слишком горячей, в то время как обратная сторона была бы слишком холодной.

Рассмотрим фрагмент, содержащий конвергентное использование нескольких типов средств экспликации эпистемической модальности. В приведенном далее предложении глагол, репрезентирующий мыслительный процесс *think*, употребляется в комплексе с модальным глаголом *may* для снижения интенсивности иллокутивной силы высказывания, маркирования проблемной темы, которая может быть оспорена или отклонена читателем. Включение в текст теорий или гипотез, не подтвержденных научными источниками, демонстрирует адресату аналитический характер процесса научного поиска, где самая неправдоподобная теория может найти свое подтверждение:

*Some people, like Oxford philosopher Nick Bostrom, **think** we **may** be intelligent simulated creatures on some advanced future human's laptop (DeGrasse Tyson, 2021).* – Некоторые исследователи, к примеру философ из Оксфордского университета Ник Бостром, **полагают**, что мы **можем оказаться** разумными существами, сгенерированными компьютером человека будущего.

Рассмотрим далее особенности использования средств неуверенности в истинности высказывания, которая в значительной мере определяет некатегоричный способ изложения в англоязычном НПД. В английских научно-популярных текстах автор может выразить гипотетичность того или иного высказывания, содержащего когнитивную информацию, прямым образом при помощи отрицательной конструкции *We still don't know*, эксплицируя ход размышлений однозначно, повышая когезию и объективность высказывания.

Кроме того, отметим использование в данном контексте противительного союза *but*, раскрывающего незавершенность теории и перспективность дальнейшей работы над рассматриваемой проблемой:

We still don't know exactly how this happened – it remains a biological research frontier – but top people are working on it (DeGrasse Tyson, 2021). – **Мы до сих пор не знаем деталей случившегося – это остается неразведанной областью биологии – но сегодня крупнейшие исследователи работают над ее разгадкой.**

Следующий далее пример демонстрирует особенности употребления наречий-аппроксиматоров как средства реализации прогностической функции авторской речи, позволяющей разграничить научные факты и предположения на основе объективной информации. В приведенном контексте наречие-аппроксиматор *sort of* используется для объяснения принципа низкой плотности энергии вакуума во вселенной. Адресант снижает плотность когнитивной информации и тем самым передает сложное научное определение через составной термин, демонстрируя при этом определенную степень неуверенности и категоричности высказывания для подкрепления информационно-объясняющей стратегии научной популяризации:

But in 1934 Georges Lemaître showed that incorporating the cosmological constant was equivalent to assuming that the universe had a small vacuum energy density accompanied by a negative pressure (a sort of universal suction) of equal magnitude (DeGrasse Tyson, 2021). – **Но в 1934 году Жорж Леметр доказал, что внедрение космологической константы это одно и то же, что и признание теории о малой плотности вакуумной энергии во вселенной, которая сопровождается отрицательным давлением (похожим на явление всасывания в масштабе Вселенной) в равном объеме.**

Противоположные по смыслу средства выражения уверенности отражают убежденность в абсолютной истинности информации, изложенной автором, однако спорадически в англоязычном тексте такие средства могут быть использованы в противоположной функции для обозначения недостаточной проработанности обсуждаемой теории, которая требует дальнейшего развития.

Маркировка подобных высказываний производится посредством введения модальных слов, отражающих убежденность, близкую к максимальной. При этом наречие *almost* в сочетании с *certainly* часто используется в качестве ограничителя категоричности высказывания, благодаря чему автор стимулирует читателя к дальнейшему размышлению:

*As we'll explore in the next chapter, this dark matter is **almost certainly** not composed of ordinary atoms but rather of elementary particles we have yet to identify* (DeGrasse Tyson, 2021). – *Как мы будем разбирать в следующей главе, темное вещество **почти наверняка** не состоит из простых атомов, а скорее из элементарных частиц, которые еще не были открыты.*

Передача уверенности или неуверенности относительно транслируемых результатов научной деятельности является составляющей прогностической функции науки, позволяющей при помощи выводов и следствий из объективных законов природы корректировать деятельность человека, выявлять перспективные направления развития научной мысли. Регулярное употребление подобных средств позволяет автору сформировать устойчивые прогнозы результатов научной деятельности, наметить вектор научных исследований, формируя и обогащая научную картину мира читателя. В приведенном ниже контексте используются средства выражения уверенности и неуверенности высказывания: *may be*, *certainly*, *perhaps*, позволяющие маркировать вероятность правильности некоторых выводов или теории в отношении описываемых научных явлений:

*In our own solar system there are several bodies that **may be** suitable for life of some sort: the Earth **certainly**, and **perhaps** Mars, Titan and Jupiter* (Sagan, 2013). – *В нашей Солнечной системе присутствует несколько тел, которые **могли бы** подойти для некоторого вида жизни. Это, **конечно**, Земля, а также, **возможно**, Марс, Титан и Юпитер* (Саган, 2008).

Возможность сформулировать вывод по отношению к изученному предмету или явлению позволяет закрепить сформировавшиеся у адресата знания, дополнить научные пресуппозиции и передать главную мысль в

краткой объективной форме. В следующем далее контексте вывод автора маркирует наречие *thus*. Задачу повышения плотности информации при оформлении вывода выполняют словосочетания *almost certainly*, *unlikely*, выражающие близкую к максимальной степень уверенности и позволяющие обозначить положение дел по данной проблеме без приведения дополнительной аргументации. Повышение плотности передаваемой информации обеспечивает общедоступность авторского изложения, избавляя его от чрезмерной информационной нагрузки, затрудняющей восприятие текста неподготовленным читателем:

*Thus there is **almost certainly** not enough time for the evolution of advanced forms of life on any accompanying planets; and it will be rare that beings elsewhere can ever know that their star will become a supernova: if they live long enough to understand supernovae, their star is **unlikely** to become one* (Sagan, 2013). – *Этого времени **почти наверняка** недостаточно для эволюции развитых форм жизни на любой из сопутствующих светилу планет, и маловероятно, чтобы где-то были существа, знающие, что их звезда станет сверхновой: если они живут достаточно долго, чтобы понять, что такое сверхновая, значит, их звезда **вряд ли** ею станет* (Саган, 2008).

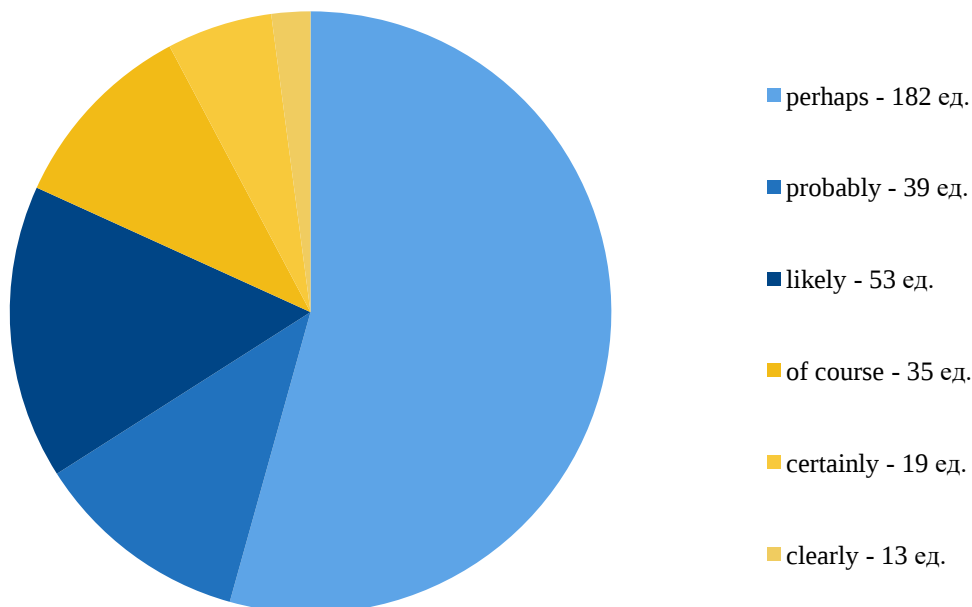

Рисунок 1 – Соотношение средств уверенности/неуверенности в англоязычном дискурсе астрономии

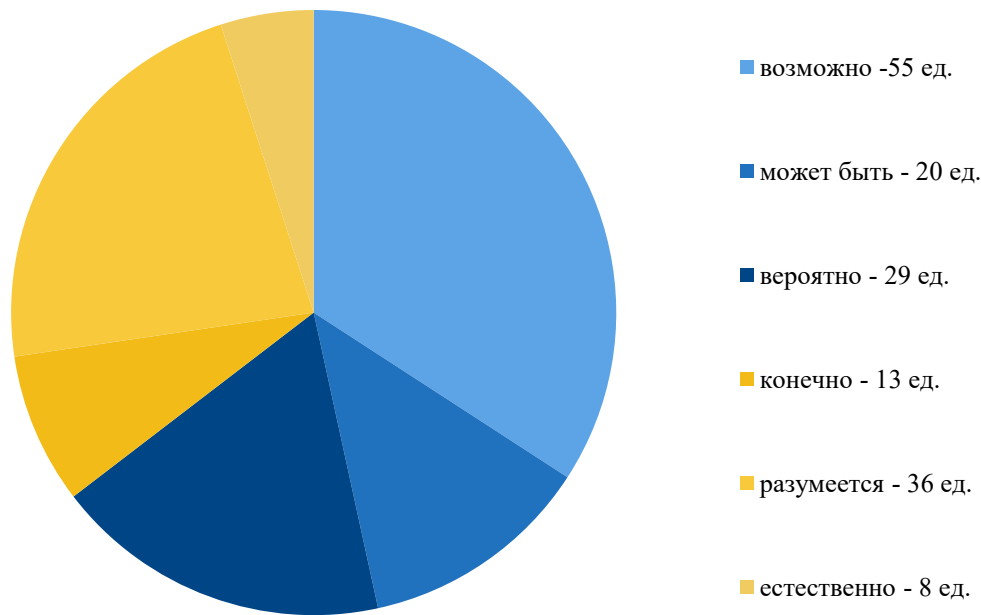

Рисунок 2 – Соотношение средств уверенности/неуверенности в русскоязычном дискурсе астрономии

Диаграммы на рисунках 1 и 2 демонстрируют соотношение средств выражения уверенности/неуверенности автора относительно сообщаемых в текстах разноязычного научно-популярного дискурса сведений, установленное с применением системы для корпусного анализа текстов GATE и ее компонента ANNIE Gazzeteer. Для анализа были отобраны 6 лексем, наиболее часто репрезентирующих сомнение или уверенность относительно транслируемых сведений. При этом средства уверенности в полученной графической визуализации обозначены оттенками желтого цвета, в то время как средства неуверенности репрезентированы оттенками синего. Степень категоричности высказывания от низшей до максимальной соответствует цветовому переходу от светлых тонов к темным. В текстах К. Сагана и В.Г. Сурдина посредством целенаправленной выборки были выделены наиболее частотные средства выражения уверенности и неуверенности высказывания. Использование подобного средства встречается и в Интернет-публикациях, репрезентирующих научно-популярный дискурс в сети, как в русскоязычных публикациях: *Наука*

пока не знает решений... (ПостНаука); *Есть мнение*, что... (Элементы); *Приблизительно 50–40 тысяч лет назад* (N+1), так и в англоязычных: *These connections might explain...* (Popular Mechanics); *The moon is definitely back...* (New Scientist).

Результаты сопоставительного анализа позволяют заключить, что англоязычный дискурс астрономии демонстрирует более выраженное проявление проблематической модальности (неуверенности): 274 единиц к 88 единицам проблематической модальности в русскоязычном тексте. Опираясь на установленные функциональные задачи проблематической модальности, заключающиеся в повышении неагентности высказывания, снижения категоричности изложения, можно сделать вывод о желании англоязычных авторов предоставить читателю возможность формировать собственное мнение, самостоятельно судить об истинности излагаемых фактов и суждений. Частотный характер употребления вводного слова высшей степени неуверенности *возможно* в русскоязычном дискурсе говорит о сознательном выборе автором категоричных выражений неуверенности, не оставляющем пространства для иных размышлений, когда речь идет о полной неуверенности суждения. Соответственно, применяемый в подавляющем большинстве случаев в английском тексте *perhaps*, репрезентирующий самую низкую степень неуверенности, маркирует готовность отмечать даже малейшие признаки сомнения при помощи модальных лексических средств.

Обратная тенденция отмечена нами в отношении средств выражения уверенности, где количество единиц употребления максимальной степени — *конечно* (13 единиц) на порядок ниже соответствующих единиц в английском языке *of course* (36 единиц), при этом в русскоязычном дискурсе в отличие от англоязычного используется достаточно категоричное *разумеется*, позволяющее представить авторскую позицию со средним уровнем уверенности.

В отношении информации, которая требует классификации и предварительного анализа, ученый-популяризатор часто использует сравнение полученных данных с известным ему набором знаний и установок. Речь идет о

комплексе пресуппозиций, выражающих пропозициональные установки автора текста. Следовательно, адресант может «эксплицировать пропозициональную установку, связанную с соответствием и несоответствием ожиданиям при помощи экспрессивно-оценочных средств, позволяющих говорить о том, что ожиданиям не соответствует» (Сахарова, 2023б, с. 76). В этой связи детального рассмотрения требуют лексические средства выражения соответствия / несоответствия ожиданиям в работе ученого-популяризатора. В английском языке это выражается с помощью лексем, содержащих сему неожиданности: *unexpected, unusual, unbelievable* / *неожиданный, необычный, невероятный*; и о том, что соответствует ожиданиям: *expected, natural, known, obvious* / *ожидаемый, естественный, известный, очевидный*.

Приведенный ниже контекст демонстрирует способ использования глагола *expect* в англоязычном тексте для выражения высокой степени ожидания успешного обнаружения обитаемой планеты, при этом параллельно с применением модального слова *probably* приводятся дополнительные теории и догадки о нахождении внеземных цивилизаций. В этом контексте повторяющиеся друг за другом средства репрезентации эпистемической модальности обеспечивают прогностическую функцию науки, способность составлять прогнозы будущих теорий, явлений и объектов и передавать эту ситуацию в рамках двусторонней коммуникации:

*Yes, within our 40-light-year bubble around the Sun, we **expect** to find a habitable planet orbiting another star! That means television episodes of Star Trek in its first season, wafting outward at the speed of light as TV signals, have **probably** already washed over another habitable planet with liquid water on its surface* (DeGrasse Tyson, 2021). – *Да, мы действительно предполагаем найти обитаемую планету в орбите другой звезды, на расстоянии в 40 световых лет от солнца! Это значит, что первый сезон Звездного пути в виде телевизионного сигнала, скорее всего, уже достиг другой обитаемой планеты с наличием жидкой водой на её поверхности.*

Выражения соответствия ожиданиям в англоязычном тексте ситуативно

применяются в связке с описанной в разделе 2.1. экспланаторной стратегией популярной коммуникации, используемой для передачи гипотетического описания ситуации, в которой наличие второй звезды в нашей звездной системе полностью соответствует нашим ожиданиям. В следующем контексте К. Саган маркирует соответствие ожиданиям с помощью прилагательного *natural*. Ожидания говорящего при этом не подвергаются эксплицитному выражению, что связано с актуализацией значения лексемы: «Подчиняясь законам природы... Соответствуя чьей-либо природе, объективным обстоятельствам, будучи обусловленным ими; закономерно» (Ефремова, 2000). Мера естественности явлений дополнительно передается при помощи выражения уверенности *doubtless* и оценочного прилагательного *lovely*, что помогает читателю визуализировать описанную автором ситуацию, поставив себя на его место:

*Had it become a star in visible light, we would today inhabit a binary or double-star system, with two suns in our sky, and the nights would come more rarely – a commonplace, I believe, in countless solar systems throughout the Milky Way Galaxy. We **would doubtless** think the circumstances **natural** and lovely* (Sagan, 2013). – *Стань он звездой в видимом диапазоне, мы сегодня жили бы в двойной системе с двумя солнцами на небе, а ночи были бы относительно редким явлением – обычное дело, я полагаю, для множества солнечных систем в нашей Галактике. Мы, **несомненно**, находили бы подобное положение дел **естественным** и **приятным*** (Саган, 2008).

Иную форму в данном типе дискурса приобретает выражение несоответствия ожиданиям. Разрыв когнитивного шаблона, происходящий в результате обмана ожиданий, влияет на особенности использования в тексте эмоциональной модальности, что находит выражение в повышенной тональности повествования, использовании красочных эпитетов и образных выражений несоответствия. На примере данного ниже контекста мы можем увидеть, что прием обмана ожиданий, выраженный прилагательным *unexpected*, часто сопровождается удвоением средств выразительности, таких как эпитеты *stunning* и *elegant* в данном случае. Использование двойного восклицания

сигнализирует о повышенном эмоциональном эффекте несоответствия данным ожиданиям, в то время как вопросительные слова *what* и *how* позволяют амплифицировать эффект неожиданности происходящего:

What a stunning and unexpected conclusion! How elegant the proof! (Sagan, 2013). – *Насколько ошеломляющее и неожиданное заключение! Какое элегантное доказательство!* (Саган, 2008).

Как субъективный компонент авторского отношения к рассматриваемой проблеме, так и элемент несоответствия ожиданиям не всегда являются доступными для восприятия адресатом научного исследования, что снижает эпистемический уровень содержания, дистанцируя говорящего от предполагаемого собеседника. В текстах научно-популярного дискурса ученый решает эту проблему при помощи добавления маркеров несоответствия, указывающих адресату исходную точку появления новой для него информации. Для начала адресант отделяет границы передачи нового знания, сообщая читателю о новом открытии с помощью вводного фразового наречия *in fact*. Далее автор эксплицирует уникальность полученных результатов исследования, употребляя средство актуализации несоответствия ожиданиям *unexpected*, а также прямым способом эксплицируя новизну знания через использование сочетания *previously unknown*. Из этого следует, что средства маркирования несоответствия ожиданиям могут использоваться при введении новой информации для ее акцентирования:

A close moon of Jupiter or Saturn will likewise gobble up radiation belt particles, and in fact one of the new moons of Saturn was discovered in just this way: Pioneer 11 found an unexpected gap in the radiation belts, caused by the sweeping up of charged particles by a previously unknown moon (Sagan, 2013). – *Ближайшие спутники Юпитера и Сатурна тоже прогрызают щели в радиационных поясах. В действительности один из недавно открытых спутников Сатурна был обнаружен как раз благодаря тому, что «Пионер-11» выявил неожиданный провал в радиационных поясах, появившийся из-за выметания заряженных частиц ранее неизвестным спутником* (Саган, 2008).

Как показал анализ, категория эпистемической модальности обладает в русскоязычном тексте рядом специфических черт. Так, текст В.Г. Сурдина наполнен прямыми средствами субъектной интеракции, использование которых имеет ситуативный характер. В приведенном ниже контексте можно увидеть применение эпитетов *самая необычная*, *незаурядный* и *целеустремленный*, реализующих сему уникальности. Отметим также использование вводного словосочетания *как видите*, указывающего на очевидность факта или события для собеседника, маркируя, как и коррелирующие с ним *итак*, *следовательно*, *получается*, сигнализируют о подведении итога, обобщения сказанного ранее. Используя вводное обращение, адресант намерен привлечь внимание читателя, вовлечь его в совместную мыслительную деятельность, способствуя тем самым закреплению полученной ранее информации:

Как видите, самая необычная звезда не зря носит имя этого незаурядного и целеустремленного человека (Сурдин, 2011).

Выражение несоответствия ожиданию содержит в некоторых случаях нейтральный или негативный подтекст, вследствие чего слово, выражающее несоответствие, подкрепляется дополнительными лексическими средствами негативной оценочности. Так, при описании малоинтересного для научного сообщества небесного тела В.Г. Сурдин использует прилагательное с оценочным компонентом *весьма заурядный*, раскрывая общепринятое в научной среде отношение к данному явлению. Характер посредственности объекта передает заключенное в кавычки слово *полет*, являющееся намеком на истинную природу звезды, как это представлено в этом же предложении. Кроме того, автор использует наречие в отрицательной форме *не особенно большая*, чтобы передать читателю мысль о существовании более интересных тел, требующих глубокого изучения. Кроме того, адресант сознательно употребляет наречие *просто* в связке со средством выражения несоответствия ожиданиям *необычный*, нивелируя его значение:

Звезда Барнарда – весьма заурядное светило, поэтому возникло подозрение, что причиной ее наблюдаемого «полета» служит не особенно

большая скорость, а просто необычная близость к нам (Сурдин, 2011).

Отношение адресанта к действительности, выражаемое с помощью средств субъективной модальности (непосредственное, опосредованное), определяет его роль в коммуникативном процессе (наблюдатель, информатор, побудитель, исследователь и т. д.). Здесь, наравне с объективным восприятием действительности, не учитывающим мнение самого производителя речи, функционирует субъективное, которое позволяет понимать происходящее вокруг изнутри, характеризуя участника событий (Тимохин, 1999, с. 367). Гармоничное сочетание двух противоположных типов восприятия, которое можно обозначить как «субъективно-объективный» тип восприятия, позволяет приблизить позиции исследователя и неискушенного читателя, сократить дистанцию между ними. Этот тип общения возникает в случае особого статуса отношений субъекта и производителя речи, позволяющего говорить о высокой степени субъективной модальности в тексте.

Такой тип отношений наблюдается и в научно-популярном тексте, при этом производитель речи, т. е. автор-ученый, совпадает с субъектами речи – научным сообществом в целом. В результате происходит стимуляция мыслительного процесса читателя, что дополнительно подчеркивается объективным характером изложения:

*When **we found** the sky of Mars to be a kind of pinkish-yellow rather than the blue which had erroneously first been reported, the announcement was greeted by a chorus of good-natured boos from the assembled reporters...* (Sagan, 2013). – *Когда мы обнаружили, что небо на Марсе скорее розовато-желтое, а не голубое, как следовало из первого ошибочного сообщения, известие об этом было встречено добродушным шиканьем собравшихся репортеров – им хотелось, чтобы Марс и в этом отношении походил на Землю* (Саган, 2008).

Прагматически значимую роль играют выражения, позволяющие представить авторскую позицию и тем самым снять возможное недопонимание и возражение со стороны адресата. Среди средств репрезентации авторской позиции можно выделить приемы использования вводных конструкций,

определенно-личных и безличных предложений (Соловьева, 2022б, с. 135). Традиционно вводные слова служат маркером авторского отношения к какой-либо проблеме, позволяя более четко обозначить позицию адресата. Использование безличного предложения с глаголом с оттенком долженствования способствует акцентированию авторского мнения без указания на самого автора. Одновременно с этим, определенно-личные предложения используются для передачи авторского нарратива, поддерживающего интерес читателя.

Так, в следующем предложении автор употребляет вводную конструкцию *казалось бы*, чтобы отразить собственную позицию по данной проблеме, указывая читателю на мнимость или слабую возможность реализации такого события. Таким образом подчеркивается установка автора, преследующего цель не только сообщения информации, но и оценку объективности, истинности передаваемой информации, что характеризует его как объективного информатора:

Казалось бы, самое желанное место для установки телескопа – вершина Эвереста, но почему-то никто из астрономов туда не стремится (Сурдин, 2011).

Согласно нашим наблюдениям, характер использования вводных слов и конструкций в английском НПД имеет некоторые различия, продиктованные превалированием однословных вводных конструкций: *therefore, however, consequently, conversely, certainly, indeed*, что можно проиллюстрировать на следующем примере. Использование средств эпистемической модальности, включающих модальные слова *perhaps, might* для оформления прогностических умозаключений, происходит параллельно с употреблением вводного слова *therefore*, финализирующего цепочку размышлений промежуточным выводом. При этом следует подчеркнуть неагентный характер вводного слова, демонстрирующий дистантный/дистактный способ представления вывода субъектом и оставляющий место сомнению:

*Perhaps organisms that float in dense planetary atmospheres will be very much like us in their atomic composition, except they **might** not have bones and*

therefore not need much calcium (Sagan, 2013). – **Не исключено**, что организмы, плавающие в плотной атмосфере планеты, окажутся очень похожи на нас по своему элементному составу, но у них **может** не быть костей, **а значит**, им не понадобится много кальция (Саган, 2008).

Таким образом, когнитивно-прагматические особенности средств экспликации эпистемической модальности, включающих в свой состав дискурсные маркеры уверенности / неуверенности высказывания (хеджирование), соответствия / несоответствия ожиданиям, вводные слова разной степени модальности, а также глаголы мысли (*verba sentiendi*), отражают в разноязычном популярном дискурсе астрономии два разнонаправленных процесса трансляции авторского отношения к сообщаемым фактам и описываемым событиям. С одной стороны, в англоязычном НПД авторский способ изложения характеризуется декатегоризацией, стремлением избегать категоричных суждений об объекте или предмете общения, но при этом представлять собственную позицию за безапелляционную истину. Подобное стремление объясняется как убеждениями субъекта о неправомерности излишне категоричных высказываний, так и бóльшим равноправием в статусно-ролевых отношениях двух антропоцентров коммуникации в англоязычном институциональном дискурсе, а также прагматическим фокусированием в целях повышения эффективности общения с широкой аудиторией непрофессионалов. Следовательно, описанные особенности англоязычного НПД свидетельствуют о присущих ему чертах публицистического дискурса.

С другой стороны, русскоязычная разновидность НПД астрономии демонстрирует тенденцию к расширению средств категоризации авторского повествования, обусловленного стремлением к убеждению адресата в правильности авторского мнения, включении в содержание лишь проверенных, подтвержденных данных об астрономических проблемах. Подобная тенденция свидетельствует о более высоком профессиональном статусе субъекта коммуникации в русскоязычном институциональном дискурсе астрономии, о высокой степени объективности рассматриваемой информации, а также о

сближении русскоязычного НПД с научным дискурсом в порядке представления результатов научной деятельности, повышенных требований к объему читательских пресуппозиций.

2.2.3. Индивидуально-авторские особенности терминологических и интертекстуальных включений

Как показал анализ, значительным персонализирующим потенциалом обладает такое средство трансляции авторской позиции, как выбор способа **введения научных терминов**. Разнообразие видов речевых приемов и методов трансформации научного понятия в общедоступное обуславливает важность рассмотрения данного процесса в деталях. Одной из задач популярного дискурса науки является введение терминов, принадлежащих одной из областей науки, в их индивидуально-авторской подаче и интерпретации. А.Ю. Багиян использует понятие «детерминологизация», позволяющее описать данный процесс с позиций когнитивной релевантности в контексте научно-популярного дискурса. Замена термина общеупотребительным словом или словосочетанием позволяет расширить сферу его применения, однако ведет к потере научной точности, аддиции смыслов, не всегда верно передающих его истинное содержание (Багиян, 2014а). Решение о выборе того или иного способа введения термина зависит от стратегии выбранной автором двухсторонней коммуникации, позволяющей предпринять некоторые действия по преобразованию исходного терминологического знака и тем самым передать авторское толкование понятия, в том числе и оценочное.

Авторитетные ученые, обладающие высокой степенью компетентности в области астрономии и исследований космоса, владеют эффективными приемами передачи сложного научного знания читателю-неспециалисту, вводят

в повествование не только тематически связанную лексику, но и специальную астрономическую терминологию, хотя в целом научно-популярный дискурс стремится к детерминологизации повествования (Багиян, 2015, с. 3), но тем не менее, термин как репрезентант научного знания активно используются учеными-популяризаторами.

М.П. Сенкевич выделяет 7 способов авторского введения терминов, которые включают в себя: постепенное подведение к термину, ориентирующее введение (через основные признаки), аналогизация термина, синонимизация термина, этимологизация термина, прямое определение термина и способ попутного замечания (Сенкевич, 1984, с. 108). Рассмотрим наиболее характерные для изучаемого разноязычного дискурса приемы.

Англоязычный астрономический дискурс характеризуется использованием способа введения научной терминологии, которая не предполагает вмешательства в последовательную структуру изложения, представляющую собой переход от одной тема-рематической конструкции к другой посредством применения выражений-связок, маркирующих следующую тему повествования. Приводимый далее пример представляет собой постепенное подведение к определению термина *light-year* (*световой год*). К. Саган упоминает важность применения космических единиц измерения, актуализируя проблемную ситуацию, над которой работали многие ученые. Автор отдает предпочтение приему аналогизации для дополнительного направления мысли читателя, используя общепринятые единицы измерения, такие как *meter*, *mile*, для объяснения данного термина. При этом адресант разрешает возникшую проблемную ситуацию посредством ввода дефиниции и номинации самого термина *light-year*. Следовательно, описание проблемной ситуации является одним из способов постепенного введения терминов в англоязычном дискурсе астрономии:

*The dimensions of the Cosmos are so large that using familiar units of distance, such as **meters** or **miles**, chosen for their utility on Earth, would make little sense. ...That unit of length, the **distance light goes in a year**, is called a **light-year*** (Sagan, 2013). –

*...Космос настолько велик, что для его описания нет смысла прибегать к таким удобным на Земле единицам измерения расстояния, как метры и километры. Вместо этого мы измеряем **расстояние скоростью света** (Саган, 2008).*

Помимо подведения адресата к определению К. Саган применяет и другие способы косвенного введения термина, направляющие внимание и мыслительную деятельность читателя и формирующие его компетентностную готовность к адекватному пониманию термина, при этом сам термин на данном этапе не называется. Отметим, что ориентация, согласно определению И.А. Ребрушкиной, представляет собой «явление, обусловленное лингвистическими, психическими и социальными факторами, дающее носителю языка возможность без обращения к дефиниции, по экспоненту определить закрепленное за термином понятие, денотат или место данной единицы в терминосистеме» (Ребрушкина, 2011). В приведенном ниже примере автор использует инверсивное ориентирующее введение термина с помощью риторической конструкции со знаком вопроса для объяснения термина *natural selection*. Кроме того, адресант отсылает к дефиниции противоположного концепта *artificial selection*, позволяя адресату самому понять и проанализировать связь двух противоположных концептов:

*But if **humans** can **make new varieties of plants and animals**, must not nature do so also? This related process is called **natural selection** (Sagan, 2013). – Но если люди могут создавать новые разновидности растений и животных, то не должна ли и природа делать то же самое? Соответствующий процесс называется **естественным отбором** (Саган, 2008).*

Однако автор англоязычного текста редко прибегает к приведению четко сформированного определения термина, хотя и в измененном виде. Вместо этого К. Саган прибегает к использованию ориентирующего введения, суть которого состоит в перечислении и описании основных признаков понятия, благодаря которым возможно сформировать представление о значении термина. Зачастую подобный прием вводится для раскрытия общенаучных терминов, понимание которых возможно вывести из контекста их употребления. В данном

примере автор раскрывает основные свойства термина *galaxy*, описывая его составные компоненты – *gas, dust, stars*. Дополнительным средством расширения контекста служит количественный интенсификатор *billions upon billions*, позволяющий дать читателю представление о размерах галактики:

A galaxy is composed of gas and dust and stars – billions upon billions of stars (Sagan, 2013). – *Любая галактика состоит из газа, пыли и звезд – миллиардов и миллиардов звезд* (Саган, 2008).

По нашим наблюдениям, данный метод авторского введения терминов в русскоязычный научно-популярный дискурс обнаруживает значительные расхождения с англоязычным. Прежде всего, для В.Г. Сурдина характерен более академический подход к презентации научных понятий, когда в тексте часто используются составные научные обозначения *сфероидальная форма*, а также присущие научному стилю выражения, такие как *обращающийся*, что подчеркивает более сознательный подход к презентации научной информации и расширению научной картины мира астрономов-любителей. В приведенном ниже примере мы имеем возможность сравнить два способа введения термина, примененные В.Г. Сурдиным в тексте НПД и научном тексте. Прагматически обоснованным является экспликация значения термина *объект, обращающийся вокруг Солнца*, позволяющая добавить дополнительный контекст к определению, а также сокращение вариативности в выборе средств его описания в виде опущения словосочетаний *гидростатически равновесная* и *под действием собственной гравитации*, в результате чего получается менее объемная, но более насыщенная по своему информационному наполнению дефиниция. Также следует отметить трехкратный лексический повтор данной дефиниции в тексте В.Г. Сурдина, что говорит о важности донесения научного определения данного термина адресату. Автор, напрямую обращаясь к читателю, дополнительно приводит в скобках ссылку на страницу первичного упоминания дефиниции, напоминая читателю об исходном контексте:

Давайте вспомним определение планеты (с. 245): это объект, обращающийся вокруг Солнца и достаточно массивный для того, чтобы

придать себе сфероидальную форму, к тому же не имеющий рядом со своей орбитой тел сравнимой с ним массы (Сурдин, 2011) (фрагмент НПТ).

А собственно “планета” (иногда говорят “классическая планета”) определяется как объект Солнечной системы, достаточно массивный, чтобы под действием собственной гравитации принять гидростатически равновесную (сфероидальную) форму и не имеющий рядом со своей орбитой тел сравнимой массы (Сурдин, 2010, с. 4) (фрагмент научной статьи).

Одновременно с приемами модификации исходного научного определения, текст В.Г. Сурдина содержит большое разнообразие способов экспликации значения одного термина, призванное расширить контекст его употребления и облегчить его правильное понимание. Так, автор объясняет значение термина *вулканоид* с помощью приема аналогизации, сравнивая его с астероидами, затем приводится сам термин при помощи попутного замечания, подкрепленного выражением неуверенности *почему-то*, мотивирующим читателя задуматься над этимологией данного термина:

...внутри орбиты Меркурия существует зона устойчивого движения, где могли бы сохраниться небольшие фрагменты несформировавшейся планеты, похожие на астероиды. ...Но сегодня их почему-то называют вулканоидами (Сурдин, 2011).

О высокой степени академичности текста В.Г. Сурдина свидетельствует также наличие предметного указателя, включенного в виде отдельного раздела в конце книги и предназначенного для быстрого поиска необходимой читателю информации. Этот раздел имеет большую ценность для адресата, занимающегося исследованиями в области астрономии, вследствие возможности нахождения дополнительной информации, раскрывающей значение конкретного термина или явления, что позволяет полноценно воспринять контекст, в котором его употребляет автор. Следует отметить простоту восприятия формата данного раздела, где на первом месте стоит название термина, а на втором идет перечисление страниц, на которых он упоминается: *Аберрация света 203–204* (Сурдин, 2011). Отсутствие подобного

раздела в англоязычном тексте продиктовано тщательным выбором лексем и словосочетаний, которые относятся к общенаучному слою лексики или требуют авторского введения, оформленного приведенными выше способами. Обобщим наши наблюдения в следующей таблице:

Таблица 4 – Частотность употребления астрономических терминов в текстах
В.Г. Сурдина и К. Сагана

Русскоязычный термин	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во	Англоязычный термин	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во
телескоп	508	27,24%	universe	217	20,38%
спутник	284	15,23%	galaxy	214	20,09%
астероид	263	14,1%	satellite, moon	180	16,9%
орбита	256	13,73%	comet	113	10,61%
созвездие	227	12,17%	orbit	98	9,2%
солнечная система	137	7,35%	solar system	83	7,79%
комета	109	5,84%	telescope	82	7,7%
галактика	57	3,06%	constellation	53	4,98%
вселенная	24	1,29%	asteroid	25	2,35%
Общее кол. терминов	1865	100%	Общее кол. терминов	1065	100%

По нашим наблюдениям, различия в характере введения научной терминологии в англо- и русскоязычном тексте продиктованы фактором адресата, т.е. представлением о его речемыслительных и познавательных компетенциях, обуславливающих авторские стратегии трансляции сложного научного знания. Так, для НПД В.Г. Сурдина характерно использование более академических средств презентации астрономического знания, а также оформление содержания и композиция текста. Приведенная выше Таблица 4 демонстрирует количество употреблений наиболее частотных терминов астрономии в русскоязычном тексте в сопоставлении с англоязычным. Список терминов организован в порядке убывания их частотности в исследуемых текстах. Согласно Таблице 4, наблюдается более низкая частотность употребления специфических для терминосистемы астрономии лексем в его англоязычной разновидности, что характерно в целом для научно-популярного дискурса, одной

из особенностей которого, по сравнению с научным дискурсом, является прагматическая адаптация терминологии, как было отмечено в Таблице 1 в разделе 1.2.2. нашей диссертации. Исходя из этого, большое разнообразие средств авторизации в русскоязычном дискурсе астрономии продиктовано в значительной мере академическим стилем изложения, который предопределяет высокие требования к пресуппозициям потенциального адресата, что прослеживается в использовании прямых дефиниций терминов в тексте, а также лексических повторов в качестве стратегии их закрепления.

Косвенная авторизация реализуется также на интертекстуальном уровне научно-популярной коммуникации. Интертекстуальные включения играют важную роль при аргументации предлагаемого тезиса, гипотезы или научного факта, убеждении читателя в истинности информации, в том числе и с помощью включения в текст ссылок на существующие работы в области астрономической науки. Спорадически встречаются также заимствования из художественной и публицистической литературы, обеспечивающие эмоционально-образную экспрессию, привлечение внимания адресата, стимулирование его креативного мышления. Значительным когнитивно-прагматическим потенциалом обладают интертекстуальные заимствования, или цитирование, выступающее в качестве индикатора авторской позиции, подкрепляемой аргументами из работ других авторов, а также усиления авторской позиции. Обращение автора к своим предшественникам, включение в повествование различных цитат из исходных научных источников формирует образ автора как добросовестного посредника-информатора или объективного ученого. Цитата представляет собой «дословное воспроизведение фрагмента предтекста, обособленное от остальных высказываний формальной маркировкой» (Чернявская, 2009, с. 205) – кавычками, сменой шрифта, отсылкой к источнику с указанием страницы и авторскими ремарками.

Цитирование в научно-популярном тексте, как отмечает Ю.А. Алейникова, выполняет ряд значимых для текстового содержания функций. Одной из базовых функций, имеющих непосредственное отношение к

коммуникативным намерениям автора в двусторонней коммуникации с читателем, является функция убеждения. Заимствование из предтекста, воспроизводимое в рамках ее реализации, часто оказывается связано с общим направлением размышления, риторикой данного текста, когда «автор использует цитату из авторитетного источника (Библии, художественной литературы и т. п.) для подтверждения правильности своей мысли, убеждения адресата в своей правоте» (Алейникова, 2006, с. 13). Следовательно, читатель находит выражение авторского отношения к высказыванию в самом факте использования данного высказывания для подкрепления собственной позиции или сообщения, которое имплицитно подразумевает авторское согласие с ним. При этом доверие к автору высказывания и субъекту текста имеет рекурсивный характер, взаимодополняя друг друга.

В концепции интертекстуальности В. Е. Чернявской выделяются три различных типа цитат: цитата-аргумент, цитата-пример и цитата-заместитель (Чернявская, 2009, с. 206-207). Согласно нашим наблюдениям, цитата-аргумент функционирует в тексте астрономии в качестве средства обеспечения верификации научного знания, придавая документальное подтверждение высказываниям автора о существовании тех или иных фактов, что находит свое выражение в тексте в виде ссылок на научные источники или приведения цитаты, подтверждающей авторскую позицию и убеждающей читателя в ее объективности и верифицированности.

Цитата-пример используется субъектом коммуникации в качестве элемента конкретного и наглядного представления и подтверждения собственных мыслей путем включения слов другого автора или письменного источника. Вследствие этого основной задачей использования такой цитаты является обеспечение иллюстративной функции, которая позволяет повысить степень достоверности когнитивной информации в научно-популярном тексте, проиллюстрировать сущность сложных для восприятия научных размышлений.

Остановимся подробнее на выделенном В.Е. Чернявской третьем типе цитирования, поскольку наш анализ продемонстрировал высокую степень

частотности цитат-заместителей, выполняющих в тексте убеждающую и иллюстративную функции, а также функцию выдвижения. Цитата-заместитель как элемент интертекстуального включения употребляется для экспликации и верификации авторской позиции при помощи чужой письменной речи. При этом главная суть данного речевого элемента отражается в подменяющей функции цитирования. Факт совпадения позиций двух авторов и установление корреляции между знанием, изложенным в одном тексте, со знанием, изложенным в другом, являются исходными данными подменяющей функции. Подобная цитата приводится без изменения авторского стиля, в изначальном виде, с сохранением авторской пунктуации и выразительности.

Особый интерес для описания способов авторизации представляют прагматические особенности лексического оформления границ интертекстуального включения с обоснованием выбора его типа, по классификации В.Е. Чернявской (2009).

Одним из частотных типов цитирования в англоязычном тексте выступает цитата-аргумент. Так, К. Саган описывает историю открытия механизма естественного отбора Ч. Дарвином, раскрывая ее сущность в собственной интерпретации, а затем приводит слова самого ученого, подтверждая верность своего мнения. При этом К. Саган не дает прямую отсылку на работу исследователя *The Origin of Species*, упоминая ее перед вводом самой цитаты, а также дополнительно называя автора данного отрывка. Таким образом, автор англоязычного НПД астрономии может отсылать читателя к работе ученого при помощи попутного замечания или какой-то ремарки, без приведения библиографической ссылки:

Darwin's words in The Origin of Species were: ... (Sagan, 2013). – В книге «Происхождение видов» Дарвин пишет: ... (Саган, 2008).

Отдельный подвид цитаты-аргумента в англоязычном НПД используется для оформления повествования, рассказа о жизни известного ученого-астронома, при изложении которого автор «вплетает» в текст отрывки из писем, оставленных индивидом, биографических источников, обеспечивая

привлечение внимания к личности исторического персонажа посредством описания, со своей точки зрения, деталей из его жизни. При этом обязательным элементом отграничивания цитаты от остального повествования является приведение имени автора следующей за ней цитаты:

*Impatient to see Tycho's astronomical data, **Kepler** would be thrown only a few scraps at a time: "Tycho gave me no opportunity to share in his experiences... (Sagan, 2013). – **Кеплеру** не терпелось увидеть астрономические данные Тихо Браге, но тот лишь время от времени подбрасывал ему кое-какие черновики: «Тихо не дает мне возможности воспользоваться его результатами (Саган, 2008).*

В отношении прагматических особенностей использования цитаты-аргумента с русскоязычным НПД отметим совпадение формы ее оформления с научным дискурсом, в котором цитата отграничивается кавычками, а непосредственно после нее приводятся библиографические данные автора цитаты с указанием точной страницы и названия научного труда. Следовательно, в фокусе прагматической направленности В.Г. Сурдина, помимо интересующихся данной научной областью неподготовленных читателей находятся также исследователи-астрономы, которые могут почерпнуть интересующую их информацию, обратившись к указанным научным источникам:

*Еще **Джон Гершель** говорил о нескладных фигурах на небесных картах и отмечал, что «астрономы мало или вовсе не обращают на них внимания, а пользуются ими только для названия замечательных звезд, обозначая их буквами греческой азбуки» (**Herschel J. Outlines of Astronomy. 1875, c. 195**) (Сурдин, 2011).*

Это подтверждается тем фактом, что в русскоязычном НПД ссылки зачастую приводятся на лексикографические источники на английском языке. Отметим высокую степень формализации при трансляции научной терминологии, когда автор обращается к трудам зарубежных исследователей, при этом термин вводится в русскоязычный научно-популярный текст на языке оригинала. Иноязычный термин приводится в качестве примечания, в основном в скобках. Так, В.Г. Сурдин предлагает два возможных названия концепта

экзопланета или *внесолнечная планета*, расширяя диапазон его восприятия адресатом в двуязычных контекстах. При этом он приводит прямую цитату-аргумент из иноязычного словаря, включающую определение данного концепта, без перевода его на русский язык, что предполагает достаточно высокий уровень знания английского языка:

*Объект с массой планеты, находящийся за пределами Солнечной системы, называют «экзопланетой» (**exoplanet**) либо «внесолнечной планетой» (**extrasolar planet**). ...Такое толкование термину дают словари и энциклопедии. Например, «**a planet that orbits a star outside the solar system**» (Сурдин, 2011).*

Англоязычный дискурс астрономии демонстрирует также другой тип цитирования, позволяющий говорить о более объективном и системном подходе автора к презентации научного материала. К. Саган использует цитату-пример, чтобы ввести свидетельства очевидцев событий, происходивших после падения Тунгусского метеорита, при этом автор использует лексику *account* для введения цитаты-примера, которая в переводе на русский язык обозначает письменное или устное описание событий, что предполагает наличие семы авторской субъективности. Таким образом, маркируя субъективный характер включения, автор предоставляет читателю право судить о подлинности данного свидетельства, оставаясь за рамками изложения:

*It was ten years after the Revolution before an expedition arrived to examine the ground and interview the witnesses. These are some of the **accounts** they brought back: (Sagan, 2013). – Лишь через десять лет после революции для анализа почвы и опроса свидетелей была отправлена первая исследовательская партия. Вот некоторые из собранных ею **рассказов** (Саган, 2008).*

На протяжении повествования К. Саган неоднократно отсылает читателя к мифотворчеству разных народов, поясняя или подчеркивая линию собственного рассуждения, обосновывая свои выводы. Не подразумевая четкого авторства, подобные аллюзивные цитаты-примеры способствуют повышению экспрессивности высказывания, стимулируя при этом интерес адресата к неизвестному, загадочному примеру из народного источника:

The Great Father myth of the Aranda people of Central Australia (Sagan, 2013). – *Миф о Великом Отце племени аранда, Центральная Австралия* (Саган, 2008).

В тексте В. Г. Сурдина значительное место занимают описания опытов, наблюдений и линии размышления других исследователей, которые вводятся в текст в качестве наглядного примера, как это происходит с описанным Яковом Перельманом опытом в приведенном ниже контексте. Подобный подход к иллюстрации когнитивной информации повышает объективность авторской речи, повышая воздействие ее убеждающей функции:

Простой опыт, описанный Яковом Перельманом в его «Занимательной астрономии», показывает, почему исчезают звезды при дневном свете: ... (Сурдин, 2011).

Окказионально встречаются также введенные В.Г. Сурдиным цитаты-примеры, которые, как показывает приведенный ниже контекст, подтверждают точность и инновационный характер авторского высказывания и дают читателю возможность наблюдать другую, устаревшую в современном научном дискурсе точку зрения. Следует особо подчеркнуть формат введения цитаты, передающий полную информацию об источнике, инициалы автора, а также саму цитату, которая представлена на языке оригинала без дополнительного комментария и перевода на язык адресата:

Вулкан еще ждал своего открытия. Но уверенность в его существовании в те годы была так велика, что, например, в книге «Recreations in Astronomy» (by Henry White Warren. New York, Harper & brothers, 1879) дана справка: «VULCAN – distance from the sun 13,000,000 miles, orbital revolution about 20 days» (Сурдин, 2011).

Следующий далее пример из англоязычного научно-популярного текста содержит цитату-заместитель, предваряющую новую главу, содержание которой раскрывает размеры вселенной и масштабы известного ученым знания, обозначая его границы словами другого автора. Персонифицирующий потенциал заключен здесь в передаче сообщения словами авторитетного

ученого прошлого, при этом дополнительно происходит снижение категоричности высказывания:

The known is finite, the unknown infinite; intellectually we stand on an islet in the midst of an illimitable ocean of inexplicability. Our business in every generation is to reclaim a little more land.

- **Т. Н. Huxley, 1887** (Sagan, 2013). – *Известное – конечно, непознанное – безгранично; интеллектуально мы находимся на островке посреди беспредельного океана необъяснимого. Наша задача – с каждым новым поколением отвоевывать себе немного больше земли.*

Томас Генри Гексли. 1887 (Саган, 2008).

Одной из прагматических интенций, реализуемых цитатой-заместителем в англоязычном НПД, является передача исторического свидетельства с опорой на слова иного автора, используемая в случае, когда информация, содержащаяся в цитате, передается без дополнительного пояснения автора, не требуя экспликации. Так, к примеру, К. Саган упоминает историю из жизни философа Фалеса, которая передается со слов Аристотеля. При этом упоминается произведение *Politics*, из которого взята данная ссылка:

*Very little is known about the personal life of Thales, but one revealing anecdote is told by Aristotle in his **Politics**: ...* (Sagan, 2013). – *Мы очень мало знаем о жизни Фалеса, но сохранилась история, рассказанная **Аристотелем** в его «**Политике**» (книга 1, IV.4. – Пер.): ...* (Саган, 2008).

Рассмотрим случаи употребления цитат-заместителей в русскоязычном НПД. Оказионально в тексте В.Г. Сурдина встречаются заимствования из художественной литературы, используемые для передачи имплицитной информации с соответствующими литературными пресуппозициями. Так, к примеру, автор приводит строки из классического стихотворения Маяковского «Послушайте!», чтобы отразить эмоции восторга, возникшие у журналистов:

Послушайте! Ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно? (Сурдин, 2011).

Дальнейший анализ примеров цитат-заместителей в русскоязычном НПД

позволил выявить специфику их применения, когда оценочное отношение к определенному исследователю репрезентируется через высказывание другого автора, содержащее слова с оценочным оттенком. Например, в следующем отрывке автор приводит цитату Ю.А. Короленко, содержащую негативную оценку попытки найти название планеты (*плохой имятворец*), тем самым избегая прямой критики исследователя. Таким образом, автор эксплицирует оценочное суждение косвенно, замещая собственную прямую речь словами другого автора:

По поводу Урана Ю. А. Карпенко пишет: «Выдающийся английский астроном Вильям Гершель (1738–1822), открывший в 1781 г. седьмую планету Солнечной системы, оказался плохим имятворцем...» (Сурдин, 2011).

Помимо прагматического обоснования типов цитирования отметим также способ интенционального введения антропонимов как выражения отношения к автору цитаты. Антропонимы в тексте В.Г. Сурдина представлены в нескольких вариациях, а именно с приведением инициалов (*Ю.А. Карпенко*), имени и фамилии (*Джон Гершель*) и только фамилии (*Гершель*), в то время как в англоязычном НПД полное имя используется по преимуществу для введения нового антропонима, знакомства его с читателем, когда в случае остальных упоминаний автор ограничивается одной фамилией². Однако, подобная фамильярность не маркирует негативное отношение говорящего к человеку, поскольку представляет одно из правил оформления библиографических ссылок в англоязычном научном дискурсе, согласно Harvard [Author-Date] Referencing System, где при упоминании автора указывается только его фамилия (Cavanagh, 2014, p. 10). Значит, упоминание автором только фамилии соответствует нормам этики в научном дискурсе в англоязычной лингвокультуре.

В заключение отметим, что проведенный анализ свидетельствует об общепринятом нормативном способе введения ссылок в научно-популярный дискурс на русском языке, даже более последовательном в некоторых случаях по сравнению с собственно научным. Так, В.Г. Сурдин регулярно вводит

² Общее количество упоминаний фамилии И. Кеплера в тексте К. Сагана насчитывает 121 ед., в то время как упоминаний полного имени 7 ед.

непосредственно в текст библиографические ссылки, что обусловлено отсутствием списка литературы. Кроме того, приведение цитаты на языке оригинала позволяет судить о высоком уровне предполагаемых пресуппозиций читателя, который должен владеть языком оригинала для корректного восприятия содержания цитаты. При этом можно сделать вывод о прагматической нацеленности русскоязычного научно-популярного дискурса на более подготовленного читателя, способного использовать приводимую адресантом информацию в полном объеме. Напротив, англоязычный дискурс астрономии репрезентирует упрощенный тип интертекстуальных включений, когда К. Саган называет лишь инициалы или имя автора, при этом остальные библиографические данные не вводятся, что повышает информационную плотность высказывания, но представляет поиск упомянутых источников заинтересованному читателю.

2.3. Имплицитность авторского присутствия в аспекте непрямого воздействия на читателя

Несмотря на явное преобладание в научно-популярных текстах эксплицитных средств маркирования присутствия автора, прагматически и коммуникативно значимым является и не прямая авторизация повествования, о которой упоминалось в разделе 1.4. Имплицитные знаки при изложении информации составляют основу непрямого авторского воздействия, реализуемого в научно-популярном тексте посредством различных форм конвергенции стилей, знаковых систем и призванного поддерживать когнитивно-мыслительную активность читателя посредством презентации фактов окружающей действительности на основе эмоционально-экспрессивной модификации, а также внедрения в них «скрытой валентности на говорящего» (Падучева, 2011, с. 4).

В первую очередь, определимся с понятием имплицитности, которое является особым результатом действий автора, запускающего ассоциативно-мыслительную деятельность адресата. В понимании Н.Д. Арутюновой, имплицитность представляет собой основополагающее свойство человеческой речи, обеспечивающее ситуацию, когда план содержания занимает гораздо больший объем, чем план выражения. Как подчеркивает исследователь, «человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остаётся невысказанное, невыразимое, ненаречённое, неизречённое» (Язык о языке, 2000, с. 433). Это значит, что в рамках сообщения остается широкое поле дополнительных значений, выражающих коммуникативную интенцию автора, его миропонимание и ценностные приоритеты. Имплицитные смыслы способны дополнять передаваемые знания, но, с другой стороны, они могут осложнять эксплицитные значения, требуя бóльших интерпретационных усилий, так как восприятие образного, переосмысленного значения представляет собой субъективную индивидуально-декодирующую деятельность читателя. Н.Д. Арутюнова констатирует, что «метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» (Арутюнова, 1999, с. 380).

Рассмотрение явлений авторской имплицитности в плане непрямого воздействия выявило некоторые функциональные особенности ее реализации в тексте НПД. Используя имплицитные средства выражения субъектного взаимодействия, автор решает задачу привлечения внимания адресата, стимуляции его мыслительной активности, запоминания содержания. При этом процесс смыслообразования, происходящий с использованием имплицитных языковых средств, актуализирует как осознанное, так и неосознанное использование коммуникативных средств и стратегий нескольких функциональных стилей, что приводит к целенаправленному «обману» ожиданий читателя, заставляющему его сконцентрировать внимание. Согласно В.Е. Чернявской, высказывания, сформированные через комбинированное

использование нескольких типов текста, имеют большой потенциал воздействия на адресата, поскольку «самобытная оригинальность, неожиданность в выборе формы такового высказывания через имитацию иного типа текста только усиливает, прагматически фокусирует воздействующее назначение текстового целого» (Чернявская, 2009, с. 115). Исследователь говорит об «интетекстуальном напряжении», создаваемом сменой дискурса и игрой с дискурсами, монтажом и смешением текстотипов (там же, с. 221-222).

Удивленный подобным выбором языковых средств адресат с большей вероятностью продолжит ознакомление с информацией, изложенной в научно-популярном тексте, повышая степень усвоения транслируемых знаний. Авторское использование различных форм конвергенции функциональных стилей в границах текста отмечает также и А.И. Милостивая, выделяя экспликацию личностного начала в газетно-публицистическом стиле посредством введения элементов нарративного повествования, т.е. его эссеизации (Милостивая, 2017, с. 194). Выделение автором нарративного начала для формирования личностной связи с адресатом характерно и для научно-популярного дискурса.

В процессе анализа материала нами были выделены следующие типы имплицитной авторизации:

1) имплицитная авторская позиция, представляющая собой ряд оценочных смыслов, которые не включены непосредственно в содержание предложения, но продуцируются субъектом коммуникации с опорой на пресуппозиции адресата, контекст речевой ситуации и непрямую оценку, заложенную автором (Пантеева, 2020, с. 128). В качестве средства реализации такого непрямого воздействия могут выступать олицетворение, метафорические переосмысления, идиоматические выражения с оценочной семантикой;

2) имплицитные знаки присутствия автора, раскрывающие дополнительные смыслы в плане экспликации речевого замысла автора через контекст их употребления и фоновые знания адресата. Этот тип авторской имплицитности представлен средствами авторской выявленности на

грамматическом и текстовом уровнях, когда автор стремится привлечь внимание читателя, отсылая его к знакомым пресуппозициям, выразить собственное мнение при помощи выражений с переносным значением. При этом актуализируется функция хеджирования, дающая возможность избежать критики в свой адрес и одновременно акцентировать авторскую позицию в доступной для адресата форме (Шумилина, 2021, с. 485). Как показал анализ, эту функцию способны выполнять такие средства, как метафора, речевые клише, штампы, компрессирующие знаки препинания.

Категорию имплицитной оценки мы рассмотрим подробнее в разделе 2.4. в рамках изучения различных форм авторской оценочности, в то время как задачей данного раздела является рассмотрение не явно выраженных ЗАП, позволяющих автору оказывать опосредованное влияние на индивидуальное восприятие излагаемых событий и фактов.

Прагматически значимым способом реализации непрямого воздействия на читателя можно считать конвергенцию функциональных стилей, репрезентируемую лингвистическими средствами и речевыми приемами различных дискурсов, формирующими вербальную и невербальную текстовую систему имплицитных ЗАП в научно-популярном дискурсе астрономии. Реализуя аттрактивную и воздействующую функции, ученые-популяризаторы нередко заимствуют значимые для повествования средства из вербальной и невербальной систем смежных дискурсивных формаций. Как мы отмечали в разделе 1.1. диссертации, научно-популярная коммуникация представляет собой дискурсивную разновидность контаминированного типа, являющуюся результатом внутриязыкового перекодирования сложного научного содержания с использованием стилевых особенностей смежных дискурсов, в совокупности формирующих нежесткий характер научно-популярного дискурса. Поэтому на данном этапе мы рассмотрим имплицитные ЗАП, воплощающие особенности взаимодействия НПД с другими дискурсивными практиками.

Закономерно, что мы обратимся, в первую очередь, к сфере пересечения стилевых особенностей **научного дискурса** с дискурсом популярной науки,

основополагающие параметры которых были представлены в сопоставительном плане в разделе 1.2.2. диссертации. Во-первых, из лексико-семантического пространства научного дискурса в НПД заимствуется терминологический аппарат, а также стандартные речевые клише, присущие научному способу представления информации. Уместное использование терминов, клише и общепринятых выражений научного стиля обеспечивает реализацию информативной функции научной деятельности, позволяющей актору как информирующему интерпретатору передать объективные научные данные, как они представлены в исходном тексте. Прежде всего, рассмотрим особенности терминологического устройства англоязычного НПД в аспекте приверженности автора к терминологизации повествования. Содержание астрономического дискурса на английском языке предполагает широкое использование математических символов, цифровых данных. В приведенном ниже примере автор использует число в степени 10^{33} для передачи большого численного значения, включая его пояснение и упрощая тем самым восприятие объективных числовых данных посредством внутриязыкового перекодирования исходного текста:

... one in a billion trillion trillion (10^{33} , a **one followed by 33 zeroes**)* (Sagan, 2013). – *...одного к миллиарду триллионов триллионов (10^{33} , **единица с 33 нулями**)* (Саган, 2008).

Пограничный характер терминологического аппарата НПД, широко использующего физические формулы и величины для описания научных явлений, обусловлен задачей обеспечения достоверности приводимых фактов, активизации аналитического мышления читателя. Так, например, в научно-популярный текст заимствована формула вычисления ускорения:

*With a continuous **1 g** acceleration, after one year in space we would be traveling very close to the speed of light [$(0.01 \text{ km/sec}^2) \times (3 \times 10^7 \text{ sec}) = 3 \times 10^5 \text{ km/sec}$]* (Sagan, 2013). – *При постоянном ускорении **1g** за год полета мы должны приблизиться к скорости света [$(0,01 \text{ км/с}^2)(3 \cdot 10^7 \text{ с}) = 3 \cdot 10^5 \text{ км/с}$]* (Саган, 2008).

Кроме того, в процессе анализа было отмечено включение данных из научного дискурса химии, в частности, символов химических элементов,

необходимых для объективной передачи когнитивной информации, опущение которых привело бы к неоднозначности и недопониманию. Следует отметить, что сначала приводится полное название химического элемента, а в скобках дается его терминологическое обозначение:

*Air is made mostly of the atoms **nitrogen (N)**, **oxygen (O)**, **carbon (C)**, **hydrogen (H)** and **argon (Ar)**, in the molecular forms N_2 , O_2 , CO_2 , H_2O and Ar (Sagan, 2013).*
 – *Воздух в основном состоит из атомов **азота (N)**, **кислорода (O)**, **углерода (C)**, **водорода (H)** и **аргона (Ar)** в форме молекул N_2 , O_2 , CO_2 , H_2O и Ar (Саган, 2008).*

Как показал сопоставительный анализ, русскоязычный дискурс астрономии демонстрирует более глубокое взаимодействие с терминосистемами смежных научных дисциплин, обнаруживая бóльшую степень семиотической кодовой конвергенции повествования. Заимствованию подвержены физические обозначения и показатели из оптики – раздела физики, который изучает поведение и свойства света. Использование таких терминов обеспечивает введение более детальной справочной информации о принципе работы телескопов и их разновидностях:

*В видимом диапазоне, на волне длиной 500 нм, в подавляющем большинстве случаев **r0** лежит в интервале от 2 до 20 см; условия, когда **r0** = 10 см, нередко считаются типичными (Сурдин, 2011).*

Помимо этого, используются справочные данные из химии и ядерной физики, что позволяет описать особенности процессов в недрах звезд. Из этого следует, что потенциальному адресату необходимо обладать знаниями в области ядерных реакций, что может усложнить восприятие текста, обеспечивая, однако, сохранение всей полноты информации, присущей исходному научному тексту. Это значит, что в тексте В.Г. Сурдина используется справочная информация, предназначенная не для неискушенного, а для достаточно подготовленного читателя:

*Эволюция светимости двух протозвезд, имеющих массы чуть больше и чуть меньше нижнего предела (**0,07 $M_{\odot}$**), необходимого для протекания термоядерной реакции с участием легкого изотопа водорода (**$4H \rightarrow He$**) (Сурдин, 2011).*

В тексте В.Г. Сурдина неоднократно приводятся научные и технические обозначения приборов на английском языке, перевод которых дается непосредственно после такого включения, что позволяет репрезентировать оригинальный термин в изначальном виде, делая его понятным для восприятия адресата:

Для продолжения этих исследований в 2004 г. США отправили к Меркурию зонд «Messenger» (Mercury Surface, Space Environment, Geochemistry, and hanging – «поверхность Меркурия, космическое окружение, геохимия и систематизация») (Сурдин, 2011).

Коммуникативно-прагматическая эффективность НПД астрономии обеспечивается в значительной степени типичными для научного дискурса речевыми клише, способствующими когезии изложения, логической связности предложений (*следовательно, таким образом, соответственно*), глаголами выражения соответствия (*представлять собой, соответствовать, являться*). Для грамматической системы научно-популярного дискурса характерны также синтаксические конструкции, преимущественно используемые в научной речи, к примеру, емкие по содержанию безличные односоставные предложения:

Запланировано, что работа аппарата «Кассини» продолжится до 2017 г. (Сурдин, 2011).

Особый интерес и прагматическую ценность представляет взаимодействие НПД астрономии с художественным дискурсом, главная функция которого – эстетическая. Как показал анализ, непрямая коммуникация автора с читателем происходит посредством прагматического фокусирования с использованием средств выражения экспрессии, оказывающих воздействие на эмоциональную, субъективную сторону восприятия содержания читателем. Воздействующая функция НПД астрономии реализуется с помощью образно-экспрессивных средств художественной выразительности, предопределяя эмоциональную реакцию потенциального адресата, обогащая его научную картину мира, что в первую очередь достигается в тексте за счет метафорических переосмыслений. Исследователи авторской прагматики выделяют категорию метафоры как

средства имплицитной авторизации, отражающего прагматическую направленность языка популярной науки, одним из инструментов реализации которой в поле внутренней диалогизации выступает метафора (Мишанкина, 2015, с. 127). Метафора, отражая интенционально обусловленное столкновение смыслов, определяет способ структурирования информации и авторского смыслообразования, позволяя привлечь и удерживать внимание адресата в нужном для автора ключе. Одна из уникальных особенностей этого механизма познающего сознания состоит в том, что метафора принимает активное участие в «категоризации языка, процессах мышления и восприятия», при этом нельзя не отметить ее важную роль «в построении концептуальной и вербальной систем человека» (Смолина, 2016, с. 67).

Следует отметить, что исследователи имеют разные мнения по поводу наличия авторизирующего потенциала метафоры. С одной стороны, подчеркиваются прагматический характер употребления метафоры, используемой для поиска смыслового эквивалента предмету или явлению с помощью метафорического значения, что сводит функции метафоры к стилистическому оформлению текста (Блэк, 1990, с. 156). С другой стороны, некоторые исследователи усматривают функциональную основу использования метафоры в личности говорящего, который с ее помощью передает когнитивное содержание с целью задаваемого воздействия на читателя. При этом считается, что сама метафора передает лишь словарное значение двух денотатов, и только личность истолкователя определяет метафорическое значение образа (Дэвидсон, 1990, с. 174). В нашем исследовании мы придерживаемся второй позиции. Следовательно, функция метафоры как знака авторского присутствия заключается в совпадении толкования образа автором и читателем, эффективность которого зависит от когнитивного содержания метафоры, что и является предметом рассмотрения в данном разделе диссертации.

Однако здесь необходимо провести важное функциональное разграничение двух значимых для нашего материала категорий метафоры – концептуальной и языковой. Первый тип метафоры, рассматриваемый в

работах по когнитивной лингвистике, представляет собой инструмент реализации концептуализирующей функции, предполагающей создание представлений о действительности и способствующей ее переработке, которая происходит в результате «переосмысления одного концептуального поля при помощи понятий другого» (Степанов, 2021, с. 37). Так, в понимании В.Г. Сурдина, *Наука – та же разведка* (Сурдин, 2011), как это уже обозначено в названии его книги. Вторая разновидность метафорического выражения, в свою очередь, является смысловым развитием концептуальной метафоры, вербализованной с помощью языковых средств. Важно отметить, что процесс формирования нового концепта предполагает выделение когнитивных признаков какого-либо предмета или явления, значимых для формирования его образа в сознании, способного послужить объектом сравнения с другими феноменами (Болдырев, 2004, с. 32).

Мы исходим из того, что образно-экспрессивные средства представляют собой прагматически значимый инструмент реализации функции интерпретативного информирования, реализуя и раскрывая авторские ретроспективные рассуждения, гипотезы, предположения и мотивы действий субъекта и представляя описываемые явления и объекты в индивидуально-авторском переосмыслении (Серебрякова, 2024, с. 76).

Функциональная природа языковой метафоры в дискурсе популярной науки обуславливает критичную важность ее использования для получения читателем нового знания и его включения в свою научную картину мира. Так, метафора служит в тексте НПД для того, чтобы посчитать некое «свойство общим для разнотипных объектов, <...> объединять разнородные объекты в единую систему», в том числе по той причине, что она «используется и там, где описываются недоступные для непосредственного наблюдения объекты либо гипотетические объекты, не включенные в эмпирические исследования» (Еремина, 2011), что особенно актуально для НПД астрономии, изобилующего абстрактной терминологией. Рассмотрим примеры заимствования языковых метафор из вербальных систем других дискурсов.

В русскоязычном научно-популярном дискурсе предметы или явления нередко наделяются антропоморфными признаками (*чувствовать эмоции, демонстрировать волю*), что обусловлено необходимостью систематизировать свойства и признаки предмета при помощи его уподобления с живым человеком, сгруппировать разрозненные свойства в единую научную картину. Способ отображения переносного значения в метафорическом выражении представляет собой прямое заимствование из художественного дискурса и подчиняется схожим законам. Следующий пример демонстрирует использование метафоры на текстовом уровне при введении заголовка подраздела, посвященного описанию исторических условий хранения и использования телескопов. Неодушевленному предмету присваиваются при этом действия живого существа посредством глагола *жить*, что позволяет кратко описать содержание дальнейшего повествования. На синтаксическом уровне адресант использует риторическую конструкцию, стимулируя когнитивные механизмы читателя:

Где живет телескоп? (Сурдин, 2011).

Большое внимание в области непрямой авторизации уделено в тексте В.Г. Сурдина описанию астрономического оборудования через приписывание ему человеческих свойств или поступков. При этом адресант проводит параллели между событиями в жизни, рабочей деятельности человека с аналогичными событиями в «жизни» телескопа. В приведенном ниже контексте автор актуализирует соответствие между «важными моментами» для телескопа и рождением человека. При этом он ограничивает метафоричность высказывания, выделяя лексему *рождение* кавычками, добавляет дополнительное пояснение для читателя в скобках, прерывая тем самым метафорическую цепочку и возвращая читателя к реальному образу предмета:

Есть несколько моментов, которые можно назвать его «рождением»: – получение первой фотографии неба, торжественное открытие с разрезанием ленточки в присутствии гостей и начальства (бутылку шампанского о телескоп не разбивают) (Сурдин, 2011).

Аналогичный прием применяется и в тексте К. Сагана, где антропоморфные

признаки присваиваются звездам (возраст, характер, образ жизни). Так, он использует языковую метафору в качестве основы для раскрытия содержания 9 главы произведения: *The Lives of the Stars (Жизнь звезд)* (Sagan, 2013). Кроме того, в дополнение к антропоморфному уподоблению автор активно использует ряд однородных членов с целью облегчения декодирования переосмысленных свойств объекта или предмета. Так, к примеру, в следующем далее контексте адресант уподобляет различные типы звезд человеку, группируя их на основании возрастной категории (*young, middle-aged, elderly*). При этом автор дополнительно характеризует объект с помощью второго однородного члена предложения (*hot, conventional, dying*), используя принятые в языке астрономии нормы описания звезд и, тем самым, дополняя метафору антропоморфными признаками:

*Blue stars are **hot and young**; yellow stars, **conventional and middle-aged**; red stars, often **elderly and dying**; and small white or black stars are in the final throes of death* (Sagan, 2013). – Голубые звезды – **горячие и молодые**; желтые – **похолоднее, среднего возраста**; красные звезды, как правило, **старые и умирающие**; а вот маленькие белые и черные звезды стоят на пороге смерти (Саган, 2008).

Источником появления в тексте К. Сагана метафорических выражений зачастую служат библейские сюжеты, которые обеспечивают узнаваемость описываемых объектов и явлений посредством дополнительной авторской экспрессии и красочности повествования. Так, в приведенном ниже контексте К. Саган описывает разнообразие форм жизни на земле с помощью метафоры *molecular Garden of Eden*, реализуя аллюзию на известную библейскую историю. При этом автор делает отсылку к известным в англоязычной культуре речевым пресуппозициям, доступным для читательского восприятия:

*Four billion years ago, the Earth was a **molecular Garden of Eden*** (Sagan, 2013). – Четыре миллиарда лет назад Земля была **молекулярным Эдемом** (Саган, 2008).

Подчеркнем прагматически значимую роль одного из частотных метафорических описаний в НПД астрономии, а именно развернутой метафоры, способствующей повышению экспрессивности и обеспечению целостности

восприятия, что характерно для НПД обеих лингвокультур. Сущность развернутой метафоры заключается в использовании аналогии для подкрепления сходства разных предметов и явлений, имеющих коррелирующие черты. При этом данные предметы могут быть взяты из разных терминологических систем (физики, химии или биологии). Развернутая метафора в тексте НПД функционирует «не только на уровне лексемы, но и на уровне отрывка текста или всего текста» (Овагимян, 2020, с. 147). Следовательно, когнитивно-прагматическое содержание развернутой метафоры способно посредством цепочки ассоциаций подробно эксплицировать авторское толкование описываемого феномена, создав о нем целостное представление в сознании читателя.

Помимо использования уже упомянутой метафорической аналогии «телескоп-человек», В.Г. Сурдин обращается также к финансово-экономическим проблемам, критикуя, в частности, незаконную продажу наименований звезд, используя концептуальную метафору *звезда – товар*, что подтверждается названием первой главы книги «Звезды на продажу», используемым автором в качестве исходной позиции последующего изложения. В приводимом далее примере автор характеризует пригодность звезд для продажи типичными для рекламного дискурса прилагательными *надежный, неприхотливый*, приписывая им характерные для товара свойства (*не теряющие товарный вид, имеющие немалый гарантийный срок*), развивая и поддерживая функционирование концептуальной метафоры. При этом когнитивное содержание данной метафоры состоит в раскрытии авторского мнения в продаже названий звезд всем желающим:

Звезды – товар надежный: они неприхотливы в хранении, долго не теряют товарного вида, имеют немалый гарантийный срок (в среднем 10 млрд лет!) и достаточно удалены как от ракетиров, так и от государственных инспекций (Сурдин, 2011).

Отметим авторское использование речевых клише и выражений положительной семантики, характерных для рекламного дискурса.

В русскоязычном НПД активное использование, в первую очередь уже в

названии книги, получает аналогия изучения небесных тел с разведывательной деятельностью, помогающая доступным образом объяснить смысл и порядок действий астронома-любителя, популяризовать данные занятия в широкой читательской аудитории. Немаловажную роль играет при этом романтизация профессии астронома, ее сравнение с работой разведчика и очевидная положительная оценочность. Для решения такой задачи В.Г. Сурдин применяет ряд концептуальных метафор, помогающих выстроить образ астронома, исследователя далеких планет. Так, в корреляции с названием книги автор применяет концептуальную метафору *разведчики – элита армии* для актуализации высокого статуса и стратегического значения профессиональной деятельности астрономов. Далее, чтобы акцентировать параллели между астрономией и разведкой планет, автор проводит знак равенства между этими понятиями. Кроме того, упоминание современной астрономии позволяет привлечь в данную профессию большее количество заинтересованных, что актуализирует мотивирующую функцию науки:

Разведчики – это элита армии... Современная астрономия – это разведка Вселенной (Сурдин, 2011).

Текст К. Сагана также содержит неоднократное применение развернутой метафоры как концептуальной основы повествования (*Земля – дом, жизнь – музыка*). Однако она не имеет сопоставимого влияния на уровне всего текста, где преобладающим средством передачи метафорического значения остается языковая метафора. Так, в следующем примере автор проводит аналогию между исследованиями в области органической химии и написанием музыки, тем самым приравнивая ученого к музыканту, композитору. Следовательно, цель использования подобной метафоры состоит в романтизации деятельности ученого, репрезентации ее как творческого процесса:

*In my laboratory at Cornell University we work on, among other things, prebiological organic chemistry, **making some notes of the music of life*** (Sagan, 2013). – *В лаборатории Корнеллского университета мы среди прочего занимались предбиологической органической химией, **пытаясь сыграть***

отдельные ноты музыки жизни (Саган, 2008).

В процессе анализа выявленных развернутых метафор в англоязычном тексте мы также установили, что концептуальная метафора используется в основном в качестве связующего компонента метафорического соответствия, освежая в памяти читателя содержание аналогии, употребляемой на протяжении длинных отрезков текста. Так, автор использует метафорическое противопоставление *Heaven and hell* (Sagan, 2013). – *Небеса и преисподняя* (Саган, 2008) в названии одной из глав книги для сравнения условий жизни на Земле и других планетах Солнечной системы, обозначая исходную позицию анализа. Далее, на с. 123, автор повторно обращается к метафоре, приравнивая понятия *Earth* и *heaven: But the Earth is just right, a heaven for humans* (Sagan, 2013). – *А Земля в буквальном смысле рай для людей* (Саган, 2008). Следовательно, развернутая метафора в англоязычном тексте служит обоснованию авторского хода изложения, его образного мышления, что предполагает применение нескольких типов метафоры для создания целостного образа предмета.

В отношении особенностей взаимодействия научно-популярного дискурса астрономии с газетно-публицистическим и рекламным типами дискурса, отметим широкое использование элементов дискурса СМИ в текстовом пространстве книги В.Г. Сурдина. Реализуя таким образом воздействующую функцию в тексте, автор использует штампы и клише, направленные на убеждение читателя в верности своей позиции. Отдельного внимания заслуживает иронический стиль изложения, использование подобных выражений для акцентирования внимания на важных отрезках текста и обеспечения влияния на его восприятие. В следующем предложении автор подчеркивает различие между настоящей работой астронома и услугами по продаже названий звезд, иронизируя по поводу предложения подобных «услуг» и подчеркивая данную разницу посредством ее заключения в кавычки:

Я подтвердил, что изучением звезд мы занимаемся, но присваивать им имена, да еще за деньги – такой «услуги» у нас нет (Сурдин, 2011).

Как уже отмечалось выше, одна из глав книги «Звезды на продажу»

посвящена авторскому изучению явления нелегальной продажи названий звездных тел любому желающему, что напрямую показано в названии главы и далее находит отражение в содержательной структуре данного раздела, выполненного в духе журналистского расследования. Как мы отметили в начале данного раздела, процесс эссеизации, характерный для газетно-публицистического стиля, имеет место и в НПД астрономии, оказывая влияние на восприятие образа автора посредством прагматического фокусирования читательского внимания, добавления элементов неожиданности в нормативный язык популярной науки. Особенностью авторского способа изложения является адекватное использование речевых выражений и рекламных клише для убедительного раскрытия своей позиции с целью воздействия на мнение адресата и изменение его отношения к данной проблеме:

... я не до конца поверил услышанному; рассказ незнакомца показался мне каким-то бредом... все это оказалось чистой правдой... не могли сдержать восторга (Сурдин, 2011).

Позиция автора выражена прямым способом, с использованием средств индивидуально-авторской оценки, что является характерной чертой дискурса СМИ. Таким образом, можно констатировать, что научно-популярный текст на русском языке демонстрирует конвергентность стилей, когда в прагматических целях в него вводятся языковые пассажи, характерные для жанра журналистской статьи и рекламного сообщения, что делает повествование более ярким и убедительным. В дискурсе К. Сагана процесс стилевой конвергенции имеет место в пассажах, заимствованных из художественных текстов или изначально написанных с использованием речевых приемов художественного стиля, способствующих экспрессивизации повествования и более успешному усвоению и запоминанию научных сведений.

Специфический характер контаминированного типа НПД предполагает взаимодействие в рамках текстового пространства как различных дискурсивных практик, так и комбинированное использование вербальной/невербальной знаковых систем. Рассмотрим прагматические задачи

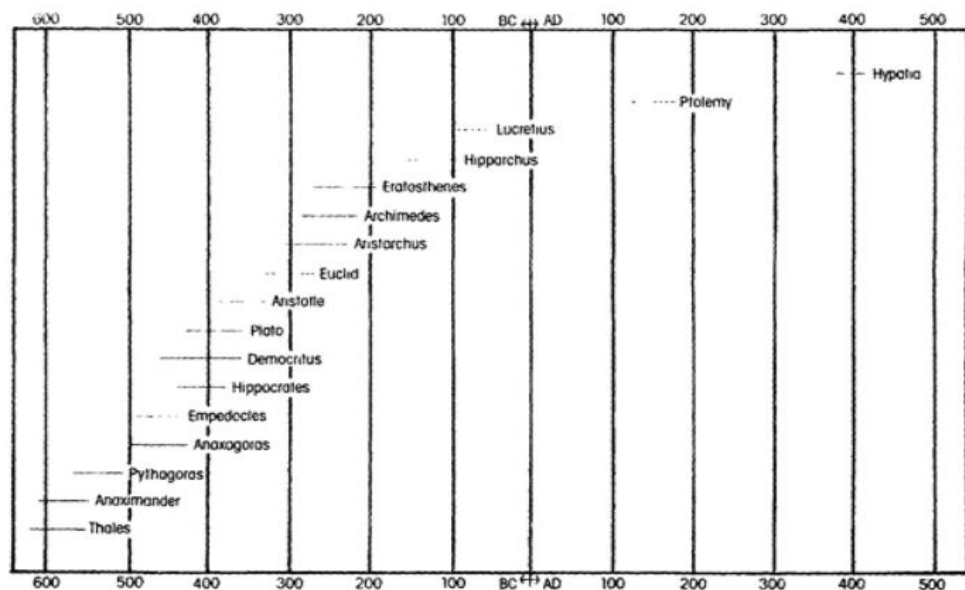
использования невербальных знаков авторского присутствия в научно-популярном тексте двух лингвокультур.

Отличительной особенностью текста В.Г. Сурдина является применение гипертекстовых ссылок для обеспечения читателя дополнительными источниками информации, при этом следует выделить ссылки на веб-сайты организаций астрономов любителей и профессионалов (с. 122-123), сайты научно-популярных журналов и серий книг (с. 130), официальные сайты международных астрономических организаций, таких как МАС (с. 132) и Международная ассоциация темного неба (с. 240), с помощью которых автор дополняет и расширяет информационное пространство книги посредством включения внешних источников, стимулируя адресата к углублению своих знаний и самостоятельному поиску заинтересовавшей его информации. Второй тип гипертекстовых включений репрезентирует ссылки на источники фотоматериалов, защищенные лицензионным соглашением (с. 422, 426). Включение подобных источников гарантирует правомерность использования любых сторонних графических материалов в тексте, демонстрирует приверженность адресанта закону об авторских правах. Третий тип подобных ссылок представляет наглядные материалы, результаты работы исследователей звездного неба, размещенные на сайте Европейской южной обсерватории (с. 242), а также на сайте с управляемым роботом-телескопом (с. 202), позволяющим на личном опыте изучить принципы работы астронома-любителя, что стимулирует интерес к данной области деятельности.

Кроме того, речевая система научно-популярного дискурса демонстрирует комбинированное использование вербальных и невербальных знаковых систем в их тесной взаимосвязи. Среди основных форм невербальной коммуникации в научно-популярном тексте можно выделить прагматически значимый механизм визуализации, реализуемый как традиционными для научного дискурса способами (таблицы, диаграммы, фотографии, инфографика и т. д.), так и не характерными для него (карикатура, комикс) (Зарубина, 2025, с. 272). Средства визуализации, выполняющие в рассматриваемых нами

разноязычных текстах различные функции, такие как репрезентирующая, информативная и воздействующая. Кроме того, мы выделяем субъективно-наглядную функцию визуализации, назначение которой состоит в дублировании автором текстовой информации в форме отсылки к собственному опыту и наблюдениям, что создает дополнительный контекст и раскрывает субъективную авторскую позицию.

Пример эффективного взаимодействия вербальной и невербальной знаковой систем можно увидеть на с. 203, где К. Саган размещает в хронологическом порядке список деятелей древнегреческой науки, который является графической репрезентацией информации и наглядной отсылкой, к приведенному ранее контексту (Sagan, 2013). Изображение подкреплено текстовым описанием, расширяющим информационный посыл и выполняющим функцию объективизации и наглядной презентации когнитивной информации (см. также: Hawking, 2001, р. 9–15). Функция подобных элементов в тексте состоит в фиксировании внимания читателя и порождении новых смыслов, позволяющих направить мыслительно-интерпретативный процесс в необходимое для субъекта коммуникации русло и тем самым обогатить астрономическую научную картину мира читателя (рисунок 3).

Approximate lifetimes of Ionian and other Greek scientists between the seventh century B.C. and the fifth century. The decline of Greek science is indicated by the relatively few individuals shown after the first century B.C.

Рисунок 3 – Пример визуализации информации в тексте К. Сагана:
Хронологический список древнегреческих исследователей.

Прагматически значимым средством могут служить авторское изменение типа шрифта и использование пунктуационных знаков с целью привлечь внимание читателя. Так, К. Саган применяет изменение типа шрифта для выделения зон прагматического фокусирования в остальном массиве текста, не требующего повышенного внимания читателя. Следующее предложение демонстрирует выделение термина *atom*, являющегося заимствованием из греческого языка, в целях сознательного акцентирования внимания читателя, подготовки к его последующему введению. При этом в данном предложении также используются кавычки для введения словарного толкования лексемы, маркирования цитаты. Пример приведен в оригинальном форматировании:

*Democritus invented the word **atom**, Greek for “unable to be cut” (Sagan, 2013). – Демокрит придумал слово **атом**, которое в переводе с греческого буквально означает «неделимый» (Саган, 2008).*

В тексте В.Г. Сурдина соответствующая задача решается при помощи другого невербального знака, а именно кавычек. Так, одна из целей авторского использования кавычек в русскоязычном тексте предполагает введение нового термина или приведение альтернативных наименований уже упомянутым явлениям, что позволяет перевести фокус внимания адресата на новое наименование, создав устойчивый мысленный образ:

*Сегодня мы назвали бы это «**давлением солнечного света**» (Сурдин, 2011).*

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о гибридном характере имплицитных знаков авторского присутствия в научно-популярном тексте, формируемых путем конвергенции когнитивно-прагматических особенностей научного, художественного, газетно-публицистического и рекламного стилей как реализации соответствующих дискурсов. Существенную роль в организации текстового пространства русскоязычного научно-популярного дискурса играет процесс эссеизации, позволяющий активно применять стилистико-речевые особенности газетно-публицистического и художественного стилей, тем самым подкрепляя воздействующую функцию коммуникации путем изменения характера субъектного взаимодействия участников научно-

популярного дискурса. В ходе анализа была выявлена значительная роль метафорических выражений в обеспечении воздействующего потенциала научно-популярного дискурса, доминантную роль играют при этом концептуальная метафора и аналогия. Русскоязычный дискурс характеризуется использованием развернутой метафоры для объяснения работы астрономического оборудования, в то время как англоязычный НПД заимствует метафорические сравнения в основном из сюжетов Библии.

Терминологические и буквенно-знаковые обозначения, заимствованные авторами из систем знания различных наук, демонстрируют реализацию информативной функции, стремление следовать объективным законам научного информирования. Эта тенденция проявляется, с одной стороны, в употреблении сложных научных терминов и выражений в русскоязычном тексте, что обуславливает бо́льший уровень терминологизации русскоязычного научно-популярного дискурса, а с другой стороны, в выражении прагматического фокусирования через упрощение научной терминологии в англоязычном тексте. Русскоязычный текст В.Г. Сурдина использует комбинированный способ репрезентации информации посредством сочетания вербальной и невербальной знаковых систем, дублирования информации или введения дополнительных источников при помощи гипертекстовых ссылок. Управление вниманием адресата происходит через изменение типа шрифта в тексте К. Сагана и использование кавычек в тексте В.Г. Сурдина.

2.4. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия

Как уже отмечалось в предшествующем параграфе, категория субъективной модальности в плане ее смыслового развития нацелена в тексте

на экспликацию достоверности высказывания, которая репрезентируется языковыми маркерами уверенности/неуверенности автора в описываемых фактах и явлениях. Однако в последние десятилетия авторы исследований, посвященных изучению многообразия субъективно-модальных значений (Кузьмина, 2011б; Сахарова, 2023б), выделяют дополнительную категорию субъективно-модальных сем, позволяющих выразить характер отношения субъекта к его высказыванию. Среди таких значений можно выделить эмоциональную и интеллектуальную оценку содержания высказывания, указание на источник информации, отношение к способу подачи информации (Кузьмина, 2011а, с. 9).

Как мы установили в разделе 1.2.2. нашего исследования, в процессе прагматического фокусирования внимания на когнитивной информации в тексте научно-популярного дискурса происходит своеобразная «трансформация» языкового кода исходного научного дискурса, в результате которой объективная речь автора наполняется средствами экспрессивизации, позволяющими эффективно реализовать функцию интерпретативного информирования и транслировать ключевые для адресата текста пресуппозиции. При этом, важную роль в процессе трансляции авторских пресуппозиций занимают выводы и средства авторской оценки, которые мы подробно рассмотрим в данном разделе.

Прежде всего, необходимо разграничивать близкие по своей научной дефиниции понятия, чтобы избежать недопонимания при дальнейшем анализе материала. Понятие «оценка» обнаруживает существенные различия с понятием «субъективная модальность», поскольку в отличие от последней она предусматривает обязательное наличие двух компонентов, передающих субъективный смысловой концепт (нравится – не нравится), и объективный, основанный на фактических свойствах объекта оценки (Вольф, 2009, с. 24). Следовательно, категория оценки может существовать параллельно с субъективной модальностью, не будучи полностью включенной в ее состав в качестве отдельного элемента. При этом непосредственное пересечение

категорий оценки и субъективной модальности обнаруживается при совпадении субъекта высказывания с производителем речи, которая является сущностью первой составляющей субъективной модальности в тексте и определяется «отношением говорящего к собственной речи» (Солганик, 1999, с. 367). Подобное совпадение сущностных признаков оценки составляет основу разновидности субъективной модальности, обозначаемой в нашем исследовании термином «авторская оценочность», выражающим непосредственное отношение автора к собственной речи.

Апелляция к оценке отражает когнитивно-прагматическую специфику научно-популярного дискурса, направленного на неподготовленного адресата, что предполагает переосмысление оригинального сообщения посредством внутриязыкового перекодирования. Вследствие этого автор дополняет научные факты собственными размышлениями и оценками, обеспечивая реализацию различных форм диалога, происходящих между адресантом и адресатом (Серебрякова, Кибкало, 2024, с. 75), и воздействуя на него в целях повышения интереса, а также продолжения адресатом мысленной цепочки, начатой автором. Оценочность в большинстве случаев нацелена в тексте на «оказание особого воздействия на адресата. Оценочность тесно взаимодействует с такими языковыми явлениями, как экспрессивность и эмоциональность» (Клименко, 2015, с. 216), которые используются в комплексе для решения задачи стимулирования когнитивной активности читателя в научно-популярном дискурсе.

Важность рассмотрения авторской оценочности в данном исследовании обусловлена ее пограничным статусом как способа авторизации объективного и субъективного компонентов содержания в научно-популярном тексте. В рамках НПД авторская оценочность представляет собой один из самых репрезентативных и прагматически значимых дискурсных маркеров удельного веса авторского присутствия. Вслед за В.Е. Чернявской, оценка определяется нами как «когнитивная операция, в основе которой лежит рефлексивная ценностно ориентированная деятельность человека», которая приобретает объективный характер в языке, при этом «рефлексия обеспечивает доступ к

оценочным установкам и пресуппозициям, стоящим за языковым выражением» (Чернявская, 2022, с. 50). В процессе формирования автором положительного или отрицательного отношения к предмету оценка позволяет передать адресату ключевые установки и авторские пресуппозиции, необходимые для восприятия прагматически переосмысленного научного знания.

Уникальность функционирования средств авторской оценочности в НПД состоит во взаимодействии информационно-объясняющей стратегии, учитывающей когнитивный потенциал и прагматические характеристики адресата, и манипулятивно-воздействующей, результатом чего становится появление специфического дискурса популярной науки, сочетающего жанровую гибридность и средства авторской оценочности нескольких пограничных дискурсивных разновидностей, в частности публицистической и образовательно-педагогической. При этом потенциал средств реализации манипулятивно-воздействующей функции осложнен субъективным компонентом, реализуемым с помощью средств экспрессии и стилистических приемов как имплицитных знаков оценочного авторского присутствия в тексте, при этом раскрывается дополнительный, субъективный подтекст авторского отношения к транслируемой информации (Pounds, 2010, p. 110). В процессе анализа нами будут рассмотрены как эксплицитные, так и имплицитные средства выражения авторской оценочности, при этом прагматическая цель использования разных типов оценки варьируется. Так, эксплицитная оценка характеризует отношение автора к сильным и слабым сторонам установленной теории, в то время как имплицитная оценка передает собственное мнение автора, подкрепленное аргументами других исследователей, совпадающими с его собственными.

В современной лингвистической научной парадигме предлагается следующий способ классификации и систематизации элементов, составляющих процесс формирования оценки, которые определяют цель ее использования: 1) субъект (кто оценивает), 2) объект (что оценивается), 3) оценочные отношения (между субъектом и объектом), 4) мотивы и основания оценки (Зубова, 2025, с. 176). Последние два элемента представляются особо важными для решения

задач настоящего исследования, поскольку их изучение позволит выделить основные коммуникативные интенции и факторы, побуждающие субъекта выражать оценку и обуславливающие выбор языковых средств ее вербализации.

Более того, Т.Б. Зубова справедливо подчеркивает особый характер средств авторской оценочности как ключевого инструмента формирования структуры речевого акта и его содержания, который «определяет подбор языковых средств и формирует коммуникативные отношения между адресантом и адресатом» (Зубова, 2025, с. 177). Опираясь на определенные личные и общесоциальные ценности и мотивы, раскрывающие причины выбора оценочных средств на лексическом, грамматическом и стилистическом уровне языка, адресант задает фрейм восприятия объекта оценки, эксплицирующий авторское отношение к нему. Задача рассмотрения средств оценочности в данном случае состоит в выделении и категоризации способов вербализации оценки на разных языковых уровнях, а также в описании стоящих за ними ценностных оснований и мотивов выражения оценки.

В тексте В.Г. Сурдина экспликация оценки на **лексическом уровне** обусловлена рядом ценностных оснований. Одним из значимых мотивов ее реализации является ценностная ориентация на справедливость, законность научной деятельности. Также дополнительно автором маркируется степень значимости, разработанности исследований. Согласно результатам нашего анализа, прилагательные являются прагматически действенным способом выражения как субъективной, так и объективной оценки, что обусловлено абстрактным характером и их полисемичностью.

Англоязычный текст демонстрирует иные методы выражения оценки при критическом восприятии автором чужого мнения, законности привычного положения дел. К. Саган подвергает оценке слова-эвфемизмы, используемые в научном сообществе для обозначения средств массового поражения, нередко применяя иронию для репрезентации собственной позиции косвенным путем. Автор заключает прилагательное *conventional* в кавычки, акцентируя несправедливость использования подобной номинации для обозначения типа

вооружения и иронично оценивая его наречием *cooly*, которое имеет значение «скромный, застенчивый». При этом собственное мнение по поводу неядерных средств вооружений выражается при помощи прилагательного *devastating*. Таким образом, автор не только подвергает критике установленную в научном сообществе позицию, но и выражает свое мнения с помощью оценочных лексем:

*In the same period, there was a burgeoning international trade in the **devastating** non-nuclear weapons **cooly** called “**conventional**”* (Sagan, 2013). – *В тот же период бурно росла международная торговля **разрушительным** неядерным оружием, которое **скромно** называют «**обычным**»* (Саган, 2008).

Для лексико-семантического пространства текстов научно-популярного дискурса характерны различные способы выражения значимости, актуальности, перспективности и разработанности рассматриваемого явления, что можно обобщенно обозначить как авторское описание места оцениваемого факта в развитии науки, позволяющее передавать соответствующее оценочное значение читателю (Кузьмина, 2011б, с. 28). Мотивом передачи подобного оценочного значения является информирование читателя о существующих в данной области пресуппозициях важности/маловажности описываемых в тексте проблем с целью фокусирования приоритетности изучения одних явлений над другими.

В приводимом ниже примере автор с целью экспликации актуальности научного исследования использует противопоставление прилагательных нейтрального оттенка *интересный*, *важный* с разговорным прилагательным *мизерный*, означающим маленький, незначительный по размерам предмет. Привлечение единиц сниженного регистра, таких как жаргонизмы, разговорные слова, экспрессивно передающих оценочные значения, могут дополнительно реализовать функцию упрощения, компрессии изложения для адекватного понимания адресатом прочитанного. Коммуникативный эффект высказывания усиливается местоименным наречием *столько* и указательным местоимением *такого*. Получившееся в итоге антитетическая конструкция выступает экспрессивным средством, нацеленным на стилизацию способа изложения автора:

*Они искренне удивлялись, как им удалось узнать **столько интересного** и*

важного о Вселенной из анализа такого мизерного количества энергии (Сурдин, 2011).

Текст К. Сагана, в свою очередь, содержит описание значимости научного поиска при помощи обобщенного противопоставления науки с различными суевериями и псевдонаучными практиками. Мотив употребления средств оценочности здесь смещается с информирования читателя о важных исследованиях в сторону критики лженаучных практик и сомнительных результатов, которые автор воспринимает как малозначимые и необъективные. При этом роль оценочной лексики заключается в субъективизации изначально нейтральных терминов *superstition*, *pseudoscience*, *science* путем их характеристики с помощью прилагательных *pallid*, *important*, подчеркивающих значимость и превосходство научного метода. Кроме этого, важность последнего подчеркивается глаголами с позитивной ценностной коннотацией *pursue*, *understand* и словосочетанием *human endeavor*, подчеркивающим гуманистические принципы, стоящие во главе научного поиска. С другой стороны, критике подвергаются притязания первых на истинность, что подчеркивается соответствующим термином с негативным оценочным компонентом *pretensions*:

How pallid by comparison are the pretensions of superstition and pseudoscience; how important it is for us to pursue and understand science, that characteristically human endeavor (Sagan, 2013). – *Как бледно в сравнении с этим выглядят притязания суеверий и псевдонауки; как важно для нас заниматься научными исследованиями – этим принципиально человеческим делом* (Саган, 2008).

Расширение речевой экспрессии в оценках В.Г. Сурдина осуществляется также посредством эмоционализации оценки, которая отличается максимальной репрезентативностью и передается прилагательными, выражающими определенную позицию на шкале «хороший – плохой». Примером подобной авторской экспрессии являются наречия, описывающие признаки действий. Ученый-популяризатор зачастую имплицитно выражает собственное отношение к объекту, избегая прямого маркирования своего мнения, характеризуя его через описание действия с помощью оценочных наречий. В

приводимом ниже предложении адресант применяет наречие *неуважительно*, имеющее в данном контексте двойственное значение. С одной стороны, автор выражает свое несогласие с позицией своих коллег-ученых, считающих Луну спутником Земли, а с другой, устраняет негативную сему данной лексемы, заключая ее в кавычки и деэмоционализируя ее значение. В.Г. Сурдин далее применяет уточнение, подчеркивая, что в рамках этой его книги следует считать Луну *планетой*, используя при этом прием обобщения, упрощая сложную научную информацию и усиливая интерес неискующего читателя:

Например, мы познакомимся с “планетой Луна”, которую “неуважительно” называют спутником планеты Земля (Сурдин, 2011).

С другой стороны, формы выражения эмоциональной оценки в англоязычном тексте принимают эксплицитный характер, при этом зачастую средства авторской оценки употребляются на нескольких уровнях языка одновременно, формируя единый комплекс выражения эмоциональной экспрессии. В следующем предложении автор использует несколько лексических и грамматических приемов экспрессии в комплексе, включающем: лексический повтор местоимения *we*, акцентирующего коллективный характер деятельности ученых, глаголы *sifted*, *established*, *fulfilled*, эксплицирующие эмоциональную сему величественности события, образно-метафорические выражения *sift the sands of Mars*, *fulfill a century of dreams*, дополнительно повышающие экспрессивную составляющую высказывания, а также восклицание, прямым образом подчеркивающее оценочность сообщения.

In our time we have sifted the sands of Mars, we have established a presence there, we have fulfilled a century of dreams! (Sagan, 2013). – *Мы уже добрались до Марса, мы исследуем его пески, мы воплотили в реальность то, что столетиями было лишь мечтой!* (Саган, 2008).

В процессе изучения грамматического уровня экспликации оценочности мы установили, что доминирующей формой ее проявления в тексте В.Г. Сурдина являются различные формы выражения «Я-позиции», репрезентированные вопросно-ответными комплексами, которые позволяют избежать недопонимания

между субъектами коммуникации, а также инверсии. В числе первых можно выделить способы непрямого обращения к читателю, включающие риторические вопросы, позволяющие активизировать процесс мыслепорождения читателя. Риторические предложения обладают повышенным экспрессивным потенциалом при всей немногочисленности их употребления.

Как мы подчеркнули в начале данного раздела, имплицитная оценка используется для передачи авторской позиции, подкрепленной чужим мнением, или аргументации, что обусловлено принципами добросовестности и уважения к результатам научной деятельности других исследователей, что не предполагает прямое выражение критики или несогласия с их позицией. Автор обращается к читателю при помощи идущих друг за другом риторических предложений, вводя комментарий по отношению к возможным пресуппозициям последнего. Способы диалогизации авторского общения были проанализированы в разделе 2.2.1. диссертации, далее мы кратко выделим отдельные типы диалогического общения, эксплицирующие индивидуальную оценку автора.

Рассмотрим отрывок из русскоязычного текста, подтверждающий наши выводы. Субъект коммуникации выражает собственное мнение, вступая в мысленный диалог с гипотетическим собеседником и передавая положительное отношение к людям, непрофессионально занимающимся астрономическими наблюдениями. Автор с помощью вопросно-ответной конструкции поднимает актуальный вопрос, стимулируя речемыслительную активность читателя, в то время как вторая его часть ставит под сомнение возможную читательскую пресуппозицию. Существительное *дилетанты*, узואльно выражающее отрицательное отношение субъекта, в данном случае употребляется для расширения понимания семантически близкого понятия *любители*, получая в результате положительную оценку автора посредством категоричного эллиптического выражения *вовсе нет*:

Кто такие эти любители? Дилетанты? Вовсе нет (Сурдин, 2011).

Сравнивая формы маркирования читательских пресуппозиций в англоязычном и русскоязычном текстах, мы обнаружили тенденцию к снижению

степени интенсивности оценки у К. Сагана по сравнению с В.Г. Сурдиным. Принимая во внимание предполагаемые знания адресата, К. Саган склонен использовать более сдержанные выражения для передачи своей позиции, оставляя место для размышления читательской аудитории. В подтверждение этого рассмотрим следующее предложение, где автор отвечает на возможные предубеждения читателя относительно одомашненных животных, прямым путем обозначая свое мнение с помощью лексики *no*. Однако, в отличие от аналогичного русскоязычного контекста, адресант использует лишенное авторского личностного компонента словосочетание *quite different*:

Where do they come from? Were they once free-living in the wild and then induced to adopt a less strenuous life on the farm? No, the truth is quite different (Sagan, 2013). – *Откуда они появились? Может, существовали в диком виде, а затем были приспособлены к менее суровой жизни в человеческом хозяйстве? Вовсе нет* (Саган, 2008).

Кроме положительного или отрицательного маркирования читательских пресуппозиций, авторы используют такое экспрессивное средство, как вопросно-ответный комплекс, основанием для которого является коррекция знаний и предубеждений, доступных читателю. Вопросно-ответные комплексы реализуются с помощью противопоставления выражений неуверенности, дополняющих экспрессивность риторического вопроса, и выражений максимальной степени уверенности, обозначенной восклицанием. Так, приведенное ниже предложение представляет собой вопросно-ответный комплекс, вторым составным элементом которого является восклицательное предложение, выступающее ответом на гипотетический вопрос читателя. Вводное слово *разумеется*, являющееся маркером уверенности высказывания, а также прямое отрицание *нет*, служат цели убеждения адресата в абсолютной верности слов автора:

Но мог ли Ловелл ограничиться теоретическим прогнозом? Разумеется, нет! (Сурдин, 2011).

Как показал анализ, англоязычный текст демонстрирует значительно

меньшую степень выражения авторской экспрессивности, реализуемой посредством восклицательных предложений. В тексте К. Сагана зафиксировано 24 восклицательных предложения против 161 у В.Г. Сурдина. Следовательно, экспрессивность авторской речи в англоязычном тексте также в значительной степени значительно нейтрализована. Так, при ответе на риторический вопрос автор может использовать оценочное выражение *nobody knows*, создавая дистанцию с читателем, снимая долю ответственности за решение поднимаемой проблемы с сообщества ученых и стимулируя читателя к собственному размышлению по поводу данной темы. При этом словосочетание *simple answer* отражает простой характер подобного ответа, когда автор стремится упростить содержание изложения, избежать сложных формулировок, которые могут быть трудны для восприятия адресатом:

*Is there any danger of driving the environment of the Earth toward the planetary Hell of Venus or the global ice age of Mars? The **simple answer** is that **nobody knows*** (Sagan, 2013). – *Существует ли опасность превратить земную окружающую среду в венерианское некло или ледяной ад Марса? **Ответ простой: никто этого не знает*** (Саган, 2008).

Оценочность в тексте В.Г. Сурдина приобретает особую форму при передаче разных размеров небесных тел, подвергающихся авторской оценке. Средством реализации такой оценки выступают суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением *-чек, -ок, -очк(а)*, которые не всегда наделяют слово экспрессивным значением, и их противоположность, репрезентирующая гиперболизированное значение, выраженное аффиксами *-ин(а), -ищ (планетище), супер- (супергигант)*, которые эксплицируют эмоционально-экспрессивный оттенок в любых контекстах (Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 264).

В русскоязычном тексте прослеживается тенденция к оценочной аффиксации, когда автор употребляет оценочное существительное *звезда* с суффиксом *-очк(а)* при описании маленького размера небесных тел в сравнении с более крупными звездами. Значение уменьшительности усиливается также при помощи количественного интенсификатора *сотен тысяч*,

демонстрирующего оценку огромного, но приблизительного количества небесных тел и раскрывающего размеры объекта:

*Клайд сравнивал изображения одних и тех же участков, полученные в разные ночи, с интервалом от 2 до 7 дней, надеясь заметить медленное перемещение одной из **сотен тысяч звездочек** на фоне остальных светил: верный признак того, что это неизвестная далекая планета* (Сурдин, 2011).

Рассмотрим следующий пример, в котором автор использует сравнение для создания устойчивых представлений о двух понятиях, имеющих сходство по некоторому признаку, тем самым облегчая их восприятие. Так, автор сравнивает количество названий, присвоенных звездам, с числом прозвищ преступника. Будучи грамматическим средством выражения оценки, прямое сравнение имеет большое количество вспомогательных лексических средств, позволяющих эксплицировать ее значение. В этом случае автор использует оценочное прилагательное *закоренелый*, эксплицирующее уничижительное, неодобрительное отношение и имеющее значение «застарелый, неисправимый». Таким образом, автор выделяет как незаконный характер практики продажи названий звезд, так и нежелание организаторов остановить нелегальную деятельность. Кроме того, имена существительные стоят на втором месте по употребительности при выражении оценочных значений. Например, на месте нейтрального слова *прозвище* употребляется жаргонная лексема *кличка* вместе с существительным *рецидивист*, выражающая негативное отношение автора и акцентирующая авторское чувство справедливости, законности:

*У некоторых звезд наименований **не меньше, чем кличек у закоренелого рецидивиста*** (Сурдин, 2011).

Значительным прагматическим потенциалом обладает авторская специфика стилистической организации повествования, поскольку именно на данном уровне категория оценки представлена различными средствами экспрессии ярко и многообразно. Подобные средства находят свое воплощение в тексте в виде фразеологических оборотов, метафорических выражений, выполняющих функцию наглядного обобщения или детализации объективной

научной информации с помощью средств образности для облегчения ее восприятия. Большое внимание в тексте В.Г. Сурдина уделяется мотивации когнитивной активности читательской аудитории к самостоятельному научному поиску и размышлению, желания примкнуть к кругу астрономов-любителей. К примеру, фразеологизм *просиживать штаны* используется в качестве элемента иронии, передающего положительное отношение автора к стремительному процессу научных открытий, производимых молодыми учеными, что обуславливает заключение изначально отрицательно коннотированного выражения в кавычки. Имплицитное противопоставление деятельности астрономов-любителей и ученых-теоретиков позволяет сформировать положительный образ первых, пробуждая читательский интерес к деятельности астронома и отражая авторское мнение о подобных достижениях:

Итак, два юных любителя науки, гимназист и студент, не достигнув еще статуса ученого и не “просиживая штаны” над сложными проблемами, смогли сделать полноценные и важные для науки открытия. По-моему, это вдохновляет (Сурдин, 2011).

Набор фразеологических средств, позволяющих автору доступно передавать когнитивную информацию в области астрономии, имеет свою специфику в русском и английском дискурсе. Так, к примеру, в англоязычном тексте употребляется устойчивое выражение *with the naked eye*, означающее наблюдения оптического характера с использованием телескопа или без него. При этом эквивалентное ему русскоязычное выражение *невооруженным взглядом* содержит сему «наблюдение без использования оборудования», что демонстрирует более тесную связь фразеологического компонента авторской речи с речевой нормой языка астрономии в русской лингвокультуре:

A handful of sand contains about 10,000 grains, more than the number of stars we can see with the naked eye on a clear night (Sagan, 2013). – *В пригоршине песка около 10 000 песчинок, больше, чем звезд, видимых в ясную ночь невооруженным глазом* (Саган, 2008).

Авторская оценочность на стилистическом уровне получает реализацию

посредством актуализации новой информации, научных концепций и явлений, которые еще не были выстроены читателем в ассоциативную цепочку. Заимствованные из художественного дискурса приемы сравнительной оценки и олицетворения представляют собой эффективный способ усиления экспрессии, повышения выразительности и акцентирования научных процессов и концепций. Так, В.Г. Сурдин использует прием олицетворения, описывая планету Юпитер, приписывая ей действия, способности живого существа (*почувствовал бы себя неуверенно*), а также отождествляя ее с мифологическим существом (*гигантом*), применяя прием гиперболизации. Благодаря этому, читатель получает возможность задействовать ассоциативную память и представить реальные масштабы размеров планет Солнечной системы. Автор дополнительно подкрепляет свою оценку прилагательным с семой размера *крупный*, а также при помощи наречия *настолько* и частицы *даже*, что в совокупности передает значение пренебрежительного отношения к небольшому размеру Юпитера по сравнению с более крупными экзопланетами, поскольку гиганты в иерархии существ древнегреческой мифологии находятся на значительно более низком положении:

Но чтобы тем из нас, кто ожидал открытия настоящей, крупной планеты, не было обидно, астрономы открыли и такие планеты, причем настолько крупные, что даже гигант Юпитер рядом с ними почувствовал бы себя неуверенно (Сурдин, 2011).

В англоязычном тексте олицетворение используется при описании небесных тел, названия которых восходят к сюжетам из древней мифологии. Отсылки автора к фольклорным или историческим памятникам способствует расширению читательского кругозора, развитию способности выстраивать ассоциации к образам «неживых» тел и явлений, обеспечивая их закрепление в памяти. Так, в следующем контексте автор вводит контрастное метафорическое сравнение *less... than* при описании планеты Венера, проводя параллели с богиней любви из древней мифологии, что вызывает у читателя эмоциональный отклик и тем самым помогает закрепить в памяти условия существования

небесного тела. Адресант также использует при этом яркие описательные словосочетания *searing heat, crushing pressures, eerie reddish glow* (обжигающая жара; разрушительное давление; жуткий красноватый свет) для создания устойчивого образа.

With searing heat, crushing pressures, noxious gases and everything suffused in an eerie, reddish glow, Venus seems less the goddess of love than the incarnation of hell (Sagan, 2013). – *Обжигающая жара, разрушительное давление, ядовитые газы и жуткий красноватый свет* делают Венеру больше похожей не на богиню любви, а на воплощение преисподней (Саган, 2008).

Метафора в качестве одного из средств выражения авторской оценки широко представлена в текстах на обоих языках. Ее использование обусловлено эмотивно-экспликативной ограниченностью научного лексикона, расширение которого позволяет рассмотреть авторскую позицию с нового для читателя ракурса. В следующем контексте автор приводит метафору *углубление в звездное небо* в кавычках, подчеркивая экспрессивный характер данного высказывания. Заключение метафоры в кавычки необходимо для соблюдения нормы оформления интертекстуальных элементов, с одной стороны, и привлечения внимания читателя, с другой. Кроме того, метафора в данном случае является средством снятия тавтологии, перефразирования ранее приведенного выражения:

Для первого “углубления в звездное небо” самым подходящим оптическим инструментом является бинокль (Сурдин, 2011).

Таким образом, экспрессивность средств авторской оценочности в научно-популярном дискурсе астрономии обнаруживает наибольшую функциональную активность на лексическом, грамматическом уровнях, а также на уровне стилистической организации повествования. Эмоциональная оценочность англоязычного дискурса в наибольшей степени репрезентирована на лексическом и стилистическом уровнях, что проявляется в использовании метафорических сравнений с оценочным значением и эпитетов, выражающих критическую оценку, в то время как оценочный характер русскоязычного

дискурса астрономии представлен наиболее разнообразно на лексическом и грамматическом уровнях, демонстрирующих наибольшее разнообразие словоформ и синтаксических конструкций.

На лексическом уровне основными мотивами вербализации оценки выступают авторское критическое восприятие утвердившихся в науке позиций, выражение значимости и перспективности отдельных направлений исследования, а также индивидуальная склонность к передаче эмоционального компонента сообщения. Основанием выражения оценки на грамматическом уровне является маркирование читательских пресуппозиций, убеждение адресата в верности авторского мнения, вариативность оценки размера небесных тел. На уровне стилистической организации подобными мотивами выступают актуализация образов и научных концепций в мышлении читателя, а также продвижение и поддержка деятельности астрономов-любителей.

В сопоставительном плане отметим тенденцию к снижению степени интенсивности оценки у К. Сагана по сравнению с В.Г. Сурдиным. Принимая во внимание предполагаемые знания адресата, К. Саган склонен использовать более сдержанные выражения для передачи своей позиции, оставляя место для самостоятельного размышления.

Выводы по главе 2

Как показал анализ исследовательской картотеки, воздействующий потенциал научно-популярного текста находится в прямой зависимости от авторских механизмов стимулирования познавательной деятельности. Функционально-прагматический потенциал научно-популярного дискурса и реализующие его языковые средства, апеллирующие как к эмоциям, так и к разуму адресата, предопределены чувственно-эмоциональным и рациональным

способом влияния на процесс речемыслительной деятельности читателя. Значительным воздействующим потенциалом обладают при этом используемые авторами механизмы субъективизации, эмоционализации и экспрессивизации, с одной стороны, и механизмы аргументации, убеждения и объяснения, с другой, обеспечивающие в тесном взаимодействии эффективность прагматического фокусирования внимания адресата.

В результате анализа прагматического потенциала эксплицитных средств выражения авторской Я-позиции было выявлено три области влияния автора на потенциального адресата, реализуемые посредством контактоустанавливающей и персонифицирующей стратегий общения, а также стратегии самопрезентации. Ключевыми знаками установления первичного контакта автора с читателем, можно считать заглавие текста, личные и притяжательные местоимения 1 лица, прямо маркирующие авторское присутствие в тексте. Для англоязычного текста характерно преимущественное использование коллективного *we*, которое в сочетании с глаголами гипотетической семантики служит инструментом погружения читателя в тему исследования. Русскоязычный дискурс демонстрирует кратно меньшее количество авторских самоупоминаний, чем англоязычный, и, соответственно, меньшую активность контактоустанавливающей стратегии общения. Анализ показал уникальный характер прагматического фокусирования текста В.Г. Сурдина, где выбор языковых средств выражения авторской позиции обусловлен фактором более подготовленного потенциального адресата.

Когнитивно-прагматические особенности знаков авторского присутствия, эксплицирующих эпистемически-модальные значения, представлены в научно-популярном тексте выражениями уверенности/неуверенности, соответствия/несоответствия ожиданиям и глаголами мысли (*verba sentiendi*). В сопоставительном плане коммуникативные интенции англоязычного и русскоязычного НПД в области использования средств эпистемической модальности демонстрируют противоположные тенденции. Англоязычный адресант поддерживает тенденцию к снижению категоричности повествования,

использованию выражений неуверенности и сомнения для снижения степени ответственности за выдвигаемые тезисы, стимулирования познавательной активности адресата, что обуславливает сближение НПД с публицистическим дискурсом. Русскоязычный научно-популярный дискурс, напротив, демонстрирует обратный процесс категоризации — повествования, сопровождаемый употреблением выражений уверенности, а также сообщением объективной проверенной информации, что сближает его в функциональном плане с научным дискурсом. О более тесном взаимодействии русскоязычного научно-популярного и научного дискурсов свидетельствует также включение полных библиографических ссылок и цитат из научных источников, в то время как англоязычный адресант оперирует упрощенным видом интертекстуальных включений.

В ходе анализа был установлен гибридный характер имплицитных знаков авторского присутствия в научно-популярном тексте, свидетельствующий о межстилевом взаимодействии когнитивно-прагматических параметров научного, художественного, газетно-публицистического и рекламного дискурсов. Заимствования из научного дискурса заключаются в использовании научных терминов, формул и знаковых систем различных наук, а также типичных для научного дискурса речевых клише. Художественная образность научно-популярного изложения обусловлена эссеизацией нарратива, включением метафорических выражений. Элементы газетно-публицистического дискурса также имеют место в русскоязычном НПД в виде фрагментов повествования в «духе журналистского расследования». Разноуровневый характер знаков авторского присутствия объясняется и обусловленным авторской интенцией взаимодействием нескольких семиотических кодов, сопровождаемых в русскоязычном НПД частым использованием кавычек для стимулирования внимания адресата и изменением типа шрифта в англоязычном НПД.

Изучение индивидуально-авторской оценочности показало разноуровневый характер ее текстовой реализации. Для русскоязычного

дискурса популярной науки характерно ее проявление на лексическом и грамматическом уровнях в форме усиления эмотивизации и уменьшительно-ласкательных суффиксов, в то время как в англоязычном НПД более репрезентативны лексико-стилистические средства выражения оценочности, а именно метафорические сравнения с оценочной семантикой, эпитеты с значением критической оценки. Динамика изменения характера использования данных средств демонстрирует тенденцию к снижению интенсивности оценки в тексте К. Сагана по сравнению с текстом В.Г. Сурдина. Кроме того, англоязычный дискурс демонстрирует пятикратно меньшее количество эмоционально окрашенных восклицательных высказываний, отражающее авторское стремление к умеренной экспрессии.

Заключение

Проведенный когнитивно-прагматический анализ научно-популярного дискурса астрономии, представленного корпусом тематически связанных текстов на русском и английском языках, позволил установить достаточно самостоятельный статус данного типа дискурса, обосновать его интердискурсный контаминированный характер. Типологические признаки институциональности НПД астрономии, согласно концепции В.И. Карасика, включают в себя такие прагматически значимые параметры, как типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы, свидетельствующие о его особом месте среди других разновидностей дискурса. Отмеченные области пересечения научно-популярного дискурса по перечисленным выше параметрам, коммуникативным стратегиям и особенностям авторского присутствия с такими дискурсивными практиками, как научная, медийно-публицистическая, педагогическая, свидетельствуют о нежестком характере коммуникации ученого-популяризатора и неподготовленного читателя.

В процессе анализа прагмакогнитивных особенностей разноязычного научно-популярного дискурса были установлены типологические характеристики личности ученого-популяризатора, обусловленные фактором адресата – массового неподготовленного читателя. Статус адресанта как ученого-профессионала с богатым жизненным и научным опытом, занимающегося популяризацией результатов исследования космоса, предопределил выбор эффективных стратегий трансляции специального знания в диаде «профессионал – непрофессионал» как антропоцентров научно-популярной коммуникации. Адресант как объективный, интерпретирующий и оценивающий информатор использует такие эффективные стратегии трансляции сложного научного знания, как информационно-объясняющая, реализуемая посредством внутриязыкового перекодирования сообщения, и

манипулятивно-воздействующая, способствующая убеждению адресата в истинности авторской позиции. Цель автора научно-популярного текста как результата его коммуникативно-когнитивной деятельности состоит в переформатировании исходного научного знания с учетом когнитивного опыта и интерпретационных компетенций неподготовленного адресата. Ученый-популяризатор фокусирует внимание и направляет когнитивно-мыслительную деятельность читателя посредством логизированного сообщения, сопровождаемого собственными наблюдениями и оценочными суждениями. Модель адресата научно-популярного текста коррелирует по многим параметрам с такими характеристиками массового читателя СМИ, как опосредованность, анонимность, рассредоточенность в пространстве и времени, неопределенность, разнородность.

Процесс преобразования сложного научного знания в доступный для восприятия непрофессионалом формат обеспечивается механизмом внутриязыкового перевода, рассматриваемого в качестве эффективной стратегии популяризации сложного астрономического знания. При этом основная цель перевода и популяризации совпадает – открытие доступа к информации для людей, которые не говорят на незнакомом языке, в том числе и на языке науки. Трансформация текстовой и визуальной форм презентации знания значительным образом влияет на характер популяризации и эффективность донесения информации до широкого читателя в целях активизации познавательной деятельности и обогащения его научной картины мира. Эффективность восприятия вербальной составляющей значительно возрастает в результате привлечения визуальных и графических элементов, наполняющих эпистемическую систему научно-популярного дискурса новыми контекстами и оптимальными способами репрезентации знания.

Прагматически обусловленное внутриязыковое перекодирование выступает инструментом внутреннего смысло- и текстообразования, используемого ученым-популяризатором при адаптации содержания научного текста с привлечением эффективных коммуникативных стратегий. Научно-

популярный текст как результат речемыслительной деятельности адресанта трактуется в работе как аналитический тип текста, поскольку ученый-популяризатор не только излагает научные факты, но и размышляет, полемизирует с адресатом, направляя его внимание на адекватное осмысление информации, активизируя его познавательную деятельность. Научно-популярный тип текста, в сравнении с научным, характеризуется детерминологизацией повествования, расширенным набором средств диалогизации, включающих в себя формы имитации диалога и авторских обращений к читателю, и приемов экспрессивизации и эмотивизации, сопровождаемых средствами субъективной модальности. Типологические характеристики научно-популярного дискурса обусловлены прагматическим переориентированием научного знания на неподготовленного адресата.

Исследование подходов к определению авторизации и форм взаимодействия адресанта как главного антропоцентра коммуникации с адресатом позволило конкретизировать понятие «знаки авторского присутствия» как способа воплощения авторской рефлексии. Знаки авторского присутствия трактуются в работе как разноуровневые языковые и неязыковые средства, служащие для реализации коммуникативной интенции автора, диалогизации и интимизации общения, воздействия на читателя и, в конечном итоге, обогащения его научной картины мира.

В ходе прагматического фокусирования внимания на когнитивной информации ученый-популяризатор активно вводит субъективные наблюдения, аргументы, выводы и собственные оценки, т.е. стремится транслировать объективные сведения в образно-экспрессивном ключе. Знаки авторского присутствия выполняют функцию активизации познавательной деятельности читателя посредством диалогизации и интимизации, обеспечивающих эффективность неформального доверительного общения. Статус ученого как ведущего антропоцентра коммуникации позволяет задействовать в общении с потенциальным адресатом как эксплицитные, так и имплицитные формы своего участия в повествовании. Использование эксплицитных знаков авторского

присутствия связано с реализацией информационно-объясняющей и воздействующей стратегий, направляющих восприятие информации адресатом, в то время как имплицитные знаки авторского присутствия выполняют функцию стимулирования когнитивной активности адресата через эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и экспрессивизацию коммуникации.

В продолжение традиции изучения дискурсивных механизмов научно-популярной коммуникации, когнитивных особенностей восприятия текста в процессе анализа эмпирического материала были выявлены механизмы стимулирования познавательной активности, под которыми мы понимаем когнитивно-прагматические приемы адресанта как способ влияния на процесс восприятия информации читателем, реализуемые рациональными и чувственными способами репрезентации нового научного знания. Управление процессами рационального и чувственного познания позволяет говорить о значительной мере контроля и организации адресантом характера и особенностей восприятия информации в данном типе дискурса. Аффективный уровень процесса познания обусловлен воздействием художественных образов на эмоции, чувства и переживания воспринимающего, что послужило основой для выделения механизмов субъективизации, экспрессивизации, интимизации и метафоризации. Рациональная сторона активизации познавательной активности включает в себя различные методы логического убеждения и объяснения, аргументации авторской позиции, налаживания контакта с адресатом путем различных средств визуализации, схематизации, реализуемых когнитивными механизмами аргументации, объяснения и экземплификации.

Прагматика эксплицитных средств выражения Я-позиции автора в научно-популярных текстах заключается в поддержании персонифицирующей стратегии общения. Высоким потенциалом передачи авторской позиции обладают контактоустанавливающая коммуникативная стратегия, а также стратегия самопрезентации автора. Языковая форма эксплицитных знаков авторского присутствия обусловлена несколькими факторами. Так, различия в

прагматическом фокусировании внимания посредством эксплицитных средств выражения авторской позиции на русском и английском языках свидетельствуют о более высоком уровне потенциальной подготовленности читателя-адресата текста В.Г. Сурдина, отличающегося сложностью дефиниций, формул и терминов и предполагающего достаточно высокий уровень когнитивных компетенций потенциального читателя, который должен владеть языком оригинала для корректного восприятия содержания иноязычного термина или цитаты без пояснений и перевода и который может воспользоваться полной библиографической ссылкой на интертекстуальное включение для восполнения имеющихся лакун. При этом англоязычный дискурс демонстрирует менее высокие требования к компетенциям адресата: термины вводятся автором с помощью различных приемов описательного толкования, ссылки на цитаты не снабжены библиографическим описанием.

Кроме того, характер языковой репрезентации средств авторизации в двух лингвокультурах зависит от соотношения категоричности/некатегоричности авторских высказываний, маркером которых выступает личное местоимения «I» в англоязычном дискурсе и коллективное «мы» в русскоязычном. Большая степень декатегоризации повествования в англоязычном научно-популярном дискурсе обусловлена его сближением с дискурсом публицистики, когда автор имеет множество способов избежать ответственности за собственные высказывания. Одновременно с этим, русскоязычный дискурс демонстрирует большую степень категоричности авторского изложения, что свидетельствует о более тесном взаимодействии научно-популярного и научного дискурсов, где более объективный, категоричный и логизированный способ коммуникации является стилевой нормой.

Установленный в процессе анализа гибридный характер имплицитных знаков авторского присутствия в научно-популярном тексте обусловлен межстилевой конвергенцией когнитивно-прагматических параметров научного, художественного, газетно-публицистического и рекламного дискурсов. Из

научного дискурса заимствован терминологический аппарат астрономии, типичные клише, а также научные формулы из разных областей науки. Пересечения с художественным дискурсом характеризуются использованием развернутой метафоры в русскоязычном дискурсе астрономии, а также концептуальной метафоры для объяснения принципов действия астрономической аппаратуры. В англоязычном дискурсе частотными художественными средствами являются аналогии из Библии.

Характер использования междискурсных средств зависит от актуальной коммуникативной задачи, решаемой в конкретном контексте. Заимствования из художественного дискурса нацелены на оказание эмоционального воздействия на адресата, на целостное формирование его картины мира, в то время как конвенциональные средства научного дискурса реализуют информирующую функцию. Отметим также наличие в русскоязычном дискурсе популярной науки фрагментов повествования в «духе журналистского расследования», типичного для газетно-публицистического и рекламного дискурсов, а также взаимодействие нескольких семиотических кодов, призванных стимулировать внимание читателя.

Средства индивидуально-авторской оценочности имеют в научно-популярном тексте широкую палитру репрезентации на лексическом, грамматической и стилистическом уровнях текстообразования. Особенностью выражения авторской оценки в русскоязычном дискурсе является критическое восприятие результатов научной деятельности, определение актуальности и перспективности некоторых направлений исследования, передача размеров небесных тел с использованием суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением, а также фразеологизмов с элементами иронии, призванных эксплицировать критическую позицию. Англоязычный НПД отличается преобладанием лексико-стилистических средств выражения оценочности, а именно метафорических сравнений с оценочной семантикой, эпитетов со значением критической оценки. Тенденция к снижению степени оценочности в англоязычном научно-популярном дискурсе связана с использованием

выражений, лишенных личностного компонента при работе с предубеждениями читателя. Англоязычный дискурс, демонстрирующий пятикратно меньшее количество эмоционально окрашенных восклицательных высказываний, отражает авторское стремление к нейтрализации экспрессии.

Перспектива дальнейшего исследования способов авторизации повествования состоит в изучении различных типов дискурсов на материале других языков, сопоставительном анализе и типологизации знаков авторского присутствия в устной и письменной коммуникации. Предложенный алгоритм когнитивно-прагматического анализа знаков авторского присутствия может быть использован при исследовании степени институционализации дискурсивных практик. Перспективным видится также использование методов корпусной лингвистики и современных цифровых технологий как эффективных инструментов анализа, способных повысить степень эмпирической верификации полученных результатов.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – Москва : Академия, 2004. – 352 с. – Текст : непосредственный.
2. Алексеевичева, С. Ю. К определению понятия «научно-популярный тип текста» / С. Ю. Алексеевичева. – Текст : непосредственный // Царскосельские чтения. – 2010. – Т. 4, № XIV. – С. 233–236.
3. Алейникова, Ю. А. Цитирование в научно-популярном тексте: автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Алейникова Юлия Александровна. – Тула, 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.
4. Амантаева, Ф. Е. Восприятие как целостный образ / Ф. Е. Амантаева, Н. А. Султанова, А. М. Еркебуланова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 6-2. – С. 156–158.
5. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян – Текст : непосредственный // Прагматика и проблемы интенциональности. – Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 7–44.
6. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
7. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.
9. Багиян, А. Ю. Особенности процесса детерминологизации английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе (квантитативный анализ) / А. Ю. Багиян – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014 а. – № 8. – С. 313–316.

10. Багиян, А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса / А. Ю. Багиян – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014 б. – № 3. – С. 81–86.

11. Багиян, А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Багиян Александр Юрьевич. – Пятигорск, 2015. – 28 с. – Текст : непосредственный.

12. Багиян, А. Ю. Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когниолингвистический аспект (на материале английского языка) / А. Ю. Багиян – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2017. – № 6. – С. 9–28.

13. Баженова, Е. А. Стилистико-речевая организация научного текста / Е. А. Баженова – Текст : непосредственный // Стил. – 2003. – № 2. – С. 129–141.

14. Баженова, Е.А. Средства адресации в научном тексте / Е.А. Баженова. – Текст : электронный // Медиаскоп: электронный научный журнал. – 2012. – №. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (дата обращения 08.04.2025).

15. Базылев, В. Н. Специальная теория перевода / В. Н. Базылев. – Текст : непосредственный // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. – Москва: ИНИОН РАН, 2010. – С. 192–194.

16. Баранова, И. И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте / И. И. Баранова – Текст : непосредственный // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 3. – С. 119–125.

17. Блэк, М. Метафора / М. Блэк – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–172.

18. Богин, Г.И. Интендирование как одна из техник понимания / Г.И. Богин – Текст : непосредственный // Вопросы методологии. – 1992. – № 3/4. – С. 90-104.

19. Богинская, О. А. Репрезентация экспертного знания в дискурсивных практиках судьи / О. А. Богинская – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 310–324.

20. Богословская, И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Богословская Инна Валентиновна. – Москва, 2001. – 19 с. – Текст : непосредственный.

21. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

22. Болсуновская, Л. М. Лексические средства выражения позиции автора в русском и английском научно-техническом письменном дискурсе (на материале текстов по геологии) / Л. М. Болсуновская. – Текст : электронный // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – 2015 а. – № 114 (10). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/10/pdf/36.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).

23. Болсуновская, Л. М. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсе / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015 б. – № 2–15. – С. 3413–3416.

24. Борботько, В. Г. Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Борботько Владимир Григорьевич. – Краснодар, 1998. – 250 с. – Текст : непосредственный.

25. Бредихин, С. Н. Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте / С. Н. Бредихин, С. В. Серебрякова, А. А. Лиховид – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 139–145.

26. Бредихин, С. Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной

работы / С. Н. Бредихин, Ю. И. Бредихина, И. Н. Махова – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 2 (106). – С. 119–124.

27. Булдакова, Ю. В. Формы авторского присутствия в тексте фан-фикшн (интернет-публикация романа Э. Юджовского «Гарри Поттер и методы рационального мышления») / Ю. В. Булдакова – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 212–215.

28. Быкова, К. С. Лингвокогнитивные механизмы формирования научного мифа в научно-популярном дискурсе: к постановке проблемы / К. С. Быкова – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4 (222). – С. 96–106.

29. Величко, М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий / М. А. Величко – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 39–43.

30. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1971. – 239 с. – Текст : непосредственный.

31. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с. – Текст : непосредственный.

32. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 4-е. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 280 с. – Текст : непосредственный.

33. Вольф, М. Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы / М. Н. Вольф – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36, № 3. – С. 426–440.

34. Воронова, А. В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа / А. В. Воронова – Текст : непосредственный // Русистика. – 2016. – № 2. – С. 7–11.

35. Воронцова, Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе / Т. А. Воронцова – Текст :

непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 37. – С. 26–29.

36. Воронцова, Т. А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) / Т. А. Воронцова – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 88. – 2014. – № 6 (335). – С. 38–42.

37. Габдуллина, В. И. Проблема дискурсивного выражения авторской позиции в произведениях Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 46–52.

38. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва: Высшая школа, 1981. – 334 с. – Текст : непосредственный.

39. Глухов, Г. В. Лингвистическая компрессия в англоязычных текстах сферы обслуживания / Г. В. Глухов, О. В. Белякова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2016. – № 1(3). – С. 31–36.

40. Гричин, С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович. – Томск, 2003. – 177 с. – Текст : непосредственный.

41. Гричин, С. В. Текстостроительная функция авторизации / С. В. Гричин. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 5–14.

42. Гричин, С. В. Экстралингвистические основы авторизации в научном дискурсе / С. В. Гричин. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 11 (176). – С. 21–26.

43. Гришечкина, Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики / Г. Ю. Гришечкина. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4. – С. 130–136.

44. Гришечкина, Г. Ю. Понятие первичного и вторичного в типологии научных текстов / Г. Ю. Гришечкина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 1 (64). – С. 118–119.
45. Гусаренко, С. В. Когнитивно-семантические структуры дискурса: системное взаимодействие и семантическая энтропия / С. В. Гусаренко. – Москва : Флинта, 2021. – 313 с. – Текст : непосредственный.
46. Гусейнова, И. А. Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессы) / И. А. Гусейнова, К. Г. Никитенкова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 120–128.
47. Давыдова, В. Ю. Методология визуализации теоретических знаний / В. Ю. Давыдова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2011. – № 3 (84). – С. 24–28.
48. Данилова, Н. В. Средства выражения авторского мнения в научно-популярном дискурсе / Н. В. Данилова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 438–441.
49. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст : непосредственный.
50. Дускаева, Л. Р. Диалогичность речи (письменной) / Л. Р. Дускаева. – Текст : непосредственный – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта; Наука, 2003. – С. 45–53.
51. Дускаева, Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации / Л. Р. Дускаева. – Текст : непосредственный // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. – Санкт-Петербург: Медиатапир, 2022. – С. 94–108.
52. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 172–193.

53. Егорова, Л. А. К вопросу об определении понятия «Научно-популярный дискурс» / Л. А. Егорова. – Текст : непосредственный // Русистика. – 2009. – № 1. – С. 42–46.

54. Еремина, Ю. Ю. Функциональный аспект метафоры в педагогическом дискурсе / Ю. Ю. Еремина. – Текст : электронный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-aspekt-metafory-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 10.05.2026).

55. Ефремова, Н. В. Диалогичность как один из механизмов текстообразования в процессе дискурсивной деятельности ученого / Н. В. Ефремова. – Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 138–145.

56. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000. – Текст : электронный. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 30.01.2026).

57. Жаркынбекова, Ш. К. Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений / Ш. К. Жаркынбекова, А. А. Байбатырова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2019. – № 16 (2). – С. 188–213.

58. Журавлева, О. А. Структурно-семантические особенности внутриязыкового перевода (на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и их переводов на современный английский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Журавлева Ольга Алексеевна. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. – 20 с. – Текст : непосредственный.

59. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005. – 543 с. – Текст : непосредственный.

60. Занина, М. А. Метафоризация в научно-популярном дискурсе / М. А. Занина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского

государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 72–77.

61. Зарайский, А. А. Специфика экспрессивности научно-популярного текста в аспекте прагмалингвистики / А. А. Зарайский, О. Л. Морова, В. Ю. Полякова. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2019. – № 3. – С. 257–260.

62. Зарубина, Н. С. Иллюстрация как способ представления научной информации в Telegram-каналах о лингвистике / Н. С. Зарубина. – Текст : непосредственный // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5, №. 1. – С. 270–278.

63. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1973. – 351 с. – Текст : непосредственный.

64. Зубова, Т. Б. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология / Т. Б. Зубова, О. И. Калинин. – Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. – 2025. – № 2. – С. 172–178.

65. Изаренков, Д. И. Обучение диалогической речи / Д. И. Изаренков. – Москва: Русский язык, 1986. – 150 с. – Текст : непосредственный.

66. Каменский, М. В. Дискурсивные маркеры в трансдисциплинарном освещении: от философии языка Л. Витгенштейна к когнитивной лингвистике и искусственному интеллекту / М. В. Каменский. – Ставрополь: СКФУ, 2022. – 133 с. – Текст : непосредственный.

67. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

68. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с. – Текст : непосредственный.

69. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

70. Карасик, В. И. Самопрезентация в рекламном дискурсе / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 32–43.

71. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. – Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

72. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва: УРСС, 2002. – 264 с. – Текст : непосредственный.

73. Кибкало, Р. И. Научно-популярный текст как результат внутриязыкового перевода / Р. И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля) : Сборник статей по материалам Международной научной конференции (Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 г.). – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 202–208.

74. Кибкало, Р. И. Взаимодействие медиадискурса с дискурсом популярной науки в пространстве СМИ / Р.И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Диалог культур в медиапространстве : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 4-5 октября 2024 года). – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2024 а. – С. 103–106.

75. Кибкало, Р. И. Диалогизация как имманентное свойство институционального дискурса популярной науки / Р. И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2024 б. – № 17, Т. 4. – С. 101–108.

76. Кибкало, Р. И. Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе / Р. И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025 а. – № 6 (900). – С. 58–65.

77. Кибкало, Р. И. Научно-популярный текст как результат междискурного взаимодействия / Р. И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025 б. – № 1. – С. 164–170.

78. Кириченко, Н. В. Научно-популярный подстиль / Н. В. Кириченко. – Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта; Наука, 2003. – С. 236–242.

79. Киселев, А. Ю. Стратегии модализации в научно-популярном дискурсе / А. Ю. Киселев. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского гуманитарного университета. Гуманитарная серия. – 2011. – № 82 (1-2). – С. 129–132.

80. Клименко, К. В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю.М. Нагибина) / К. В. Клименко. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 215–222.

81. Клюканов, И. Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Клюканов Игорь Энгелевич. – Саратов, 1999. – 42 с. – Текст : непосредственный.

82. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 157–163.

83. Кожина, М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 1972. – 395 с. – Текст : непосредственный.

84. Кожина, М. Н. Научный стиль / М. Н. Кожина. – Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта; Наука, 2003. – С. 242–248.

85. Колесникова, Н. И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов / Н. И. Колесникова. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 130–137.

86. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – Москва: Наука, 1974 – 81 с. – Текст : непосредственный.

87. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва: ЭТС, 1999. – 192 с. – Текст : непосредственный.
88. Костяшина, Е. А. Механизмы дискурсивных трансформаций коммуникативной модели «Автор – адресат» в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е. А. Костяшина. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2010. – №2. – С. 28–35.
89. Котюрова, М. П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е.А. Баженова. – Москва : Флинта; Наука, 2008. – 280 с. – Текст : непосредственный.
90. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса / Е. В. Кравцова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 25. – С. 130–131.
91. Краснова, Т. И. Субъективность – модальность: Материалы активной грамматики / Т. И. Краснова. – Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2002. – 189 с. – Текст : непосредственный.
92. Крюкова, В.Ф. Выражение компаративных отношений в научно-популярных лингвистических текстах / В. Ф. Крюкова, С. И. Наддел. – Текст : электронный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-komparativnyh-otnosheniy-v-nauchno-populyarnyh-lingvisticheskikh-tekstah> (дата обращения: 05.04.2026).
93. Кубрак, Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Кубрак Тина Анатольевна. – Москва, 2009. – 26 с. – Текст : непосредственный.
94. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
95. Кузьмина, Е. М. Субъективная модальность в научном дискурсе: семантика и средства выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01

/ Кузьмина Екатерина Михайловна. – Санкт-Петербург, 2011 а. – 25 с. – Текст : непосредственный.

96. Кузьмина, Е. М. Субъективная модальность в научном дискурсе: семантика и средства выражения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кузьмина Екатерина Михайловна. – Санкт-Петербург, 2011 б. – 136 с. – Текст : непосредственный.

97. Кузьминых, Ж. О. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики / Ж. О. Кузьминых, Н. В. Красильникова. – Текст : непосредственный // Universum: филология и искусствоведение. – 2022. – № 7 (97). – С.12–14.

98. Лазаревич, Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э.А. Лазаревич. – Москва: Книга, 1984. – 384 с. – Текст : непосредственный.

99. Литвяк, О. В. Проблема авторской интенции в рамках лингвистики текста / О. В. Литвяк. – Текст : непосредственный // Символ науки. – 2018. – № 3. – С. 54–57.

100. Маевский, Н. Н. Особенности научно-популярного стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Маевский Николай Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1979. – 25 с. – Текст : непосредственный.

101. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверского университета, 1998. – 200 с. – Текст : непосредственный.

102. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

103. Манаенко, Г. Н. Значения «мира текста» и смыслы «мира дискурса» / Г. Н. Манаенко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – 2008. – № 6. – С. 9–22.

104. Манаенко, Г. Н. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса / Г. Н. Манаенко, С. А.

Манаенко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 65–71.

105. Миколайчик, М. В. Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций / М. В. Миколайчик. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 5(86). – С. 90–99.

106. Милостивая, А. И. Авторское «я» в нарративе немецкой газетной журналистики как маркер субъекта коммуникативного действия / А. И. Милостивая. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С. 191–197.

107. Милькович, М. Эпистемическая модальность в политическом дискурсе / М. Милькович, А. Ситарца. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 75–79.

108. Мишанкина, Н. А. Прагматика научного дискурса / Н. А. Мишанкина – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 126–133.

109. Мишланова, С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.

110. Мордовина, Т. В. Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики / Т. В. Мордовина, Е. Ю. Воякина, Л. Ю. Королева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 366–368.

111. Мучкина, Е. С. Средства выражения эпистемической модальности в дискурсивном пространстве британских ток-шоу / Е. С. Мучкина, П. Е. Ботвина. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4–3. – С. 147–161.

112. Нагиева, Е. Б. Речевая организация текста публичной лекции (на материале телевизионного цикла Academia) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Нагиева Елена Билаловна. – Санкт-Петербург, 2017. – 26 с. – Текст : непосредственный.

113. Назаренко, А. Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: на материале английского языка : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.04 / Назаренко Алла Леонидовна. – Москва, 2000. – 48 с. – Текст : непосредственный.

114. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – Москва: Флинта; Наука, 2003. – 320 с. – Текст : непосредственный.

115. Нечаева, Н. В. Теоретические основы формирования доступной коммуникации: от интерпретативного упрощения языкового кода к созданию эффективного коммуникационного продукта / Н. В. Нечаева, Э. М. Каирова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2026. – № 1. – С. 54-64.

116. Нёт, В. Чарльз Сандерс Пирс / В. Нёт. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – Вып. 3–4. – Новосибирск: Изд-во Белгородского государственного университета, 2001. – С. 5–32.

117. Нефёдов, С. Т. ИмPLICITная авторизованность научного текста / С. Т. Нефедов. – Текст : непосредственный // Научное мнение. – 2013. – № 10. – С. 51–57.

118. Овагимян, Н. А. Некоторые особенности функционирования метафоры в научно-популярном дискурсе (на материале англоязычных научно-популярных фильмов) / Н. А. Овагимян. – Текст : непосредственный // Вестник государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 7 (836). – С. 144–155.

119. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Олянич Андрей Владимирович. – Волгоград, 2004. – 602 с. – Текст : непосредственный.

120. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 151–169.

121. Падучева, Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 3–18.

122. Пантеева, К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) / К. В. Пантеева. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – № 26 (1). – С. 125–133.

123. Первухина, С. В. Виды адаптации текста / С. В. Первухина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014 а. – № 11. – С. 97–100.

124. Первухина, С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста / С. В. Первухина. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2014 б. – 203 с. – Текст : непосредственный.

125. Первухина, С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Первухина Светлана Владимировна. – Волгоград, 2015. – 44 с. – Текст : непосредственный.

126. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – Москва: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2011. – 627 с. – Текст : непосредственный.

127. Попова, О. В. Адаптация текста к новым параметрам коммуникативной ситуации / О. В. Попова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 222–226.

128. Разинкина, Н. М. Функциональная стилистика / Н. М. Разинкина. – Москва: Высшая школа, 1989. – 182 с. – Текст : непосредственный.
129. Ракитина, С. В. Коммуникативная задача и её реализация в научном стиле / С. В. Ракитина. – Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3. – С. 81–82.
130. Ребрушкина, И. А. Виды ориентации терминологических единиц / И. А. Ребрушкина, О. Л. Арискина. – Текст : непосредственный // Научный журнал КубГАУ. – 2011. – № 71(7). – С. 1–9.
131. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: Лабиринт, 1994. – 214 с. – Текст : непосредственный.
132. Романов, Д. А. Научно-популярная литература: вчера, сегодня, завтра / Д. А. Романов. – Текст : непосредственный // Время науки. – 2015. – № 4. – С. 28–32.
133. Русская грамматика. Т. 1. – Москва: Наука, 1980. – 788 с. – Текст : непосредственный.
134. Садовникова, Е. В. Участие категории времени в построении аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье / Е. В. Садовникова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 18 (816). – С. 320-329.
135. Сахарова, А. В. Языковые и лингвопрагматические средства выражения эпистемической модальности в современных естественнонаучных текстах на русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Сахарова Анна Владимировна. – Нижний Новгород, 2023 а. – 28 с. – Текст : непосредственный.
136. Сахарова, А. В. Языковые и лингвопрагматические средства выражения эпистемической модальности в современных естественнонаучных текстах на русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Сахарова Анна Владимировна. Нижний Новгород, 2023 б. – 198 с. – Текст : непосредственный.

137. Светайлов, Б. В. Хеджирование в научной статье экономической тематики: социокультурные нормы и смыслообразовательные особенности в разноструктурных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Светайлов Борис Владимирович. Ставрополь, 2024. – 259 с. – Текст : непосредственный.

138. Сенкевич, М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М. П. Сенкевич. – Москва: Наука, 1984. – 319 с. – Текст : непосредственный.

139. Сердобинцев, Н. Я. Выразительность как средство становления научно-популярного стиля русского литературного языка / Н. Я. Сердобинцев. – Текст : непосредственный // Общие проблемы стилистики. – Москва: МГПИИЯ, 1973. – С. 129–131.

140. Сердобинцев, Н. Я. К истории научно-популярного стиля / Н. Я. Сердобинцев – Текст : непосредственный // Вопросы стилистики. – Вып. 11. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976. – С. 83–109.

141. Серебряков, А. А. Знаки авторского присутствия в семантическом пространстве новеллы Г. фон Клейста «Маркиза Де'О» / А. А. Серебряков, С. В. Серебрякова – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – Вып. 79(2). – С. 85–90.

142. Серебрякова, С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте / С.В. Серебрякова – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь: СГУ, 2008. – С. 240–245.

143. Серебрякова, С. В. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) / С. В. Серебрякова, Р. И. Кибкало. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 72–83.

144. Симакова, С. И. Развитие визуальной журналистики / С. И. Симакова. – Текст : непосредственный // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 г.). – Екатеринбург: Уральский Федеральный Университет, 2016. – С. 125–131.

145. Смолина, Л. В. Метафоризация как вспомогательное средство репрезентации научной информации в научно-популярном дискурсе (на материале французского языка) / Л. В. Смолина. – Текст : непосредственный // Реализация инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах : проблемы и перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Ч. 2. – Воронеж : Воронежский институт МВД РФ, 2016. – С. 67–70.

146. Солганик, Г. Я. О текстовой модальности как семантической основе текста / Г. Я. Солганик. – Текст : непосредственный // Структура и семантика художественного текста: доклады VII международной конференции. – Москва: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 364–372.

147. Соловьева, Г. И. Проблемная ситуация как элемент композиции монографий по лингвистике / Г. И. Соловьева. – Текст : непосредственный // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. – С. 243–257.

148. Соловьева, Н. В. Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Н. В. Соловьева, Е. А. Медведева. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 32 (286) – С. 107–111.

149. Соловьева, Ю. О. Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс / Ю. О. Соловьева. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2022 г. – Т. 19, № 1. – С. 15–21.

150. Соловьева, Ю. О. Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...») / Ю. О. Соловьева. – Текст :

непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022 б. – № 3. – С. 130–139.

151. Соловьева, Ю. О. Адресант как детерминирующий фактор выбора коммуникативных стратегий в современном научно-популярном юридическом дискурсе / Ю. О. Соловьева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 2. – С. 147–158.

152. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – Москва: Наука, 1990. – 240 с. – Текст : непосредственный.

153. Сорокина, С. Г. Особенности аргументативной структуры научного текста / С. Г. Сорокина. – Текст : непосредственный // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 3 (19). – С. 82–88.

154. Степанов, В. Г. К проблеме единства выражения и убеждения / В. Г. Степанов. – Текст : непосредственный // Контекст. 1983: Литературно-теоретические исследования. – Москва: ИМЛИ РАН, 1984. – С. 20–37.

155. Степанов Е. С. Концептуальная метафора в научном и научно-популярном дискурсе Германии: Анализ употребления и функций / Е. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 3. – С. 35–44.

156. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык и наука конца XX века. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 34–72.

157. Строева, Ю. Ю. Образ автора в англоязычном научно-популярном авиационном дискурсе / Ю. Ю. Строева. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 3. – С. 134–142.

158. Сулименко, Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа: Учебное пособие / Н. Е. Сулименко. – Москва: Флинта, – 2009. – 396 с. – Текст : непосредственный.
159. Сухая, Е. В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания / Е. В. Сухая. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». – 2012. – Вып. 6 (639). – С. 212–219.
160. Сухенко, Н. В. Специфика популяризации науки в России / Н. В. Сухенко. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2016. – № 4. – С. 18–22.
161. Телегина, В. А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты (на материале со временной французской прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Телегина Виктория Александровна. – Белгород, 2021. – 200 с. – Текст : непосредственный.
162. Тимохин, В. В. О текстовой модальности как семантической основе текста / В. В. Тимохин. – Текст : непосредственный // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. – Москва: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 364–372.
163. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с. – Текст : непосредственный.
164. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 451 с. – Текст : непосредственный.
165. Хомутова, Т. Н. Научно-популярный текст: интегральная модель / Т. Н. Хомутова, С. Г. Петров. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 37–41.

166. Хорева, Л. Г. Заглавие как знак авторской картины мира / Л. Г. Хорева. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2017. – № 4 (47). – С. 16–24.

167. Чернейко, Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи / Л. О. Чернейко. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 30. – Москва: МАКС Пресс, 2005. – С. 43–75.

168. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская. – Текст : непосредственный // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2001. – С. 11–12.

169. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 127 с. – Текст : непосредственный.

170. Чернявская, В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? / В. Е. Чернявская. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 77–83.

171. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с. – Текст : непосредственный.

172. Чернявская, В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы / В. Е. Чернявская – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 44–55.

173. Шакирова, Р. Д. Модальность достоверности как модусная категория коммуникативного уровня (на материале английского языка) / Р. Д. Шакирова, И. А. Щербакова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, №. 6. – С. 1849–1854.

174. Шаховский, В. И. О лингвистике эмоций / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3–15.

175. Шендельс, Е. И. Имплицитность в грамматике / Е. И. Шендельс – Текст : непосредственный // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Лингвистика текста. – Вып. 112. – Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1977. – С. 109–210.

176. Шмелева, Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста / Т. В. Шмелева. – Текст : непосредственный // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: труды и материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. – Тюмень: Мандр и К°, 2010. – С. 207–215.

177. Шкварцова, Т. В. Средства экспрессивизации высказывания в телевизионном дискурсе / Т. В. Шкварцова. – Текст : непосредственный // Отечественная филология. – 2019. – № 3. – С. 61–70.

178. Штейнберг, Н. А. Об одном способе манифестации авторского присутствия в нарративном тексте / Н. А. Штейнберг. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. – 2004. – № 3–4. – С. 92–98.

179. Штыкова, Н. В. Модель газеты: параметры лингвопрагматического моделирования / Н. В. Штыкова. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 2, № 3(32). – С. 79–83.

180. Шумилина, С. А. ИмPLICITные способы выражения авторской позиции в публицистическом дискурсе блогосферы Рунета / С. А. Шумилина, В. Н. Левина. – Текст : непосредственный // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 481–495.

181. Шутова, О. А. Категория оценки в научно-популярном дискурсе / О. А. Шутова – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2013. – № 1. – Т. 26 (65). – С. 75–79.

182. Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – Текст : непосредственный.

183. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва: Международные отношения, 1978. – С. 16–24.

184. Якубова, В. Ю. Средства авторизации в англоязычном научно-популярном тексте / В. Ю. Якубова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь – 2014 : сборник научных статей. – Могилев : Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2015. – С. 113–118.

185. Arduini, S. Translation: a new paradigm / S. Arduini, S. Nergaard. – Text : direct // A Transdisciplinary Journal. – 2011. – No. 1(2). – P. 8–17.

186. Cavanagh, J. Write it Right. A Guide to the Harvard [Author-Date] Referencing System / J. Cavanagh, P. Kirby. – Ireland: LIT Library & Information Resource Centre, 2014. – 40 p. – Text : direct.

187. Esteves, L. M. R. A popularização científica como uma forma de tradução' / L. M. R. Esteves. – Text : direct // Esteves, L. and Veras, V. (orgs.) Vozes da tradução: éticas do traduzir. – São Paulo: Humanitas, 2014. – P. 39–52.

188. Gotti, M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse / M. Gotti. – Text : direct // Iberica. – 2014. – No. 27. – P. 15–34.

189. Grice, H. P. Utterer's meaning and intentions / H. P. Grice – Text : direct // The Philosophical review. – 1969. – Vol. 78, No. 2. – P. 147–177.

190. Hyland, K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse / K. Hyland. – Text : direct // Discourse Studies. – 2005. – No. 7 (2). – P. 173–191.

191. Lightman, B. Victorian Popularizers of Science: Designing Nature for New Audiences / B. Lightman. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 564 p. – Text : direct.

192. Navarro, P. Science popularization as interepistemic translation: Augusto César de Miranda Azevedo's popularizations of Darwinism in 19th century Brazil / P. Navarro. – Text : direct // Bennett, Karen and Marco Neves, eds. (Inter-)epistemic

translation: a new paradigm? Special issue of Translation Matters. – 2024. – No. 6(1). – P. 24–45.

193. Peirce, C. S. The Essential Peirce. Vol. 2. / C. S. Peirce. – Bloomington: Indiana University Press, 1998. – 624 p. – Text : direct.

194. Peters, H. P. Scientists as public experts: expectations and responsibilities / H.P. Peters. – Text : direct // Handbook of public communication of science and technology. – London: Routledge, 2008. – P. 131–146.

195. Pounds, G. Attitude and subjectivity in Italian and British hard-news reporting: The construction of a culture-specific “reporter” voice / G. Pounds. – Text : direct // Discourse Studies. – 2010. – Vol. 12, No. 1. – P. 106–137.

196. Robinson, D. Translationality: essays in the translational-medical humanities / D. Robinson. – London: Routledge, 2017. – 239 p. – Text : direct.

197. Scherner, M. Textverstehen als ‘Spurenlesen’. Zur texttheoretischen Tragweite dieser Metapher / M. Scherner. – Text : direct // Text und Grammatik. – Bochum: Brockmeyer, 1994. – S. 317–340.

198. Taylor, H. L. Grammar deconstructed : Constructions and the curious Case of the Comparative Correlative: Doctoral dissertation / H. L. Taylor. – College Park : University of Maryland, 2013. – 224 p. – Text : direct.

199. Topham, J. R. Rethinking the history of science popularization / popular science / J. R. Topham. – Text : direct // Popularizing science in the European periphery 1800-2000. – Farnham : Ashgate, 2009. – P. 1–20.

200. Wright, S. E. Scientific, technical, and medical translation / S. E. Wright. – Text : direct // The Oxford handbook of translation studies. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 243–261.

Список источников эмпирического материала

201. Саган, К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / К Саган ; пер. с англ. А. Сергеева. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – Текст : электронный . – URL: https://royallib.com/get/epub/sagan_karl/kosmos_evolyutsiya_vselennoy_gizni_i_tsivilizatsii.zip. (дата обращения: 25.05.2026).
202. Сурдин, В. Г. Экзопланеты: от газовых гигантов к суперземлям / В. Г. Сурдин. – Текст : непосредственный // Наука и технологические разработки. – 2010. – Т. 89, № 4. – С. 3-19.
203. Сурдин, В. Г. Разведка далёких планет / В. Г. Сурдин. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2011. – Текст : электронный. – URL: [https://publ.lib.ru/PODVAL/RUS/S/%D1%F3%F0%E4%E8%ED,%20%C2%EB%E0%E4%E8%EC%E8%F0%20%C3%E5%EE%F0%E3%E8%E5%E2%E8%F7/%d1%f3%f0%e4%e8%ed%20%c2.%c3._%20%d0%e0%e7%e2%e5%e4%ea%e0%20%e4%e0%eb%e5%ea%e8%f5%20%ef%eb%e0%ed%e5%f2.\(2011\).pdf](https://publ.lib.ru/PODVAL/RUS/S/%D1%F3%F0%E4%E8%ED,%20%C2%EB%E0%E4%E8%EC%E8%F0%20%C3%E5%EE%F0%E3%E8%E5%E2%E8%F7/%d1%f3%f0%e4%e8%ed%20%c2.%c3._%20%d0%e0%e7%e2%e5%e4%ea%e0%20%e4%e0%eb%e5%ea%e8%f5%20%ef%eb%e0%ed%e5%f2.(2011).pdf). (дата обращения: 28.03.2026).
204. Тайсон, Н. Д. Астрофизика с космической скоростью, или Великие тайны Вселенной для тех, кому некогда / Н. Д. Тайсон ; пер. с англ. А. Бродоцкой. – Москва : АСТ, 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://sci.ru/disk/file/76375>. (дата обращения: 07.03.2026).
205. Образовательный проект ПостНаука. – Текст : электронный. – URL: postnauka.org (дата обращения: 07.03.2026).
206. Образовательный проект «Элементы» – Текст : электронный. – URL: <https://elementy.ru/> (дата обращения: 07.03.2026).
207. Popular Mechanics. – Text : electronic. – URL: <https://www.popularmechanics.com/> (accessed: 07.03.2026).
208. New Scientist. – Text : electronic. – URL: <https://www.newscientist.com/> (accessed: 07.03.2026).
209. Popular Science. – Text : electronic. – URL: <https://www.popsci.com/> (accessed: 07.03.2026).

210. «Неземной подкаст» Владимира Сурдина. – Текст : электронный. – URL: <https://podster.fm/podcasts/surdinpodcast>. (дата обращения: 07.03.2026).
211. Sagan, C. Cosmos / C. Sagan. – New York: Random House, 2013. – Text : electronic. – URL: <https://archive.org/details/sagancosmos/mode/2up> (accessed: 02.01.2026).
212. DeGrasse Tyson, N. Astrophysics for People in a Hurry / N. Degrass Tyson. – New York: W. W. Notron & Company, 2017. – Text : electronic. – URL: <https://thephysicsverse.science.blog/wp-content/uploads/20250/07/astrophysics.pdf>. (accessed: 25.04.2026).
213. DeGrasse Tyson, N. A Brief Welcome to the Universe: A Pocket-Sized Tour / N. DeGrasse Tyson, M. A. Strauss, J. R. Gott. – Princeton&Oxford: Princeton University Press, 2025. – Text : electronic. – URL: <https://www.asau.ru/files/pdf/2876229.pdf>. (accessed: 12.12.2025).
214. Hawking, S. The Universe in a Nutshell / S. Hawking. – London: Bantam Press. 2001. – 210 p. – Text : direct.